

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 17 АПРЕЛЬ 1983

Более 155 миллионов советских людей встали в день Всесоюзного коммунистического субботника на свои рабочие места. Многие коллективы ознаменовали свое участие в нем наивысшей производительностью труда, высоким качеством работы. Отличились корабелы николаевского судостроительного завода «Океан». В день «красной субботы» — на месяц раньше срока они сдали заказчику супертраулер-рыбозавод «Генерал Чистяков».

Телефото А. Кремко [ТАСС]

Упорную борьбу за свои права, за действительное равенство вынуждены вести женщины ФРГ. Они получают более низкую заработную плату за равный с мужчинами труд, им значительно труднее приобрести профессию.

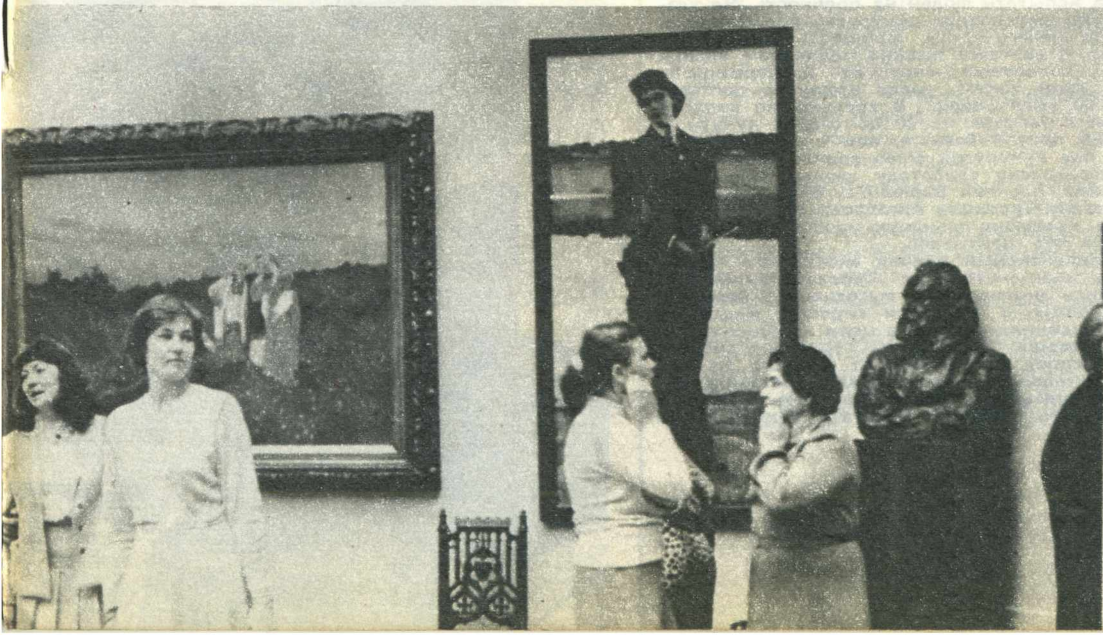
На снимке: активистки общественных организаций, которые вышли на демонстрацию в Дуйсбурге, требуют создания новых рабочих мест и протестуют против планов ввести для женщин воинскую повинность.

Фото ТАСС

ФОТО НЕДЕЛИ

19 апреля в Государственной Третьяковской галерее была открыта ретроспективная выставка, посвященная 225-летию Академии художеств СССР. На выставке представлены лучшие произведения русской классической школы и советского многонационального изобразительного искусства.

Фото Л. Шерстенникова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (2910)

23 АПРЕЛЯ 1983

В НОМЕРЕ:

Народы мира! Давайте решительный отпор агрессивным проискам империализма, милитаризма и реваншизма!

Обуздаем гонку вооружений, устраним угрозу войны, отстоим и углубим разрядку!

Из Призывов ЦК КПСС

ЯДЕРНОЙ ВОЙНЕ

ГОВОРЯТ СОВЕТСКИЕ

Академик Н. П. ДУБИНИН

«Обращение ко всем ученым мира» — важнейший, острозлободневный документ. Президент США Р. Рейган ратует за создание нового гигантского комплекса противоракетного оружия, «сугубо оборонительного» назначения, размещаемого на земле и в космическом пространстве. Это предложение противоречит общечеловеческому здравому смыслу. Очевидно, что такое «оборонительное оружие» ничего не даст стране, подвергшейся массированному нападению, оно не защитит население, но явно дестабилизирует сегодняшний стратегический баланс.

Я — генетик, ученый, изучающий жизнь. И с полной ответственностью я говорю, что ни в одном языке мира нет слов страшней, чем «ядерная война». В определенном смысле это эквивалент слову «смерть». В случае ядерной войны дети от оставшихся в живых в условиях радиоактивного заражения планеты будут нести на себе всю тяжесть поражения ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты) в зародышевых клетках родителей. И последствия влияния радиоактивных мутагенов будут проявляться во многих и многих поколениях. Начнется практически неконтролируемое разрушение биологических основ существования человека.

Но все это, повторяю, касается случайно оставшихся в живых в случае ядерной войны. А последствия ее — непредсказуемы. И я поставил свою подпись под «Обращением» со всей остротой понимания необходимости всеобщего и полного разоружения.

М. Я. СТУДЕНИКИН,
действительный член АМН СССР,
директор Института педиатрии:

Предложение президента Рейгана о создании нового гигантского комплекса противоракетного оружия не могу не назвать зловещим. Мне как врачу-педиатру безудержное стремление Соединенных Штатов к накоплению смертоносного оружия особенно тревожно. Снова вспомним Хиросиму и Нагасаки. Последствия двух бомбардировок, унесших 300 тысяч человеческих жизней, сказываются в Японии по сей день. Речь идет о тяжелых наследственных изменениях, наблюдаемых в организмах рождающихся детей.

Теперь же, спустя 38 лет, над миром нависла куда бóльшая опасность: на карту ставится жизнь уже сотен миллионов, если не миллиардов людей. О чем думают лидеры Пентагона и госдепартамента? Разве нет у них детей и внуков? Или, может быть, их организмы менее подвержены воздействию эффектов ядерного оружия? К тому же хочется еще раз напомнить этим лидерам слова из «Обращения ко всем ученым мира»:

«...Мы со всей ответственностью заявляем, что в ядерной войне эффективных оборонительных средств нет и создание их практически невозможно».

В декабре минувшего года в Москве проходил XI всесоюзный съезд детских врачей. Наряду с приглашенными из 17 стран мира в нем участвовали и известнейшие педиатры из Соединенных Штатов, такие, как, например, президент американской Академии педиатрии Джеймс Стрейн, исполнительный директор этой академии Харри Дженнисон и ее бывший президент Дон Блим. В США ведутся серьезные исследования в нашей области медицины.

На заключительном заседании съезда в устах советских и зарубежных специалистов отчетливо прозвучала мысль о грозящей опасности, о необратимости для детского организма последствий ядерной войны.

Известно, что дети более ранимы, чем взрослые, и более восприимчивы ко многим заболеваниям. Особенно это касается лучевого поражения.

В ответах на вопросы корреспондента «Правды» Ю. В. Андропова, в «Обращении ко всем ученым мира» четко выражена позиция Советского Союза по вопросам ядерного разоружения. Советские врачи, как и все врачи мира, как все прогрессивные люди планеты, еще и еще раз заявляют президенту США: «Остановитесь! Подумайте хотя бы о детях! Разве мало пролито крови в двадцатом веке?»

Я. М. ЛУЦКИЙ,
доктор медицинских наук,
главный врач детской больницы
имени Н. Ф. Филатова:

Под «Обращением ко всем ученым мира» поставил бы свою подпись каждый ученый нашей страны и особенно каждый врач. Мы стоим на страже здоровья и жизни людей и не можем оставаться равнодушными, когда слышим о новых планах, направленных против самого существования человечества. Люди, к несчастью, уже имеют печальный опыт «локального ядерного удара». А ведь мощность современных средств несоизмеримо превосходит атомные бомбы 1945 года. По образному выражению Даниэла Элсберга, который огласил четырнадцать лет назад секретные документы Пентагона о подготовке ядерной войны: «В каждой боеголовке «Першинга-2», которые Вашингтон готовит для западноевропейцев, скрыто по Освенциму».

Складывается такое впечатление, что президент США не помнит сегодня, что говорил вчера. А вчера он говорил: «Мы уже не придерживаемся оборонительной позиции. Именно поэтому, выступая недавно в парламенте

сев-83

БРИГАДА ПОДРЯДОМ

По рыжей кошме полей бродили тени облаков. Ветер растерял в необъятности пространств тормоза и теперь дул как хотел и куда хотел. Земля стремительно подсыхала, торопя хлеборобов, над ней вдали вставали миражи и выплывали из марева, словно из сказки, посевные агрегаты.

— Вот так весна,— задумчиво сказал главный агроном колхоза «40 лет Казахстана» Геннадий Васильевич Потапов, привычно разминая в ладони ком земли,— весна-поспешница. В такое время и уже пыль...

— С севом торопиться надо,— отозвался звеньевой Турехан Алгабаев.

Потапов лишь быстро взглянул на звеньевого. Сейчас их мысли и желания совпадали, но всего два года назад механизаторы в подобной ситуации вряд ли стали бы спешить. То есть выделенный им участок они бы засеяли, но не слишком задумались бы, какой урожай там вырастет. За урожай отвечали другие. Оплата труда была сдельной, она учитывала перевыполнение норм на отдельных операциях, зато требования к качеству были весьма расплывчатыми. Конечно, механизатор добросовестный и деятельный в любом случае выполнял свою долю работы на «отлично». Но человек с ленцой мог и схалтурить, не понеся урона ни морального, ни материального. Теперь — дело иное. Система коллективного подряда, активно внедряемая в колхозе, изменила сам подход к земле, свела в единое целое количество и качество. Теперь отдельному звену мало вспахать землю хорошо, мало засеять ее качественно и в срок. Теперь звену надо доказать выращенным урожаем свое умение, талант и право называться земледельцем. Доказать и право на солидную доплату к твердому заработку в конце года за тот самый урожай, за конечный результат.

Два года тому назад в колхозе организовали восемь звеньев на подряде. Правление, впрочем, события не торопило, давало людям вдуматься в суть новинки, досконально обсудить ее. Некоторые сомневались:

— Не будет ли уравниловки в оплате труда?

— А коэффициент трудового участия на что? — возражали им.— А надбавки за стаж и за классность?

— Допустим, подрядному звену дадут землю, технику, удобрения, средства и потребуют лишь одного — гарантированного урожая. Хорошо. А кто гарантирует нам хорошую погоду? Что будет, случись засуха?

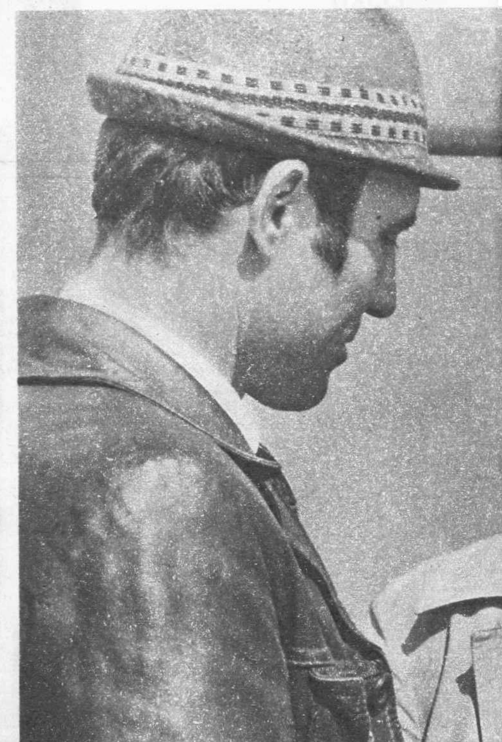
Засуха, как назло, и случилась в прошлом году, причем засуха жестокая. Природа словно решила испытать людей на прочность. Не хватало воды для полива кукурузы, про богару и говорить нечего — там пришлось косить уже в июне. И все-таки именно подрядные звенья спасли колхозный скот от бескормицы — свыше семи тысяч голов крупного рогатого скота, 50 тысяч овец... В среднем по колхозу собрали с гектара на 40 центнеров кукурузы (зеленой массы) больше, чем в лучшие годы (всего под кукурузой было занято 1200 гектаров). Прекрасно сработали звенья Владимира Ледовских, Василия Бирюлина, Булата Баженова, а звено Турехана Алгабаева стало рекордсменом, превысив плановую урожайность с гектара на сто центнеров.

— Коллективный подряд внес много нового в нашу жизнь,— говорил Турехан Алгабаев,— кончились разговоры о выгодных и невыгодных работах, о плохих и хороших массивах. Нас объединила общность цели, самоконтроль, взаимопомощь, повысилась трудовая дисциплина. Подряд потребовал от каждого из нас самостоятельности мышления, заставил буквально впитывать агротехнические знания и понять, что вслепую работать неинтересно...

По рыжей кошме полей бродили тени облаков. Их обгоняли то там, то тут посевные агрегаты. Они спешили, потому что их подгоняла весна...

Л. ЮРЬЕВ
Фото автора

Алма-Атинская область.

— НЕТ!

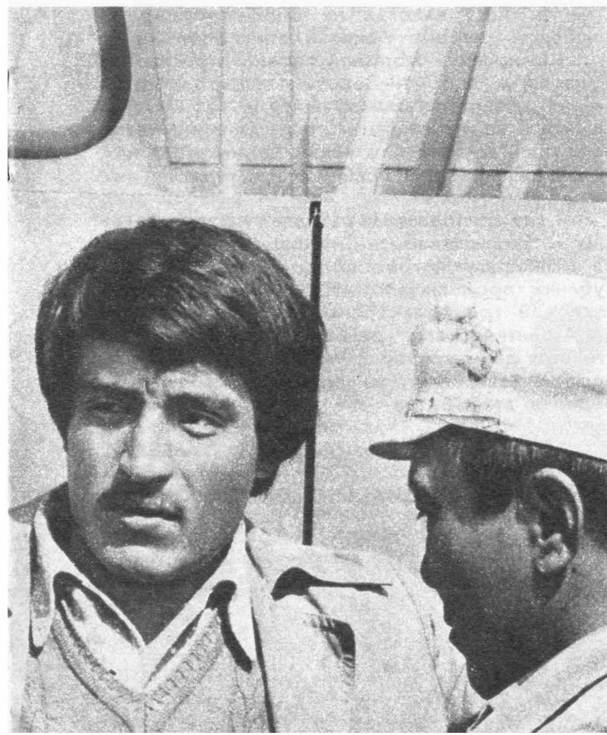
УЧЕНЫЕ:

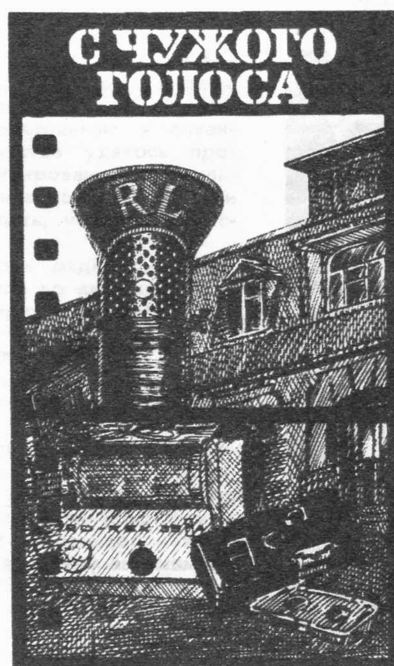
Великобритании, я призвал к всемирному крестовому походу в защиту свободы». Правда, в парламенте два последних слова были другие: «Против коммунизма». И вот и спустя чуть больше месяца после этого заявления, 23 марта, Рейган предложил американскому народу создать новый гигантский комплекс противоракетного оружия, якобы сугубо оборонительного характера. Ясный и недвусмысленный ответ на это дают ученые в своем «Обращении». Нет и не может быть эффективных оборонительных средств в ядерной войне, как нет и не может быть в ней победителей! Эту точку зрения разделяют с нами многие ученые мира, в том числе и американские. Их отличает трезвый взгляд на вещи и честный подход к ядерной проблеме. Напомню, что в «Обращении» подчеркивается: «Это наше мнение полностью согласуется с авторитетным и ответственным заявлением президентов и представителей 36 академий наук различных стран мира, подписанным, в частности, представителями Национальной академии наук США, Королевского общества Великобритании, Академии наук Франции, Академии наук СССР».

Набирает силу движение врачей в защиту мира. На Первой международной конференции «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» в 1981 году в США собрались представители одиннадцати стран. Уже через год в Кембридже были врачи более чем из тридцати стран. Мы сходимся в убеждении, что у человечества есть высокие благородные задачи, диаметрально противоположные антигуманным устремлениям Рейгана и его единомышленников. Мы считаем, что необходимо направить усилия медицины на укрепление здоровья детей, на борьбу с чумой XX века — сердечно-сосудистыми заболеваниями, на борьбу против рака и других недугов, а не увеличивать запасы ядерного оружия, которое уничтожит все живое на планете.

СИЛЬНА

Звеньевой Турехан Алгабаев (в центре), главный агроном Геннадий Потапов и механизатор Амангельды Нурбеков.

КОГО ЗАЩИЩАЮТ И ОТ ЧЕГО?

Свод законов США. Раздел 18.

§ 253: «Всякий гражданин США, где бы он ни находился, который без санкции Соединенных Штатов прямо или косвенно начинает или поддерживает переписку или сношения с любым иностранным правительством, его должностным лицом либо представителем с намерением повлиять на меры или действия такого иностранного правительства, его должностного лица либо представителя, касающиеся споров или противоречий с Соединенными Штатами, либо с намерением сорвать меры, предпринимаемые Соединенными Штатами, должен подвергаться штрафу до 5000 долларов, тюремному заключению сроком до трех лет либо тому и другому вместе».

Все это относится также и к тем, кто «дает рекомендации, советы или помогает в отношении такой переписки, осуществляемой с таким намерением».

Иногда, как это ни странно, особо рьяные поборники законности в чужих странах остро нуждаются в том, чтобы им напомнили о законах их собственных. Не только для памяти, но и для сопоставления. Это когда им начинает казаться, что законы другой страны чересчур суровы к тем, кто предает интересы своего народа и государства. Или когда начинают выражать недоумение (и даже возмущение!) по поводу самого факта существования таких законов.

Подобные напоминания становятся необходимыми всякий раз, когда в странах Запада начинается очередная шумная кампания в защиту того или иного гражданина СССР, осужденного за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Что представляют собой такие «кампании в защиту»? Кого защищают и от чего? На эти и многие другие вопросы отвечает выпущенный издательством «Московский рабочий» сборник «С чужого голоса». В целом ряде вошедших в этот сборник статей рассказывается о психологической войне, которую планомерно и настойчиво ведут против СССР и стран социалистического содружества наиболее реакционные круги империализма.

Что до формулировки этого явления, то она проста. Содержится это «откровение» в наставлении М 33-5 армейского руководства США. «Психологическая война,— говорится в нем,— представляет собой планомерное ведение пропаганды, главная цель которой заключается в том, чтобы влиять на взгляды, настроения, ориентацию, поведение войск и населения противника».

Это, так сказать, теория. Практика же — сломанные судьбы, утрата ясных жизненных перспектив теми, кого западная пропаганда именует «инакомыслящими», «диссидентами», борцами за всевозможные свободы... Именно с их помощью теоретики и практики психологической войны пытаются вызвать эрозию социалистического строя, посеять идейный разброд и создать обстановку неустойчивости, неуверенности в завтрашнем дне. Их, этих запутавшихся, потерявших свое место в жизни, объявляют «жертвами социалистического строя», «великомучениками». Но, как показывает жизнь, было бы правильнее назвать их жертвами психологической войны, той войны, которая ведется против них и порой их же руками. Это люди, на взгляды, настроение и ориентацию которых, выражаясь языком армейского наставления, удалось повлиять. Буржуазные теоретики выполняют таким образом сверхзадачу: на основе сознательно фальсифицированных предпосылок они делают ложные выводы, которые, в свою очередь, будут служить предпосылками для выводов следующих. Этим и объясняется то усердие, с которым пропагандистские службы Запада берут под свою защиту того или иного отщепенца, клюнувшего на приманку в яркой упаковке, а затем и нарушившего советские законы. Идет, так сказать, плановое производство «пострадавших»...

В сборнике приведены многочисленные примеры подобной деятельности, такие, как история Юрия Орлова, осужденного за антисоветскую пропаганду, одного из тех, по ком лили слезы средства массовой информации ряда стран Запада. «Период с 1956 по 1973 год,— говорится в книге,— в развитии Орлова можно назвать инкубационным: он созревал, слушая чужие «голоса» в диапазоне коротких волн (предпочтительно радиостанцию «Свобода»).

Но вот в сентябре 1973 года появляется «Открытое письмо». В этом «произведении» Орлов повторил зады банальнейшей антисоветчины...»

Дальше — больше. В 1974 году Орлов уходит с работы, целиком «посвятив себя правозащитной деятельности» — то есть сочинению антисоветских пасквилей и распространению их в СССР и за границей.

Средства? Установлено, что он получал их в иностранной валюте из-за границы.

Постоянное увеличение масштабов подрывной деятельности против стран социализма — одна из важнейших задач, стоящих перед спецслужбами Запада.

«В эту «игру без правил»,— отмечается в сборнике,— давно вступили и взяли ее в свои руки такие... организации, как Центральное разведывательное управление США, английская «Интеллидженс сервис» и секретные службы других капиталистических стран, службы с огромными и неподконтрольными конгрессам и парламентам финансовыми ресурсами, современной техникой, кадрами шпионов и разветвленными агентурными сетями».

Пропагандистская «защита интересов свободного мира» отступает, таким образом, на второй план. Речь уже идет о войне не только словесной, но и о подготовке войны «горячей», поскольку любой отщепенец логикой своих действий превращается в заурядного агента. И доказательств этому немало.

Авторы сборника «С чужого голоса» ведут с читателем серьезный, аргументированный разговор. Собранные ими материалы знакомят нас с тем, как действует гигантский механизм психологической войны. Кстати, сам факт такого разговора разбивает один из важных тезисов, на который пытаются делать ставку западные идеологи: дескать, деятельность так называемых инакомыслящих и тех, кто за ними стоит, тщательно скрывается от советской общественности.

А. СОКОЛОВ

«С чужого голоса». Сборник. Сост. М. В. Пучковский. М., «Московский рабочий», 1982, 303 с.
Авторы сборника: Б. Антонов, А. Астангов, А. Белов, Т. Гладков, Л. Гусев, В. Кассис, Л. Колосов, В. Магидсон, В. Михайлов, М. Юрченко, М. Пучковский.

Один из отрядов Сандинистской народной армии, принимающий участие в боях с интервентами.

Фото ТАСС

«НАС НИКОГДА НЕ ОДОЛЕТЬ»

Река Тума, пробившись сквозь горы, стремительно вырывается в долину, наполняя все вокруг своим ревом. Тума бурлит, бьется о камни, брызжет серой ноздреватой пеной и несется на восток, к океану. Непросто ее переплыть, но переплыть надо...

Они заметили вражескую колонну под вечер. С вершины холма было хорошо видно, как сомосовцы, согнувшись под грузом снаряжения, тяжело шагали вдоль берега. Как потом, выйдя на поляну, в центре которой стоял охотничий домик, попадали в траву, даже не сняв рюкзаков.

Горячая голова, Карлос Минеда, с молниеносной быстротой пристроил свой пулемет за поваленным стволом сейбы, установил прицельную планку и зло прищурился, положив палец на спусковой крючок. Но командир роты, не отрывая глаз от поляны, молча сжал его руку в запястье. Стрелять было рано. Из домика навстречу прибывшим вышло еще человек пятнадцать бандитов, темные тени мелькали и в лесу.

— Это база,— прошептал командир.— Мы нашли их базу. Спускаемся. Разведка — вперед. Не шуметь.

Так рота резервного батальона 51-30, которая действует в районе Сальто-дель-Кеса, в 120 километрах на восток от Матагальпы, оказалась у одного из сомосовских гнезд. Их разделяла река, и ее нужно было переплыть...

Разведка ушла на тот берег, когда уже совсем стемнело. Командир собрал бойцов и, тяжело вздохнув, сказал: «Вот что, ребята, вернется разведка, начнем переправу, переправляться будем скрытно. Внезапность — единственное наше преимущество. Так вот,— он еще раз тяжело вздохнул и, медленно, четко выговаривая каждое слово, заключил:— Если кому-то случится тонуть, то тонуть придется тихо, без крика...»

Здесь, в лесистых и высоких горах департамента Матагальпа, ночи холодные. Еще холоднее вода в Туме. Шестьдесят человек — автоматы над головой, запасные магазины и гранаты в подсумках на поясе — вошли в реку. Когда они были на середине, на вражеском берегу ночь взорвалась перестрелкой. Один из разведчиков, оставшийся в засаде, был обнаружен врагом. Не зря два года натаскивали сомосовцев американские и израильские инструкторы в тренировочных лагерях на территории Гондураса: через минуту по воде глухо захлопали мины и забулькали фонтанчики пулеметных очередей.

Слабо вскрикнув, скрылся в потоке один, уронив автомат, судорожно забил руками второй... Но роту уже нельзя было остановить, рота пошла в атаку.

Бой продолжался до вечера следующего дня. Враг оборонялся стойко, не жалел мин и патронов. Но все же, когда солнце начало медленно опускаться за гору, сомосовцы побежали, бросив в кустах минометы и автоматы. А через полчаса на поляне уже пылали костры, и бойцы, вскрыв пачки трофейных американских галет, пили густой, свежезаваренный кофе.

Департамент Чинандега похож на гигантскую раскаленную сковородку. У самого горизонта на юге в ярком мареве плывут горы, в ста метрах от нас, к северу, за пересохшей речкой Гуазаулия, недобро молчит Гондурас. Между горами и рекой — почти двести километров растрескавшейся красноватой земли в редких проплешинах селений, опустевших хлопковых полей, с которых убран урожай.

В Чинандеге сейчас тревожно. Раньше, в самом начале агрессии, департамент был в стороне от основных событий. Волны сомосовского вторжения накатывались на соседние департаменты: Нуэва-Сеговию, Хинотегу, Селаю, Матагальпу... В конце марта война пришла и сюда: участились нападения на пограничные посты, обстрелы через границу, попытки захвата отдельных населенных пунктов.

— Обстановка здесь крайне сложная и взрывоопасная,— говорит команданте Хавьер Ричардо, начальник первого военного округа, в который входит департамент Чинандега.— И главный источник этой напряженности — гондурасская армия. Гондурасские вооруженные силы никогда не отказывали сомосовцам в «дружеской помощи», когда речь заходила о нападениях на нас. Сегодня же они перешли к прямому участию в конфликте. Только за первую декаду апреля гондурасские войска одиннадцать раз атаковали наши подразделения, четыре раза пытались прорваться в глубь департамента, самолеты ВВС Гондураса пять раз нарушали воздушное пространство Никарагуа.

Поселок Эль-Панал уютно расположился у подножия невысоких холмов. Полтора десятка хижин, пыльная улочка, упирающаяся в деревянную церквушку, больше похожую на сарай, и пост народной милиции. Иными достопримечательностями Эль-Панал не обладает. Однако сейчас этот поселок известен всей стране. Его мирная и скромная история пополнилась героическими страницами. 3 апреля подразделения гондурасской армии, просочившись на несколько километров в глубь территории Никарагуа, попытались овладеть поселком, чтобы обеспечить таким образом вторжение крупной сомосовской группировки. В Эль-Панале регулярных сандинистских войск не было. И в Гондурасе об этом знали, поэтому солдаты шли спокойно, в походной колонне, словно на недавних маневрах, когда они совместно с американской морской пехотой лихо и без особых усилий расправлялись с «красными». Гондурасский лейтенант, командовавший подразделением, уже мысленно составлял донесение о взятии поселка и прикидывал возможность быстрого повышения по службе, когда прозвучали дружные залпы ополченцев. Жители Эль-Панала, работавшие в поле, заметили врага и заняли оборону. За оружием ходить не пришлось, крестьяне Чинандеги трудятся в поле с винтовкой за плечами. Обратно до границы гондурасские вояки уже бежали. И довольно резво.

Через неделю вооруженные силы Гондураса возжаждали реванша и, взяв в помощь сотню сомосовцев, вновь попытались захватить поселок. После трехчасового боя с крестьянами Эль-Панала интервенты вновь ретировались.

— Им нас никогда не одолеть,— широко улыбаясь, говорит участник этих боев Рауль Пальма, крепкий молодой парень с открытым и веселым лицом.— Ведь мы — народ. Революция доверила нам оружие, и мы сумеем защитить ее, потому что это революция наша, народная. А у тех, кто к нам лезет, что у них за душой, кроме злобы? Ничего. Пусто у них там.

Эти два эпизода — лишь малая частица больших и грозных событий, происходящих сегодня в Никарагуа. Агрессия против молодой республики продолжается. На всем протяжении северной границы страны, от Тихого океана до Атлантического, гремят бои, льется кровь, стелется дым пожарищ. Никарагуанский народ продолжает битву с империализмом. И он победит в этой битве, ибо его дело — правое.

Михаил БЕЛЯТ,
собкор АПН.
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

Манагуа.

ОТ ХАЛЬДЕ ДО ДОЛИНЫ БЕКАА

Владимир КОВНАТ, корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке

Фото автора

Ранним утром бейрутский пригород Хальде окружили бронетранспортеры оккупантов. Военные вертолеты повисли над полуразрушенным поселком. Подошли корабли 6-го американского флота и стали на рейде как раз напротив чудом уцелевшего во время войны отеля «Лебанон бич», украшенного флагами Израиля, США и Ливана.

Журналисты, собравшиеся здесь к десяти часам, заранее отпускали саркастические замечания в адрес ожидаемого очередного раунда переговоров о выводе израильских войск из Ливана — переговоров, начавшихся здесь около четырех месяцев назад и с первых же шагов зашедших в тупик.

Представители международной прессы, желавшие попасть в зал заседаний, подвергались самому основательному обыску. Давно уже зная всех аккредитованных корреспондентов в лицо, сотрудники израильской охранки вежливо с ними здоровались. Затем принимались придирчиво копаться в сумках с аппаратурой, проверять на ощупь все карманы. Такая процедура повторялась уже множество раз.

Наконец боевой американский вертолет, раскрашенный камуфляжными пятнами, приземлился у отеля, обдав пылью вооруженных автоматами охранников в штатском. На бортах летательного аппарата красовались шестиконечные звезды—это прибыла делегация оккупантов. Однако ливанцев что-то не было видно. Среди журналистов, оставшихся на улице, быстро распространилась шутка, что ливанская делегация, едущая на автомашинах из Бейрута, не прибудет вовсе, так как ее арестовали израильские солдаты.

В шутке оказалась доля истины—из-за "активности" контрольно-пропускного пункта интервентов перед Хальде там создалась километровая очередь грузовиков и легковых машин. Официальные ливанские представители пробивались через израильский контрольный пункт более часа.

Разразился скандал — Ливан заявил Израилю протест. Но израильтяне дали понять, что это все пустяки... Во всяком случае, переговоры начались почти с двухчасовым опозданием и ничего нового не принесли. Что же делала делегация США, под эгидой которой тянется бесконечный и позорный марафон? Ничего принципиально нового. Ничего, могущего дать положительный результат. Все это было похоже на продуманный заговор.

Пока шло заседание, мы объехали южные окраины Бейрута и могли лишний раз воочию убедиться, что американская морская пехота продолжает укреплять свои военные позиции и базы. Мы видели все те же израильские танки и бронетранспортеры, окружающие столицу. Но было и нечто новое. Совсем недалеко от отеля «Лебанон бич» израильтяне быстрыми темпами строили на берегу, напротив Дамура, взлетно-посадочную полосу. Сегодня военный аэродром хорошо виден с дамурских холмов.

Группе иностранных и ливанских журналистов удалось проехать по оккупированной израильтянами долине Бекаа и своими глазами увидеть, что там происходит.

Из мощного радиоприемника, установленного во вместительном «рейнджровере», раздавался голос диктора сионистской радиостанции «Кол Израэль». Диктор заверял слушателей, что Израиль всегда стремился к миру, не хочет «ни дюйма» чужой земли, а если и проводит какие-либо военные операции, то исключительно в целях самообороны. Как, например, в Ливане. В этот самый момент за окнами машины мы хорошо видели основательно и надолго оборудованную израильскую военную базу с множеством танков, бронетранспортеров, дальнобойных орудий, с казармами и складами. Ливанская долина Бекаа, главная житница страны, сегодня набита израильскими войсками и самой разнообразной, главным образом американского производства, военной техникой. И все это — средства ведения активной наступательной войны, оружие агрессии.

Одна из плодороднейших в мире долин выглядит красивым восточным ковром. Когда же спускаешься вниз и въезжаешь в поселки, то всюду натыкаешься на группы тяжелых танков, на колонны грузовиков с израильскими солдатами.

Всюду указатели на иврите, гласящие, например: «Пункт заправки боевых машин», «База ремонта танков», «Склад военного снабжения»... Израильтяне засели в Бекаа столь же прочно, как и на прибрежной части Ливана от Тира до Бейрута. Теперь вся эта ударная масса живой силы и техники грозит соседней Сирии.

Стоит сирийской армии провести малейшие меры по укреплению обороны своей страны, Израиль тут же поднимает на весь мир истерический крик — как они смеют?! Израильский генеральный штаб, видите ли, не допустит, чтобы соседние арабские страны могли оказать военный отпор, когда Израиль пожелает на них напасть. Стоит любой арабской стране взять на вооружение хотя бы десяток зенитных ракет для защиты своего собственного воздушного пространства — и сионисты тут же вопят об угрозе безопасности Израиля. Далеко не все население Израиля одобряет такой военный авантюризм. Но инициатива по-прежнему остается в руках Менахема Бегина и ему подобных, ведущих свой народ к национальной катастрофе, а Ближний Восток — к новому кровопролитию.

В долине Бекаа ливанцы трудятся на полях, не зная, удастся ли собрать урожай. Здесь можно увидеть, как они пашут землю у дорог, где попадаются желтые таблички с надписью на иврите «Заминировано». Зловещий символ — крестьяне сеют хлеб, сионисты сеют смерть.

— Все люди,— сказал нам школьный учитель в одной из деревень,— с болью и гневом восприняли кошмарную жестокость израильской блокады Бейрута. Но за ужасами кровавого марша интервентов по нашему побережью захват Израилем этой части Ливана как-то отошел для мировой общественности на второй план. А между тем теперь долина Бекаа превращена израильской армией в плацдарм для нападения на Сирию...

Заходящее солнце окрасило оранжево-розовым светом заснеженные горные хребты, и окруженная ими долина погрузилась в мягкую теплую темноту. Вечерний туман прозрачными волнами поплыл над коричневыми пашнями и зелеными всходами. В деревенских домах начали загораться огоньки ламп.

— Поднявший меч от меча и погибнет,— шептал старый ливанец, сидя на пороге своего дома в прифронтовой деревне Кемед аль-Лоз...

Хальде — долина Бекаа.

Амфибии морской пехоты США на побережье Ливана.

Американская база под Бейрутом.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Профессор В. С. Маят. Фото Г. Копосова

СЛУЖЕНИЕ БОЛЬНОМУ

Профессору Валентину Сергеевичу Маяту, Герою Социалистического Труда, заслуженному деятелю науки, исполняется 80 лет. И радостно видеть, что здоров он и бодр. Как бывает у людей талантливых, удивительно трудолюбивых и преданных своему делу. Годы, словно пальцы гениального скульптора, выявили главное, основное в его натуре, добавив ему мудрости опыта, а лишнее сняли.

Валентин Сергеевич выходит мне навстречу из аудитории (он вел обычные в клинике занятия со студентами), легкий, худенький, в халате, завязанном тесемками на спине, и в белой шапочке. Добрые, все понимающие глаза за стеклами старомодных очков в золотой оправе, приветливая, располагающая улыбка. «Добрый доктор Айболит» с рисунков книг моего детства, доктор, который сочувствовал боли каждого живого существа, помогая ему. Отважный, смелый доктор, который, вступая в борьбу за жизнь, за здоровье, за справедливость, ничего не боялся и победил всех врагов.

Мы переходим в кабинет, где все так же просто и естественно, как в его хозяине. На столе — стопка историй болезни. «Так нужна ваша консультация! Вы посмотрите?» — спрашивает Валентина Сергеевича бывший его студент, теперь сам профессор, хирург Ю. А. Нестеренко.

Еще до личного знакомства с Валентином Сергеевичем Маятом мне казалось, что я его уже хорошо знаю — постарались его ученики, коллеги, медсестры, нянечки и, конечно, вылеченные больные. Я. намеренно не написала «бывшие ученики», ибо все они, теперь сами профессора, учатся у Маята по-прежнему. И по-прежнему окружают его молодые ординаторы, хирурги, студенты кафедры госпитальной хирургии 2-го Медицинского института. И по-прежнему в самых трудных, самых острых ситуациях, когда диагноз не установлен, просят профессора Маята проконсультировать больного. И по-прежнему слово профессора, его мнение считаются решающими.

Из рассказов о Валентине Сергеевиче складывался образ человека и врача таких исключительных качеств, что невольно закрадывалась мысль: а бывает ли так на самом деле?

Теперь я точно знаю — бывает.

Я расспрашиваю Валентина Сергеевича о его жизни, детстве, учебе, его учителях и учениках.

Он родился в 1903 году. На воспитание будущего ученого большое влияние оказала бабушка. Она происходила из государственных крестьян, была женщиной, не боявшейся никакого труда, умной, одаренной от природы, но она так и умерла неграмотной. Зато отец Валентина Маята не только окончил гимназию, но и поступил в Московский университет по специальности химик-провизор. Работал и учился и на всю жизнь получил привычку к постоянному, каждодневному труду, которую передал и сыновьям. А мать Валентина Сергеевича была швеей, умела красиво и ловко вышивать бисером. Работа трудная, кропотливая.

Наверное, от отца унаследовал Валентин Сергеевич любовь к естественным наукам, к медицине, уважение и привычку к труду («работный человек» — в его устах и сейчас высшая похвала), а от матери достались ему чуткие, нежные, умелые руки, что составили его славу хирурга.

— Конечно, в моем воспитании было много дефектов, — вспоминает Валентин Сергеевич.— Например, я люблю музыку, живопись, теперь, кажется, и знаю их неплохо. Но в семье меня этому не учили. Было не до того, хотя и дома любили музыку. Отец играл на гармошке, я на гитаре, на мандолине. И иностранные языки тоже учил потом, в течение жизни: французский, немецкий, английский. Говорю, может, и не очень хорошо, но без переводчика. И читаю. Врачу языки необходимы, чтобы быть в курсе медицинской литературы.

Иностранному языку, знанию музыки, живописи можно выучиться и потом, а вот трудолюбию, порядочности, ответственности учатся только с детства, в семье. Это главные достоинства человека. Я, старый врач, твердо убежден в этом. Органически презираю людей, тех, кто хочет жить за чужой счет, не умеет работать — они для меня люди второго сорта. Семья наша была трудовая, работные все были люди. И отец, и мать, и мы, дети, работали, но материально жили скудно, едва сводили концы с концами. Мы с братом учились в гимназии, отец платил за нас по 20 рублей в месяц да еще форму покупал. И надо было всем прожить, одеться, за квартиру заплатить. Поэтому с братом мы подрабатывали с детства. Я и теперь убежден: школьнику и особенно студенту, даже если дома денег хватает, на карманные рас-

ходы надо зарабатывать самому. И лучше, если трудом, так или иначе связанным с его будущей профессией. Трудолюбие — ценность, которую создаешь сам, ее не приобретешь ни за какие блага мира.

...Я слушала профессора и знала: слова у него подтверждены жизнью. Например, внук Валентина Сергеевича Костя, тоже хирург, в годы учебы в медицинском работал санитаром в больнице, потом медбратом.

Валентину Маяту было 14 лет, когда произошла Октябрьская социалистическая революция. Годы учебы на медицинском факультете 2-го Московского университета совпали с трудным, голодным временем. Он работает и учится. Сначала чтобы получать хоть какой-то паек, потом со второго курса устраивается препаратором на кафедре анатомии. Вел тогда кафедру профессор Северьян Осипович Стопницкий. Хороший был анатом и очень строгий. Принимает он, бывало, экзамен у студентов, а препаратор тут же сидит на стульчике, дремлет. Ведь работал днем, над книгами сидел ночами. Если кто чего не знает, Северьян Осипович сразу: «Маят! Отвечайте!»

— Попробовал бы я не ответить! — с улыбкой вспоминает Валентин Сергеевич.

На пятом курсе Валентин Маят начинает работать фельдшером в подмосковной деревне Храпуново. Разные больные, разные люди проходят перед ним. Он уже тогда был влюблен в хирургию, знал, что пойдет именно по этому пути, однако, чтобы лучше знать и понимать больного, чтобы стать хорошим диагностом, занимается в институте и в группе терапевтов. Конечно, занятия эти очень помогали ему в работе сельским фельдшером.

В 1925 году молодой врач приходит работать в городскую больницу, разместившуюся в здании бывшей богадельни, тогда на окраине Москвы. Здесь, как и теперь, была кафедра госпитальной хирургии. И вот почти шестьдесят лет из своих 80 работает тут В. С. Маят, здесь прошел он свой путь от ординатора до профессора, известного ученого, заведующего кафедрой. Отсюда, оставив уже написанную докторскую диссертацию, ушел в 1939 году на фронт военным хирургом. Сюда вернулся после разгрома фашистов, в 45-м...

Маят учит, что всегда и везде у врача или медицинской сестры на первом месте должен быть больной, а личные интересы — только на втором. «Если не чувствуете в себе готовность к этому — надо уходить из медицины», — жестко считает этот добрейший человек. Он простит ошибку, но никогда не простит равнодушия к больному. Сострадание и вдумчивость нужны хирургу еще больше, чем терапевту. И никакой торопливости. Если в операционном журнале увидит запись о том, что пока еще не очень опытный хирург произвел операцию аппендицита за 20 минут, строго спросит: «Почему не за сорок? Зачем торопился?» Важна не скорость самой операции, а скорость заживления, скорость выздоровления больного после операции. К тканям надо относиться бережно, анатомично, не рвать их, не резать зря.

«А какая все же главная черта Маята?» — спрашивала я. «Доброта, — отвечали мне все, не задумываясь, и прибавляли: — Еще честность, трудолюбие, справедливость, деликатность и... строгость, требовательность повышенная».

Идет, например, обход субординаторов. Студент докладывает о своем больном, не заглядывая в историю болезни. А если заглянет, Валентин Сергеевич тихо шепнет ему на ухо: «А больного надо бы знать...» И студент вспыхнет, как от выговора.

Операционные сестры в один голос говорили: «Во время операции Маят нетороплив, спокоен, предельно вежлив с ассистентами и сестрами, в каждом движении сосредоточенность и любовь к больному».

Опять на первом плане интересы больного. Из-за этого Маят может пойти на любой конфликт — как теперь с любимым учеником, так раньше со своим уважаемым профессором.

Дело было еще до войны. Валентин Сергеевич писал докторскую, руководителем был профессор В. С. Левит. Наука всегда начиналась у Маята у операционного стола. Так вышло, что он подряд оперировал по поводу тяжелых ожогов желудка, доставляющих больным огромные страдания. Хотел заняться изучением этого вопроса и выяснил: литературы почти никакой нет. И тогда он оставил почти законченную докторскую и взялся писать о лечении ожогов желудка. Руководитель был недоволен, защита отложилась надолго, но больные выиграли.

Я прошу Валентина Сергеевича рассказать о своих учителях.

— Так вот, по анатомии был Стопницкий, у которого я работал препаратором. Спасибо говорю ему по сей день. В ординатуру я пришел к профессору Теребинскому, он был опытным хирургом и человеком высокой культуры. Он очень много мне дал, хотя всего один год был я с ним вместе.

Оперировал он молча, разговаривал с сестрами вежливо. А тогда модным был совсем иной стиль. Как, впрочем, и теперь. Хирургам грубость почему-то прощают. Мне кажется, зря прощают. Грубость всегда говорит либо о полном бескультурье, либо о полном неуважении к окружающим.

Через год заведующим кафедрой госпитальной хирургии стал у нас профессор Левит, с Владимиром Семеновичем мы и работали до тех пор, пока я не принял у него кафедру. В науке он мой учитель, ему я благодарен.

И вот еще что я перенял именно от Владимира Семеновича Левита. Часто бывает, что приходят к профессору и просят у него разрешения поставить его имя над научной статьей, написанной группой его учеников, которые развили идею учителя, воспользовались его статьями, экспериментальными работами. Я имею в виду не приписку фамилии к работе, где нет твоего труда, твоих мыслей, — это уже за рамками нормальных взаимоотношений, это подлость. Я говорю о том, когда формально допустима, а может, даже вполне справедлива фамилия руководителя в числе авторов. Так делать можно, но не нужно. У Левита было 104 научные статьи. Но все они написаны им самим. Такие ходячие фразы, как с «вашей фамилией легче напечатать», на него никогда не действовали. Я стараюсь поступать так же. И в коллективных статьях или монографиях свои разделы я не только готовил, но и писал сам, от первой буквы до последней точки.

— Кого вы считаете своим учителем в хирургии?

— Был у профессора Левита ассистент — Борис Федорович Дивногорский. Замечательный посвоему человек, хирург отличный. Он жил прямо здесь, в клинике. У него была комнатка, где он и работал и ночевал. Учитель мой в хирургии — он, Борис Федорович. Много я от него перенял. И его спокойную манеру оперировать и даже то, что всем — и сестрам, и совсем молоденьким техничкам, и студентам — он говорил «вы». Левита уважали, а Дивногорского любили.

Человек он был высокообразованный, тонкий, эмоциональный. Прекрасный музыкант. Знал живопись, историю, литературу, языки. Английский, например, я стал изучать под его влиянием. В то время было много интересной американской медицинской литературы, полезной хирургу.

Помню, приходил я в клинику чуть свет, задолго до начала работы, стучался к Борису Федоровичу, и часто мы вместе завтракали. Да и домой тоже не спешил — старался подольше побыть возле него. Общение с Борисом Федоровичем Дивногорским было моим вторым образованием. Теперь понимаю, как многим мы, молодые хирурги, аспиранты кафедры, обязаны Дивногорскому. Но тогда мы об этом не думали — просто любили его, подражали ему.

Я слушаю Валентина Сергеевича и невольно вспоминаю, что с такой же благодарной любовью говорят сегодня о нем самом не только его ученики, но все, кто так или иначе встречался с ним, знаком с его работами.

Научные и хирургические интересы В. С. Маята чрезвычайно разнообразны. И желудочно-кишечные заболевания и сердечно-сосудистые. По всем областям у профессора десятки научных работ. Одним из первых в Союзе он начал оперировать на сердце, одним из первых уже в последние годы занялся осмыслением различных принципов хирургического лечения язвенной болезни. Во врачебной среде его знают не только как блестящего хирурга, но и вдумчивого, талантливого диагноста, а также опытного терапевта. Знают как ученого, педагога.

«Валентин Сергеевич — человек безупречной репутации и как ученый, и как хирург, и как педагог. Его докторская степень и должность профессора стоят больше, чем иные академические звания» — так говорили мне о В. С. Маяте. У него нет недоброжелателей, словно не смеет его коснуться даже зависть человеческая, которая, увы, встречается и среди хирургов.

«Я бы заменил последнюю букву в его фамилии, — заметил один из его коллег, — «т» на «к». Вышло бы «Маяк», как оно есть на самом деле, маяк он для всех нас...»

— А кого вы сами больше других любите из своих учеников? — спрашиваю я профессора. И тут же понимаю, что, наверное, не стоило бы задавать такой вопрос.

Валентин Сергеевич задумывается.

— Что понимать под этим словом — ученик? Больше чем за полвека преподавательской деятельности у меня были тысячи студентов. Можно ли их всех считать учениками? В какой-то степени, наверное, можно. Диссертации у меня тоже писали многие. Бывало, я им очень многое подсказывал, разжевывал, чуть ли не писал за некоторых целые разделы. Теперь я думаю: нет, то не мои кровные ученики. И нельзя, не должен руководитель так поступать. Я уже рассказывал вам про Левита. Это был человек принципиальный, даже жестковатый порой. С учениками своими он никогда не нянчился, как я в свое время. Это моя отрицательная сторона.

Помню, как он внимательно прочитал мою докторскую диссертацию, поставил вопросы на полях. И все. Ничего не подсказал, ничего не развил. Не сразу я понял, а лишь с годами, что надо поступать, как он. Ведь речь идет не о дипломной студента или его работе в научном кружке. Здесь и подсказать не грех, студента надо учить, советовать, давать идеи, показывать, как можно развить мысль, эксперимент. А вот когда речь идет о будущем ученом, не надо ничего подсказывать, ничего запрещать. Ко всему он должен прийти сам. Я скоро заканчиваю свою воспитательскую деятельность, и я пришел к твердому выводу: руководитель даже кандидатской (я не говорю про докторскую!) диссертации должен поступать, как Левит.

Есть у меня семь прямых учеников, они теперь доктора наук. Шли со студентов, — продолжает, немного помолчав, Валентин Сергеевич. — Этой семерке ничего я не писал. Только читал их диссертации и делал замечания. Их я считаю своими кровными учениками. А любимые, особенно близкие по духу, тоже есть из этой семерки. Их трое — хирург и ученый Владимир Дмитриевич Федоров, уже член-корреспондент Академии медицинских наук, и два профессора — Юрий Александрович Нестеренко (он заглядывал сюда во время нашего разговора) и Юрий Михайлович Панцырев.

Последнее время я начал постепенно освобождаться от своих многочисленных должностей и передавать их своим ученикам. Профессору Панцыреву я передал половину кафедры госпитальной хирургии. Он оправдывает доверие и как хирург, и как ученый, и как руководитель. Вторым профессором на кафедре стал Юрий Александрович Нестеренко, и им я тоже исключительно доволен. Владимир Дмитриевич Федоров принял на себя и развил начатые здесь исследования по хирургии кишечника, внес в науку много нового, он руководит целым институтом, только что получил орден Ленина. Я люблю его и горжусь им. Вот и получилось, что я поделил наследство между ними.

— Поступаете, как король Лир? — задаю я шутливый вопрос.

— Именно, за исключением того, что заведующим кафедрой остаюсь по-прежнему да и в положении короля Лира не боюсь очутиться, — улыбается Валентин Сергеевич. — Ведь ошибка его была не в том, что он при жизни передал наследство, а в том, что две дочери у него были коварные, подлые, как бы мы сказали теперь, воспитал он их плохо. А передать при жизни сделанное, работу в чистые, трудолюбивые руки своих учеников, которые пойдут и уже идут дальше тебя, — счастье. И это счастье я получил.

ВАСИЛИЙ ШУХАЕВ

Галина ЩЕРБАКОВА

Бывают встречи с художниками и их творчеством, которые потом остаются с тобою навсегда. Так, никогда не забуду погожий весенний день 1961 года в Тбилиси.

Дверь открыл седой, приветливый человек. Короткая стрижка, массивное открытое лицо с глубокими морщинами и лукавые, веселые, добродушные глаза. На его сутулые, покатые плечи была наброшена просторная куртка. Мягкая белая рубашка с отложным воротником, однотонный скромный, небрежно повязанный галстук — все в нем было как-то по-домашнему уютно, симпатично, хотя и немного старомодно.

Это был Василий Иванович Шухаев. Несмотря на свои семьдесят четыре года, он был бодр, пригласил меня в комнату, где сразу познакомил со своей супругой Верой Федоровной, а потом как-то незаметно у нас завязался разговор. Художник охотно показывал свои работы, висевшие на стенах скромной небольшой квартиры и бывшие у него в папках.

С первого взгляда портреты, пейзажи, натюрморты Василия Ивановича поражали своим великолепным мастерством.

Прекрасный рисунок, крепкая форма, густой и глубокий колорит отличали его произведения. Было ясно: Шухаев — художник, сберегший классические традиции отечественной школы живописи.

А послушав его рассказы, я убедилась, что эта приверженность Василия Ивановича к штудии, к школе, к мастерству была лейтмотивом всей его жизни и помогала ему ярче выражать свое восхищение перед натурой и любовь к человеку.

Помню, первая беседа затянулась. Несмотря на то, что я была всего лишь студенткой Института имени И. Е. Репина, а В. И. Шухаев — мастером с европейским именем, я ни разу не почувствовала, что обременяю этого большого и пожилого человека, настолько горячо, непринужденно, увлеченно он рассказывал о своей жизни и творчестве.

С юмором вспоминал, как его отец, московский сапожник из крестьян, хотел сделать из него инженера, но когда родственники стали расспрашивать, кем он хочет быть, то, набравшись духу, мальчуган смело ответил: «Хочу быть художником». После чего родные смогли определить его в Строгановское художественное училище.

Васе Шухаеву повезло: его наставниками были прекрасный живописец К. А. Коровин, замечательный скульптор Н. А. Андреев и известный архитектор И. В. Жолтовский. Это сразу дало правильное направление развитию художнического дарования. Когда Строгановка была окончена, молодой Шухаев стал мечтать о продолжении образования. В 1906 году его грезы сбылись — он поступает в Петербургскую Академию художеств...

И вот тут я вдруг увидела, как глаза Василия Ивановича как-то особо заблестели. Он начал рассказывать о своем любимом учителе Д. Н. Кардовском:

— Когда я перешел к Кардовскому, все мое внимание было уделено рисунку. Прежде я начал искать по руке материал для рисования — карандаши, резинки, бумаги. Среди многих испробованных материалов наиболее пластичный характер имела сангина, но... были досадные неудобства: цвет рыжий и разница в тоне. Когда положена — один цвет; чуть тронута резинкой, тряпкой или пальцем — другой. Прошло много времени, пока размазывание сангины стало приемом; с этого момента в руках у меня оказалась пластичная техника, тут и началось овладение рисунком. Пришла бешеная пора рисования и изучения анатомии. Эта техника дала возможность делать совершенно законченные рисунки с обнаженной модели в шесть, а затем выходило и в два часа.

Школа мастерства не прошла зря. Юноша Шухаев получает первые номера по живописи и композиции, а со временем овладевает в совершенстве рисунком.

В 1910 году в Петербурге скончался великий русский художник Михаил Врубель. Прощание с покойным было в академической церкви... Василий Иванович вдруг раскрыл папку и показал мне замечательную фотографию с его рисунка, который он сделал тогда с натуры. Это были, очевидно, быстрые наброски, но в остроте и четкости этюда чувствовалась уже рука будущего большого мастера: так проникновенно сумел Василий Шухаев запечатлеть прощальный образ гениального творца «Демона», его успокоившийся, строгий лик...

Мне посчастливилось быть несколько раз у Василия Ивановича, и каждое посещение оставляло в памяти интересные рассказы о его сложной творческой судьбе. Но что всегда изумляло в его беседах — это неутомимая жажда совершенства, страстная любовь к искусству, стремление постичь тайны мастерства, которыми владели живописцы итальянского Ренессанса, замечательные голландцы...

Возможно, что эта увлеченность Шухаева классикой иногда сдерживала его колористическую гамму, может быть, до какой-то степени делала его картины несколько скованными, а порою статичными, но эта фанатическая приверженность к классике была в начале его творческого пути как бы протестом против пустого формоискательства, декаденства, которые бытовали в ту пору.

Поражала еще одна черта характера Шухаева. Это было великолепное ощущение преемственности традиций отечественной живописи и огромной роли школы, труда для формирования художника. Шухаев был полон идей создания либо картин-сюит на тему «Ремесла», где мечтал воспеть благородный труд гончара, столяра, строителя, либо живописного цикла «Времена года»... Все это отражало вечное стремление художника к сложным композиционным решениям.

Не могу еще раз не вспомнить об удивительно проникновенных словах, которые находил В. И. Шухаев, когда еще и еще раз возвращался к рассказу о «школе Кардовского». Это святое чувство признательности к своему «главному учителю» художник пронес через всю свою долгую, полную всяких испытаний жизнь.

Василий Иванович не раз говорил об огромной роли станковой картины. Именно в наш век, когда кино, фотография, телевидение уже вошли в быт и составляют небывалую по силе воздействия конкуренцию столь «старомодному» искусству, как живопись, он развивал мысль, что художник XX века должен обладать еще большей культурой, владеть еще более отточенным мастерством, чтобы быть достойным своей эпохи.

Весь художнический опыт Шухаева, думается, был подчинен этой серьезной и ответственной задаче. Он искал совершенства в рисунке, форме, цвете, неутомимо исследовал технику старых мастеров, чтобы попытаться найти живописные решения обобщенного, монументального стиля... Не все ему удавалось. Были просчеты. Но его подвижническая творческая биография дает нам пример служения искусству.

Мир образов, созданных художником Шухаевым, неоднозначен. Особое место в его творчестве занимает музыка. Она звучит не только в его острых и интересных портретах композиторов Сергея Прокофьева или Игоря Стравинского, Федора Шаляпина или Святослава Рихтера, но столь же осязаема в его прекрасных натюрмортах «Контрабас Амати» и «Скрипка в футляре». В этих небольших холстах поражает умение автора передавать предметность натуры и порою неуловимую архитектонику музыкальных инструментов, словно замолчавших, чтобы через мгновение подарить нам чудесные созвучия любимых мелодий.

Искусству Василия Ивановича Шухаева свойственна музыкальность. Она зримо проглядывает в его прекрасных урбанистических мотивах «Аржанта. Канал» или «Улица в Тюренне», где живописец чутко слышит гармонию городских ансамблей. Порою его привлекают памятники архитектуры — «Пейзаж. Греми» или «Коллиур», и тогда мы будто слышим забытые ритмы старых песен.

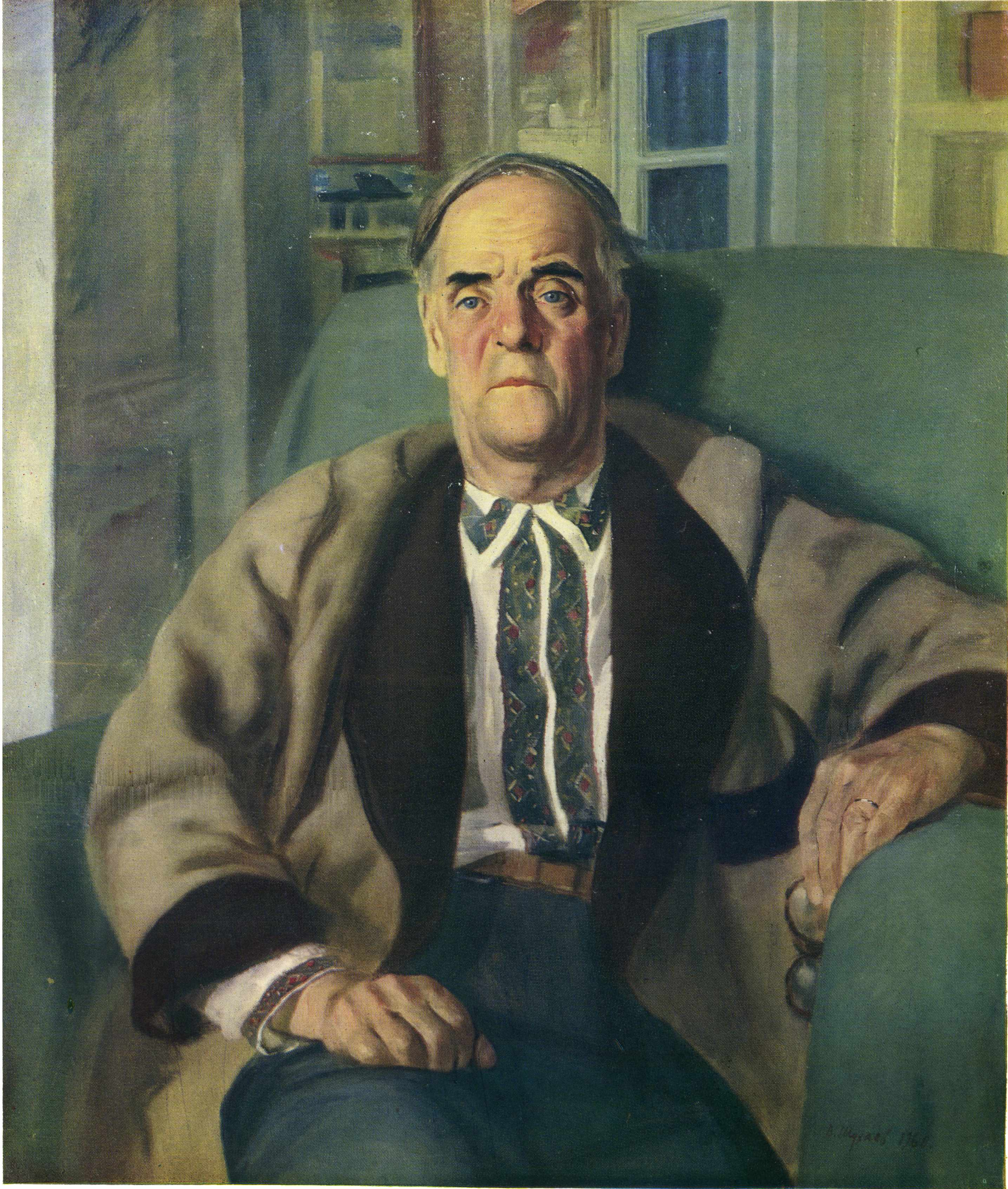
Все это раскрывает нам мир художника, сочетавшего великолепное мастерство с чуткой душою поэта, любившего природу, красоту, человека...

Думается, что творчество Василия Шухаева, строгое и душевное, полное глубокой привязанности к отечественной культуре и свято хранившее традиции классической живописи, привлечет к себе внимание своей приверженностью к миру прекрасного, которому он посвятил свою долгую, полную творческого горения и труда жизнь...

В октябре 1968 года в Ленинграде, в залах Академии художеств, была развернута экспозиция произведений Василия Ивановича Шухаева, приуроченная к его восьмидесятилетию. Эта персональная выставка, несмотря на далеко не полное собрание всех его многочисленных живописных полотен — картин, портретов, пейзажей, натюрмортов, а также рисунков и эскизов к театральным постановкам, все же наглядно показала, насколько своеобразно, ярко дарование замечательного мастера, сумевшего создать портретную галерею своих современников — композиторов, ученых, поэтов, писателей, музыкантов, актеров. Он вдохновенно воспел красоту родной ему природы, и каждый посетивший эту интересную выставку понял, какое достойное место в русской, советской реалистической живописи занимает Василий Иванович Шухаев, большой художник и интересный, обаятельный человек.

В. Шухаев. 1887—1973. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1920.

В. Шухаев. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА П. Л. КАПИЦЫ. 1960.

МОСКВА И МОСКВИЧИ

ХОРОШО БЫ ШУМЕТЬ МЕНЬШЕ

ВЕСНА В ЗООМАГАЗИНЕ

С ПЫЛУ, С ЖАРУ...

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ГОРОДА

ЧЕМ ПИСАЛИ НАШИ ДЕДЫ!

ГОРОД ЛЮБИТ ТИШИНУ

Самый тихий район Москвы? Новые Черемушки. Самый шумный проспект? Ленинградский. По окружности Садового кольца в час проезжает восемь тысяч машин. Их вклад в шумовое загрязнение магистрали очень заметен...

Но мы так свыклись с городским шумом, что часто и не замечаем его. Однако от этого шум не становится безобиднее. А если он превышает определенные пределы, то просто-напросто вреден. Проблемой шума озабочен целый коллектив — специальная лаборатория научно-исследовательского института гигиены имени Ф. Ф. Эрисмана. Возглавляет ее Инна Львовна Карогодина; она-то и рассказала мне, что сейчас появились нормативы и госты, регламентирующие шумовой «потолок». Измерялись все места пребывания человека: жилые кварталы и дома, вокзалы, салоны самолета и купе поезда, парки и скверы, магазины, городские магистрали. В результате появилась уникальная шумовая карта города, своего рода акустический его портрет. На карте обозначены улицы, шоссе, проспекты. Возле них числа: это децибелы, показывающие уровень шума.

Сейчас идет работа над новой картой. Учитывается и развитие города и увеличение количества автомашин. Определяются места, где требуется особая защита от шума. На тридцати восьми улицах Москвы ночью запрещено грузовое движение, с некоторых магистралей грузовой транспорт вообще снят.

Существуют и различные типы звукоизоляционных окон. Помогает домам специальная планировка: окна комнат выходят во двор, а кухни и других подсобных помещений — на улицу.

Шумовой картой пользуются проектный институт Генплана Москвы, Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству и другие проектные и конструкторские организации.

Выхожу на улицу Москвы, вслушиваюсь в несмолкаемый шум. И думаю: а ведь город любит тишину.

М. НИКУЛИНА

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ЧИЖИКА

Консультацию проводит С. П. Гусев из Московского общества охраны природы.

Фото Э. Эттингера

Аквариумы, аквариумы, аквариумы. Глаз не отвести от мерцающего рыбьего калейдоскопа. Под птичий щебет быстро меняются живые картинки... Но празднично-радостное настроение зоомагазина на Кузнецком иногда омрачается детскими слезами и разочарованными лицами взрослых — грустны их рассказы. Расставшись с магазином, гибли беспомощные существа от неправильного ухода.

...Если вы приобрели в магазине утюг или кофемолку, то получите и инструкцию по пользованию ими. А к сложной системе живого организма инструкции нет. И чтобы как-то помочь покупателям сохранить пичужек, черепах, рыбок и прочую живность, обратились работники магазина за помощью к специалистам из Московского клуба певчих и декоративных птиц и общества аквариумистов «Нептун». Они теперь и помогают продавцам — проводят тут консультации о кормах для птиц и рыб, о подборе и установке аквариумов. К консультантам обращаются за советами. Один покупатель рассказал, что живут у него дома чижик и щегол. Все бы хорошо, да начал чиж «лысеть». Оказывается, не сошлись характерами соседи по клетке — вот птица, что покрупнее, и проявляет свой характер, клюется... Нужны отдельные квартирки.

Есть у директора зоомагазина замысел: демонстрировать во время рассказов цветные слайды — так нагляднее. Посмотрели, послушали, задали вопросы — и купили. Купите и вы рыбку. Не простую — золотую!

М. КУДРЯВЦЕВА

ЛАВАШ ИЗ ПЕЧИ

Снимок сделан в цехе № 1 комбината «Звездный», у печей. За работой З. Бибилова и В. Овчинникова.

Фото А. Козьмина

В столице более 25 хлебозаводов, есть и крупные комбинаты — ежедневно они вырабатывают две с половиной тысячи тонн хлебного товара. А теперь в его реку вольется ручеек из пекарен — их ставят рядом (иногда стенка в стенку), с большими булочными и универсамами. Испекли хлеб — и в торговый зал. Будут работать такие пекарни не в укор хлебозаводам, а в помощь им. Главное же — в помощь хлебу...

На улице Глаголева появилась первая пекарня, на Большой Дорогомиловской уже пекут бублики, а эта вот, на Олимпийском проспекте, дает лаваш. Печь его не просто, но работники хлебопекарного комбината «Звездный» (пекарня — его филиал) не убоялись трудностей, выбрали сложную продукцию. И покупатель это оценил: мгновенно расходится лаваш. Горячим еще...

Комбинат «Звездный» внес свой штрих в организацию малых пекарен. Тут позаботились о том, чтобы на прилавки попал национальный грузинский хлеб. Первый шаг сделан. А не позаботиться ли о том, чтобы найти все (или почти все) рецепты национальных хлебов и начать их выпечку? Московские хлебопеки могли бы собрать все лучшее, что знает национальное хлебопечение нашей страны.

Примагазинные пекарни (о надобности их «Огонек» писал) — благо.

К. КОСТИН

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Свидетельства прошлого — интерес к ним неизменен и понятен. А тут не одно, не два, а книга «Первое десятилетие»; она издана «Московским рабочим» и собрала документальные очерки. Написаны они активными участниками событий тех давних лет, москвичами — ветеранами партии,— они и рассказывают о первых годах нашего государства.

«...Торжественно праздновали в Москве первую годовщину Октябрьской революции. Улицы города были иллюминированы, украшены флагами и гирляндами. На домах висели портреты революционных вождей народного пролетариата...»

Авторы сборника рассказывают, как цех за цехом, дом за домом восстанавливали городское хозяйство; как москвичи охраняли екатеринбургский вокзал и железную дорогу Вятка — Пермь; как под командованием Блюхера шли в наступление — от Каховки на Мелитополь. Мы переносимся в годы первого десятилетия, заходим в Московский совнархоз, в замоскворецкий отдел народного образования, на «Трехгорку», в московскую консерваторию, Моссовет.

Первый советский легковой автомобиль, сквер на месте Сухаревского рынка, здание Моссельпрома и новый жилой дом на Ленинградском шоссе. Репродукции первых страниц тогдашних газет.

И стар и млад прочтет книгу с интересом и пользой.

К. БАРЫКИН

СМИСС И РЕМИНГТОН

Эту заметку я пишу на машинке «Смисс-Премьер». Мне понадобилась заглавная буква. Левая рука привычно тянется к кнопке регистра. Но его нет: у «Смисса» для каждого знака своя клавиша. Понятно, их вдвое больше, чем на современных машинках. И это бы ничего, но вот буковки отпечатываются так, что их поначалу и не видно. Только откинув каретку, можно почитать написанное. Да, модель необычна. И немудрено — ей около ста лет. А рядом — «Ремингтон» 1879 года. «Ундервуды» разных лет, «Хэммонд» с идеальной, как писалось тогда в проспектах, клавиатурой. Все это портативные пишущие машинки из прошлого века, ими вполне мог пользоваться А. П. Чехов...

Конструкции разные, со своими достоинствами и недостатками — все вместе они составляют коллекцию, рассказывающую об истории развития машинописной техники. Собрал ее механик по ремонту пишущих машин Б. Ф. Булкин. Когда Борис Федорович вышел на пенсию, он передал ее в дар заводу «Мосгорреморгтехника». Скоро эти экспонаты переедут в здание заводоуправления. Там каждому отведут место... И экскурсовод начнет рассказ. С того, может, что мысль о машине, облегчающей и ускоряющей труд переписчика, родилась давно. Еще в 1714 году выдали патент на первую такого рода машину. Однако прошло еще полтора столетия, прежде чем появилась более или менее приемлемая конструкция. В 1870 году М. И. Алисов предложил свой, очень оригинальный печатающий механизм.

Но еще долго в канцеляриях скрипели перья, пока в 1903 году не были разработаны «Ундервуды». Они-то и стали прототипами современных машинок.

Н. БУМАГИНА

ЛЕГЕНД

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. М. БУДЕННОГО

С. М. Буденный с внуком Алешей в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

Его имя знает каждый. В Буденном было все, чем с давних времен гордится народ: мужество и отвага, прямота и честность, природный ум, готовность к решительному поединку с врагом. Еще до революции Буденный был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя медалями, высшая по тому времени награда — полный георгиевский бант! Он пережил четыре войны; и смерть он видел и друзей терял в жестоких боях, сам был не раз ранен, до своей кончины носил в себе, под ребром, пулю. Но никогда не сомневался в непобедимости того дела, за которое боролся и чему посвятил всю свою жизнь.

Буденный стал прославленным полководцем, трижды Героем Советского Союза. В апреле 1920 года он впервые встретился с В. И. Лениным.

Буденный произвел на Владимира Ильича большое впечатление, поэтому не случайно полгода спустя в беседе с Кларой Цеткин Владимир Ильич сказал: «Наш Буденный сейчас, наверно, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он — крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами все самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности. За него они готовы дать разрубить себя на части. Он один заменяет нам целые эскадроны».

В революцию Буденный пришел бурной весной 1917 года.

В годы гражданской войны с особой силой раскрылся его военный талант. Буденный приложил немало сил и энергии, чтобы создать в Красной Армии мощные конные соединения. Таким был 1-й конный корпус, сформированный им в 1919 году и одержавший немало замечательных побед.

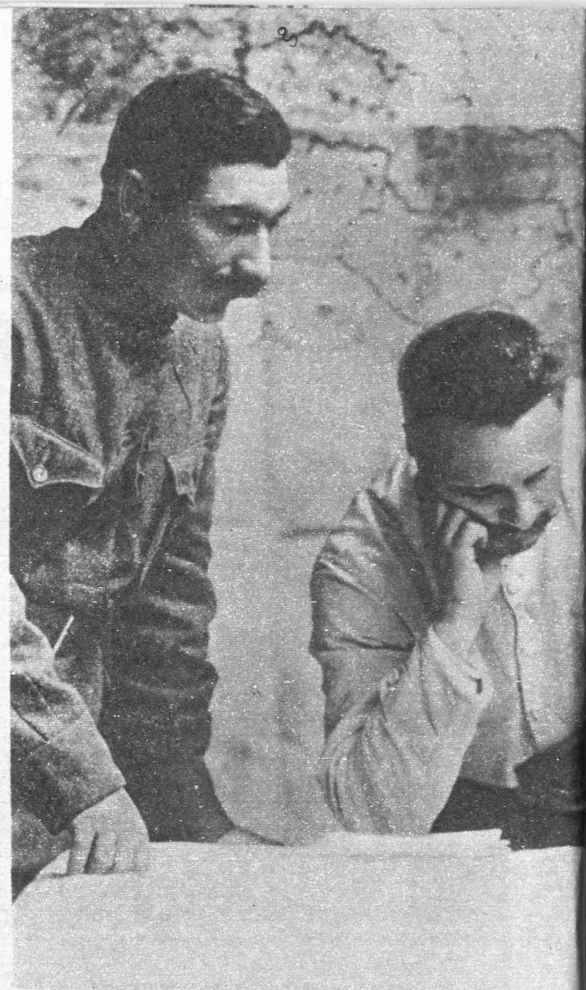
В ноябре 1919 года конный корпус был преобразован в Первую Конную армию. Храбрые полки, дивизии Первой Конной обрушивались на самые опасные для революции силы врагов и уничтожали их.

В огне сражений, в кипении боя видели своего командарма эскадроны, полки, дивизии — тысячи конников, а слова известной песни «Веди ж, Буденный, нас смелее в бой» отражали боевой дух красных бойцов.

7 ноября 1941 года, когда гитлеровские полчища стояли у стен Москвы, именно Буденный принимал в столице исторический парад войск, которые прямо с Красной площади направлялись на фронт.

Жизнь маршала Буденного — это легенда.

Ал. ЗОЛОТОТРУБОВ

С. М. Буденный, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов.

С. М. Буденный у матери и родственников в станице Платовской. 1925 год.

С. М. Буденный в годы первой мировой войны.

На параде 7 ноября 1950 года.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

АРНЫЙ ГЕРОЙ

Этот снимок сделан на Украине в октябре 1920 года.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Недавно мы, бойцы бывшего Эстонского стрелкового корпуса, вместе со всеми ветеранами войны, со всем советским народом пережили радостный день награждения древнего русского города Великие Луки орденом Отечественной войны 1-й степени. В ходе Великолукской операции части 3-й Ударной армии на узком участке фронта сковали большие силы врага — около десяти дивизий — и не дали ему использовать их на других участках, главным образом под Сталинградом. За доблесть и героизм, проявленные в этой операции, орденами и медалями были награждены свыше 14 тысяч бойцов и командиров, в том числе более тысячи воинов-эстонцев. Хочу рассказать о незабываемом.

Мой товарищ по оружию, политработник 27-го полка 249-й дивизии Эстонского стрелкового корпуса эстонский писатель Антс Саар, в своей, пожалуй, лучшей книге «Отчет об одной командировке» вспоминает: «...Вместе с прочими документами приносят десятки комсомольских и партийных билетов погибших. В руки врага не попало еще ни одного. Их выносили из-под самого носа вражеской огневой точки. Иногда для этого нужно было дожидаться темноты, приходилось весь день стеречь, чтобы никто из фашистов не подобрался к убитому... Сражались не только за живых, но и за мертвых...»

Многое сказано этим.

Для Антса Саара сражение под Великими Луками было боевым крещением, там он получил свою первую боевую медаль. Я в боях под Великими Луками не был новичком: до этого участвовал в оборонительных боях за Советскую Эстонию, в тяжких сражениях в кольце Ленинградской блокады. Под Великие Луки я попал политруком роты минометчиков.

Помню одну из первых атак в декабре 1942 года. Небольшая группа наших автоматчиков пошла в наступление при поддержке танка. Атака не удалась. То на руках, то на спине выносил обожженный русский танкист из-под вражеского огня молодого эстонского офицера. Дойдя до санитара, танкист упал на обочине, офицер же был мертв. Танкист понимал, что несет мертвого. «Но я не мог оставить его фашистам, они и над мертвыми издеваются», — говорил он. Не знаю имени этого танкиста. Офицера же знал хорошо — это был мой товарищ по довоенной комсомольской работе Карл Рааг. С декабря 1942 года до сего дня храню обложку его комсомольского билета.

В тот же день вражеский снайпер ранил нашего солдата. На помощь ему бросился командир подразделения младший лейтенант Абро. Снайпер продолжал вести огонь, он ранил Абро в плечо, потом в голову. Теперь нам, бывшим минометчикам — старшине роты Освальду Симонлатсеру, тогдашнему комсоргу, ныне заслуженному журналисту Аугусту Пяхклимяги, — неизменно вспоминается все это — отвага советского офицера и тупая жестокость врага.

После войны я не раз бывал в Великих Луках. Я видел этот город в развалинах и видел, как он поднимался из руин. Встреча с его красивыми чистыми улицами неизменно приносит радость. Город не забыл своих освободителей, в том числе и эстонских воинов.

В Великих Луках смотрит на нас отлитый из бронзы Александр Матросов. Девятнадцатилетний русский солдат, гвардии рядовой, 23 февраля 1943 года он прикрыл собой амбразуру гитлеровского пулеметного дзота при освобождении псковской деревни Чернушки недалеко от Великих Лук, на берегу Ловати.

Великие Луки и Александр Матросов в сознании бойцов Эстонского корпуса слились в единый символ всенародного подвига.

Эндель СЫГЕЛЬ,
директор Института языка и литературы
Академии наук ЭССР

Владимир КАШИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Чужое оружие

Коваль жестом пригласил женщину сесть.

— До сих пор ничего не было известно о его детях,— нарушил молчание капитан Бреус, обращаясь к Ковалю.

— Об этом никто не знал,— произнесла женщина.— Кроме матери. Мне она, умирая, открылась...

— Как ваша фамилия? Имя? — спросил подполковник.

— Пойда. Катерина.

— Фамилия девичья?

— Материнская. Есть и запись церковная. По ней и паспорт получала.

— Где и когда вы родились? — спросил снова Коваль.

— Под Богуславом, в Хохитве. В сорок первом...

— Мать давно умерла?

— Шесть лет назад.

— Он к вам приезжал?

— И цветы, значит, ему на могилу!..— возмутился Бреус.

— Цветы не я принесла,— возразила женщина, разведя руками.— Но не в этом дело... Счеты сведены — правосудие восторжествовало. У меня же осталась только могила отца...

На мгновение у Бреуса промелькнула мысль о следах женских туфель на проселочной дороге недалеко от усадьбы Лагуты, отпечатки которых он снял после убийства. Не она ли, эта не по годам увядшая женщина, посчитала себя вправе вынести смертный приговор? Притом через столько лет?

— Он и меня тогда травил, не только чужих детей. И этот яд никогда не выйдет из меня,— тихо добавила Пойда.

Неожиданно возникшее у Бреуса предположение все больше овладевало им. Капитан внимательно присматривался к разбитым туфлям женщины.

— Какой у вас размер обуви?— вдруг спросил он.

— Размер?— Пойда удивилась.

— Так какой? — повторил капитан.

«Вот сейчас,— думал Бреус,— я сделаю неожиданное открытие, которое хоть и зачеркнет прежнюю работу, но направит розыск по правильному пути. И вот здесь, на пути к истине, проводником стану я, начальник уголовного розыска капитан Бреус».

— Тридцать седьмой?— уверенно подсказал Бреус женщине.

— Не ко мне. Если он приезжал в Корсунь, я пряталась... Иногда он меня находил.

— Да, да,— согласился Коваль,— понимаю, он не жил вместе с вами, не помогал, отказывался, обижал мать... И потому вы его невзлюбили?

Пойда покачала головой.

— Нет, не он отказывался. Мать от него отказалась... и убежала со мной в Корсунь. А он меня, наверное, любил... Если вообще мог кого-нибудь любить...

Она говорила спокойно, удивительно ровным, немного уставшим голосом.

— А вы?.. Почему вы его избегали?..— продолжал спрашивать Коваль.

Женщина невозмутимо ответила:

— Иначе не могла...— Она умолкла, видимо, не в силах продолжать рассказ. Потом быстро добавила:— Он вместе с немцами убил детей в лесу и закопал в яру возле Днепра...

В кабинете стало так тихо, что, казалось, зазвенел воздух. Участковый Беляк крякнул и, вынув из кармана платок, стал вытирать вспотевшее лицо.

Бреус произнес:

— Это там, где стоит памятник жертвам фашизма у дороги на Днепр?

— Там только взрослым... А детей не стреляли... Детей отравили.

Коваль тихо спросил:

— Каких детей?

— Из больницы...

— И вы до сих пор молчали! — вспылил капитан.

— Я дочь...— вздохнула женщина.— Я несчастная дочь,— повторила она, не пряча грустных глаз.

Окончание. См. «Огонек» №№ 6–16.

— Нет,— возразила Пойда.— Тридцать шестой... Собственно, тридцать шесть с половиной. Импортные беру на номер больше.

Бреусу стало жарко. Он посмотрел на Коваля и расстегнул под галстуком пуговицу рубашки.

— И вечером восьмого вы были в Вербивке?

— В село не ходила ни в тот вечер, ни раньше...

— А где вы были восьмого вечером?

— Дома.

— Кто может подтвердить?

— Соседи.

«Значит, тридцать шесть с половиной. Почти тридцать семь»,— не оставляла мысль капитана.

— Расскажите нам о своем отце. Все, что знаете,— попросил Коваль.

— Знаю очень мало... Пока была жива мать, он виделся с ней, совал ей деньги. Она его терпела, думаю, потому, что боялась. Я тоже его очень боялась. Когда мать умерла, я сказала ему в глаза, что все знаю. Он плакал и клялся, что его заставили, что теперь отмаливает грех, сиротам и инвалидам помогает. Говорил, что сам стал верить в бога и призывал людей к вере, ибо это единственный путь заслужить у бога прощение...

—...У бога...—проворчал Бреус.— А у людей?

— Говорил, что сам пойдет к властям и покается, если я этого пожелаю. Но он хочет, чтоб я знала, что живет на свете ради меня, ибо я его плоть и кровь... Бормотал, будто прислуживал немцам, боясь, что останусь я сиротой. Я больше не хотела его слушать... Я не простила его. Сказала, что он и мою жизнь загубил и не хочу его больше видеть. А теперь... что ж теперь?..— Женщина развела руками.— Судите меня, если на то ваша воля...—

Последние слова Пойда произнесла, обращаясь как бы к Бреусу.

Коваль позвонил майору Литвину и попросил его зайти. Пойда повторила свою горькую исповедь при начальнике милиции, и тот договорился по телефону с прокурором и председателем исполкома Отрощенко об эксгумации трупов в овраге.

Когда майор с лейтенантом Беляком увезли Пойду в прокуратуру, Коваль с Бреусом молча сидели в кабинете, каждый по-своему был потрясен историей этой женщины и тем, что она ни разу не заплакала, словно окаменела. Потом капитан вскочил на ноги и, не спрашивая разрешения, стремглав выбежал из кабинета. Через несколько минут он вернулся, держа в руках фотографии большого размера.

V

На фотографиях были видны четкие следы женских туфель.

Капитан Бреус доложил, что девятого числа рано утром он снял следы неподалеку от усадьбы Лагуты, возле проселочной дороги. Но до сих пор считал, что они принадлежат какой-то случайной прохожей. И вот теперь, когда дознание зашло в тупик и ни его мысль о Ганке-продавщице как убийце, ни версия о Чепикове не нашли подтверждения (а тут еще и Пойда появилась), он предложил на рассмотрение эти фотографии.

— Безусловно, капитан,— сурово заметил Коваль, выслушав доводы Бреуса.— Здесь вы виноваты: не мне вас учить, что нельзя пренебрегать ни одной деталью. Ведь со временем любая из них может стать доказательством.

— Но женщина была далеко от усадьбы, шла проселком. Я проследил ее путь. Во дворе следов не оказалось...— пытался оправдаться Бреус.

— Они нам теперь ни к чему...

— Как ни к чему! — вспыхнул Бреус. Он уже готов был отстаивать мысль о важности следов неизвестной женщины.

— Женщина, оставившая эти следы, никакого отношения к убийству не имеет,— твердо произнес Коваль.— Она и в самом деле была далеко от места события и ничего не могла увидеть в темном дворе Лагуты... В этом вы, капитан, правы и большого открытия не сделали. Хотя, повторяю, должны были в самом начале и эти материалы представить оперативной группе... Однако забудем, Юрий Иванович, этот неприятный инцидент,— добавил Коваль после некоторого молчания.— Пускай он останется между нами.

Бреус мог бы поклясться, что в глазах подполковника. неожиданно запрыгали лукавые искорки.

В ответ он механически кивнул. Он не переставал удивляться непонятному поведению Коваля, и его упрямое лицо как бы говорило: «Ну, что ж, вам виднее. На то вы и начальство!.. Но... Но я не успокоюсь, пока не узнаю, что это была за женщина и почему она ночью блуждала возле реки, вблизи усадьбы Лагуты...»

— Товарищ подполковник,— решительно сказал Бреус.— В десять часов чистим колодец Лагуты. Вы поедете с нами?

Коваль ответил:

— Если пистолет в колодце, вы его найдете.

— А с Пойдой?.. Надо ее алиби проверить.

— Поручим Беляку.

— И все-таки какая странная история!

— Трагичная, Юрий Иванович... Мне по-человечески жаль эту женщину.

— Если она правду говорила, то многое проясняется.

— Конечно, конечно,— сказал Коваль, задумчиво стуча пальцами по столу.

...Когда Бреус ушел, подполковник достал фотографии со следами Зои Анатольевны. Несколько секунд рассматривал их, потом, улыбнувшись, разорвал на куски и спрятал в карман.

«Если бы Юрий Иванович хоть на минутку догадался, чьи следы сфотографировал! — добродушно подумал он.— Но, по-видимому, это тот случай, когда муж узнает последним... Или совсем не узнает! — дополнил поговорку Коваль.— Даже если он начальник уголовного розыска».

Во дворе стукнули дверцы «газика», загудел мотор.

Коваль выглянул в окно. Машина резко вырулила, словно вылетела на крыльях. Кто в ней сидел, подполковник не увидел, но знал, что это торопится в Вербивку капитан Бреус. Об этом нетрудно было догадаться по тому, как стукнули дверцы и почти одновременно завелся мотор, и машина рванула с места. Она словно знала характер начальника уголовного розыска, особенно если тот был не в настроении.

Коваль отошел от окна и рассмеялся. Конечно же, он поступил правильно и вполне справедливо, скрыв от вспыльчивого Бреуса тайну его супруги.

Возвратился капитан из Вербивки к вечеру. Он весь сиял.

Как часто бывает, трудное задание неожиданно, словно само собою, выполняется.

Когда начальник уголовного розыска вихрем влетел на второй этаж, Коваль сидел в кабинете у майора Литвина.

Приложив руку к козырьку, Бреус отдал честь, хотя в данном случае это было совсем необязательно, тем более что в повседневной работе здесь не особенно-то приветствовали друг друга. Не говоря ни слова, он торжественно положил на стол майора какой-то тяжелый предмет, завернутый в белый платок.

Ни Ковалю, ни Литвину не надо было объяснять, что это за предмет. Еще перед тем как капитан развернул платок, знали, что наконец отыскали злополучный парабеллум Чепикова.

Черный тяжелый пистолет лежал с налипшими на нем песчинками, мелкими щепочками, травинками, и только ствол таинственно поблескивал вороненой сталью.

В руки пистолет не брали, чтоб не стереть отпечатков пальцев и не оставить своих.

— Он весь в крови,— сказал Литвин, низко склонившись над парабеллумом,— и отпечатки на нем были отчетливо видны даже невооруженным глазом.

— Кровь засохла, и отпечатки закрепились.

— Вы его, Юрий Иванович, конечно, не из колодца достали,— заметил Коваль, рассматривая рукоятку с отбитой щечкой, о которой говорил на допросе Чепиков.— Вода, даже непроточная, размыла бы отпечатки.

— Безусловно,— согласился Литвин.— А где нашли его, Юрий Иванович?

— В лесу.

— Расскажите подробнее,— приказал майор, усаживаясь в свое кресло.

— Все получилось очень просто. Значит, в лесу. Правда, далековато от усадьбы. Сам не знаю, как он мне попался на глаза! Вышел прямо на него! — Радостное возбуждение не покидало капитана, и фразы его были отрывочны.— Он словно поджидал меня. Спокойно лежал себе под грабом в корнях, слегка покрытый травой и молодыми побегами листьев. Иду себе — смотрю под ноги... Глянь — парабеллум! Глазам своим не поверил. Аж закрыл их от неожиданности. Снова посмотрел — лежит! Тогда расстелил на земле платочек и веточками осторожно перенес его. Завязал, значит, платочек...

— Далеко, говорите, от усадьбы Лагуты?

— Восемьдесят пять шагов...

— А в колодце искали?

— Там все перешарили, дно осмотрели — и, конечно же, ничего... Тогда я и подался в лес... Но вы знаете,— сказал капитан,— когда в колодец спускался, было такое чувство, что напрасно здесь стараемся. Не знаю почему, но долго не мог заставить себя работать... А потом плюнул на все и пошел в лес. Почему — и сам не знаю. Возможно, нервы успокоить. В лесу появилось такое предчувствие, что я его,— он посмотрел на пистолет,— уж сегодня-то непременно отыщу... И вот иду, иду, словно за руку кто-то меня ведет, и нате, пожалуйста...

— Интуиция, значит,— согласился майор.— Конечно, и его величество случай не подкачал... Но как же мы раньше его не замечали? Кажется, на сто метров все кругом ошарили...

— Это ближе к реке, Сидор Тихонович... Чепиков туда, значит, добежал и не заметил, как выронил пистолет, а потом снова продолжал в панике кружить, повернул назад, к огородам, тут его и схватили.

— Так бывает,— согласился Коваль,— смотришь и не видишь. Тем более что пистолет лежал в траве и завалился под корень.

— Но какое у меня предчувствие было, вы себе даже не представляете,— не мог никак успокоиться Бреус.

Улыбаясь, Дмитрий Иванович сказал:

— Кое-кто утверждает, что с развитием криминалистики принижается роль интуиции. Не согласен. Никогда полностью техника не заменит человека. Ведь не только наука и техника развиваются. Развивается и сам человек. И если у какого-либо современного индивидуума и исчезает естественная острота чувств, то у большинства людей предчувствия развиваются, и это развитие основывается на высшем, более богатом интеллекте...

Рассуждения Коваля показались майору вполне логичными, но несвоевременными. Однако мысль свою он вслух не высказал.

— Проведем опознание оружия Чепикова, а потом отошлем парабеллум на экспертизу отпечатков,— сказал Коваль.— Интуиция — вещь хорошая, но ее, к сожалению, к делу не приложишь,— закончил он, ни к кому не обращаясь,— а вот экспертиза на все нам даст ответ!..

VI

— Итак,— произнес с удовлетворением Литвин, вынимая из большого конверта только что полученные фотографии отпечатков на парабеллуме и заполненные бланки экспертизы,— наконец имеем прямые доказательства, которые завершают нашу работу.— Майор в несколько рядов разложил на столе фотографии, как раскладывают пасьянс, всем своим видом приглашая Коваля и капитана Бреуса начать последнее оперативное совещание.— Гора с плеч! — облегченно вздохнул начальник милиции майор Литвин.— Я давно это знал и, как видите, не ошибся.

Все трое, стоя, рассматривали увеличенные фотографии парабеллума и отпечатки на нем.

— Пистолет почти весь в засохшей крови Лагуты, и отпечатки пальцев Чепикова прекрасно видны...— отметил майор.— Нам повезло, что не было дождей. Вода все смыла бы.

— Конечно,— согласился капитан Бреус. Сегодня он был не такой возбужденный, как тогда, когда нашел парабеллум. Собранные им доказательства свидетельствовали не в пользу Чепикова, и это ему было крайне неприятно.

— Интересно, как попала кровь Лагуты на пистолет?— осторожно заметил Коваль.

— А Чепиков выпачкан в кровь Лагуты. Наверное, не только стрелял в него, а еще и схватились в драке,— высказал свои мысли вслух майор Литвин.

— Кровь Лагуты попала на пистолет после выстрела. Отсюда получается...—Коваль умолк, давая возможность собеседникам сделать самим вывод.

Глаза Бреуса заблестели, его разбирало любопытство.

— Значит, нельзя утверждать, что стрелял Чепиков,— дальше развивал свою мысль Коваль.— Иначе эта кровь скрыла бы отпечатки пальцев. Мы видим ясный рисунок на металле и на рукоятке. Это подтверждает, что пистолет попал в руки Чепикова после того, как пролилась кровь Лагуты, то есть после убийства.

— Он мог его держать и до и после,— возразил майор.

— Совершенно верно, тем более что он и раньше держал его в руках.

Никак не мог понять начальник райотдела, что хочет доказать подполковник Коваль.

— Я хотел бы обратить внимание — эти отпечатки ничего нам не говорят: есть они или нет их. Для нас важны и доказуемы только те отпечатки, которые были до выстрела и которые, к сожалению, залила кровь.

Теперь майор понял Коваля и сокрушенно покачал головой: несомненно, подполковник прав.

— Посмотрим на другие фотографии.— Коваль взял со стола еще два снимка, сделанные экспертами.— Здесь мы видим совсем другие отпечатки, правда, едва просматриваемые, поэтому пистолет и сфотографирован под боковым освещением. Это создает более рельефный рисунок... Теперь непросто установить, кто держал рукоятку, поскольку она, как и некоторые части парабеллума, залита

кровью. А вот на затворе и стволе заметны иные, хоть и едва видимые отпечатки. Как показывает экспертиза, Мария держала пистолет за ствол.

— Она могла схватиться за него, когда Чепиков собирался выстрелить,— заметил майор.

— Очень возможно, Сидор Тихонович, что Мария могла схватить пистолет и за рукоятку во время выстрела,— отпарировал Коваль.— А вот на затворе,— показал он на фотографию,— просматриваются отпечатки пальцев Лагуты... Итак, все трое держали в руках парабеллум. В таком случае,— немного помолчал Коваль,— невозможно определить, кто же из них нажал на спусковой курок. И данные экспертизы не только не обвиняют Чепикова, а, наоборот, могут трактоваться как оправдывающее доказательство... Но... — снова умолк подполковник, собираясь с мыслями,— кто же все-таки нажал на курок?.. Если принимать во внимание и другие данные, то картина проясняется. Имеются по меньшей мере три варианта, или три версии.— Подполковник достал и раскрыл свой блокнот, на страницах которого были начерчены его последние графики.

Капитан Бреус слушал как завороженный. Только Литвин тяжело хмурился, остерегаясь, как бы Коваль снова не завел дело в тупик.

— Отбросим на минуту первую, до сих пор принятую нами версию: стрелял Чепиков, стрелял в обоих, ибо, повторяю, отпечатки, оставленные на мокрой от крови рукоятке пистолета, еще не дают полного права, чтобы предъявить ему такое обвинение. Если бы не кровь Лагуты, то следы Чепикова на рукоятке мы все равно обнаружили бы... И это тоже ничего не доказывало бы. А если посмотрим иначе?

Можно ли допустить, что пистолет Чепикова каким-то образом попал к Лагуте?

Можно.

Можно ли допустить, что Лагута убил Марию, а потом его самого застрелил Чепиков, который выбежал во двор?

Очень сомнительно...

Ведь в таком случае Лагута, держа пистолет в руке, мог бы сразу застрелить и Чепикова. Однако этого, как видите, не произошло. Имейте в виду: оба убиты из одного пистолета.

Допустим еще один вариант... Пистолет нашла Мария и по тем или иным причинам, под влиянием тех или иных обстоятельств убила Лагуту.

Но кто же тогда убил ее?

Итак, как видим, следы пальцев на пистолете дают возможность строить много версий. Я все их не перечисляю, буду принимать во внимание такие факты, из которых можно сделать только один вывод.

— Давайте разберем характер ран у обоих погибших. Допустим на минуту, что участников события было двое, только двое!

От удивления Литвин вытаращил глаза на Коваля.

— Выходит, Дмитрий Иванович, что они друг друга застрелили? Как на дуэли?

Капитан Бреус сдержанно улыбнулся: он понимал, как трудно сейчас майору пересилить себя и помолчать.

— На минуту допустим и это,— подтвердил Коваль.— Обратите внимание на раны. Первая экспертиза засвидетельствовала, что пуля попала в самое сердце Марии и смерть наступила мгновенно. Могла бы она, мертвая, ответить Лагуте на его выстрел?..— Коваль умолк, и, взяв папиросу, нарочито долго прикуривал, поглядывая в окно на заходящее за горизонт багряное солнце. Он словно давал возможность собеседникам поразмыслить над его доводами.

— Конечно, не могла! — сказал Бреус.

— Лагута, которому пуля насквозь прошила легкие, прожил еще какое-то время после выстрела — такое тоже допускает экспертиза.

Он мог произвести второй выстрел? Мог. Как раз это и подтверждает кровавый след на земле. Кровь Марии натекла лужей возле трупа. Так бывает, когда смертельно раненный человек падает на месте и сразу умирает. А кровь, разбрызганная веером по траве,— это кровь Лагуты. Значит, смерть не наступила мгновенно, и он еще мог произвести в т о р о й выстрел — в Марию.

— Сделать такой вывод дают возможность следующие соображения: первый выстрел — неуверенный выстрел женщины, которая, повидимому, никогда до этого не держала в руках оружия, а второй — прямо в сердце — выстрел, произведенный твердой рукой, которая не промахнулась даже в агонии.

Коваль долго молчал, снова смотрел в окно на угасающий небосклон. Солнце раскрасило небо багряно-золотистыми полосами. «Завтра будет ветрено»,— подумал он.

— Мои предположения вызывают много новых вопросов,— продолжал подполковник.— Но каждый из них подтверждается фактами, заключениями экспертизы и, конечно же, опирается на логику событий и психологию людей.

Одно из двух: у кого в руках мог оказаться парабеллум, утерянный Чепиковым? У Марии или у Лагуты? Кто вынес его во двор?

Сам Чепиков, как мы знаем, не помнит, где он утерял пистолет. Даже без теории вероятности ясно, что Чепиков встречался с Лагутой куда реже, чем с супругой, и во двор к нему старался не заходить. Отсюда следует, что намного больше вероятностей утерять пистолет дома, а не там, где мог найти его Лагута. Конечно, он мог уронить его и на «дубках», где хозяйничала Ганна Кульбачка, да и сама Мария, найдя в своей хате оружие, могла отнести его Лагуте... Но я считаю, что оружие было у Марии...

— Картину трагедии представляю себе так,— продолжал подполковник Коваль.— Первой, по-видимому, с близкого расстояния стреляла Мария. Это подтверждает экспертиза рубашки Лагуты, обожженной выстрелом, и частички пороха в коже, как это бывает,

когда стреляют в упор, в частности при самоубийстве. Но Лагута был не из тех, кто так просто уходит из жизни. Не умея стрелять, Мария Чепикова угодила Лагуте в легкие, и некоторое время он еще был жив...

Потрясенная тем, что произошло, женщина выронила из рук пистолет и какое-то время стояла в замешательстве, не находя сил пошевельнуться. Тем временем Лагута, который упал на землю, все еще боролся со смертью, его крепкий организм не сдавался. Схватив валявшийся возле него парабеллум, Лагута нашел силы прицелиться и выстрелил в Марию, которая никак не могла оправиться от оцепенения. Пуля попала в сердце. Смерть ее наступила мгновенно. А Лагута еще какое-то время ползал по траве, словно пытался уйти от смерти. Он прополз несколько метров, и вот как раз на него, умирающего, и наткнулся Чепиков...

Дмитрий Иванович умолк. Литвин и Бреус каждый по-своему воспринимали то, что говорил подполковник. На лице начальника милиции вдруг отразились самые противоречивые чувства. Другое дело капитан: с самого начала он почувствовал железную логику в рассуждениях Коваля и сейчас посматривал на него с восхищением.

В последний раз подполковник окинул взглядом потемневшую в предвечерье Рось, мельницу и угол улицы и снова возвратился к разговору:

— Эти мои мысли подтверждаются заключениями и медицинской и баллистической экспертиз: пуля пробила легкие Лагуты под прямым углом, значит, в него стреляли стоя, а у Марии Чепиковой рана под острым углом — двадцать градусов. Пуля вошла в сердце снизу, пробив левый желудочек, и вышла через верхнюю полую вену. Выходит, в женщину стреляли снизу, очевидно, лежа. Можно только диву даваться, сколько ненависти нашел в себе Лагута, чтоб не промахнуться и так точно выстрелить... Стало быть, два лица, два участника трагедии — Петр Лагута и Мария Чепикова — были одновременно и жертвами и преступниками...— Коваль умолк, последний раз затянулся и погасил окурок о пепельницу...— Пистолет, по-видимому, случайно нашла Мария и спрятала от мужа, боясь, как бы с пьяных глаз тот не натворил беды. В ту кошмарную ночь, в состоянии нервного потрясения, потеряв веру во все, чем жила, поруганная Мария достала из тайника парабеллум, чтобы покончить с собой. Но во дворе она увидела Лагуту, который разрушил ее семью, отнял у нее святое — веру, а потом надсмеялся, бросив на поругание Савченко,— и она выстрелила не в себя, а в него. Следовательно, по статье девяносто четвертой или девяносто пятой за умышленное убийство нам сегодня передавать прокурору некого... Иван Чепиков понесет наказание по двести двадцать второй статье — за незаконное хранение оружия.

— Слишком много случайностей,— сокрушенно заметил майор Литвин.— Мария нашла пистолет; ее изнасиловал Савченко; ночью она встретила Лагуту.

— Случайность часто воспринимается как явление незакономерное только потому, что мы не смогли его своевременно предвидеть. И чем реже возникает такая неожиданность, тем невероятнее она кажется... В данном случае,— сказал со всей категоричностью Коваль,— случайность вполне закономерна, Сидор Тихонович... Итак, с Чепиковым и Лагутой мне все ясно,— подытожил он.— Сейчас беспокоит вот что: ходят слухи — муж Кульбачки умер год тому назад не своей смертью, а был отравлен собственной супругой... И здесь, очевидно, существует какая-то еще и мне не совсем понятная связь между убийством Петра Лагуты и Марии Чепиковой...

ЭПИЛОГ

...Еще недавно Мария не выдержала бы такое... Но после вчерашней ночи все перевернулось в ее душе, и ничего уже не трогало. Она стояла посреди двора, не в силах пошевелиться.

— Настал час! — донесся из приоткрытого окна возбужденный голос продавщицы сельмага Ганны Кульбачки. — Помнишь, говорил: скоро, Ганя, снимем эту шкуру и встанем на виду у всех, встанем рядом друг с другом, как люди... Вот и пришел наш час...

— Прямо сейчас, что ли? — проворчал немолодой лысый мужчина, сидящий в хате за столом. Его тень по-медвежьи наползала на стену.

— Терпенью моему конец, Петро... Ты говорил — терпи. Я терпела. Ты говорил — жди. Я ждала. Терпела постылого, себя тешила, все думала: вот-вот заживем. И в ларьке ради тебя сидела — мне от этих пьяниц житья нет. Скоро год, как Сергея схоронила, царство ему небесное,— невысокая худенькая женщина перекрестилась,— может, пожил бы еще... А у нас с тобой все украдкой, по-воровски, и не родные и не чужие, а так себе: пьем чай вприкуску...

— Мы с тобой брат и сестра во Христе,— тихо ответил мужчина. Он явно не ожидал услышать от женщины такие слова. — Нам ссориться нельзя, сестра. Не божье это дело.

— Не морочь ты мне голову! — прикрикнула продавщица.

— Подожди немного. Не время еще перед людьми являться... Да и дела неотложные есть...

— Знаю дела твои. Мария — вот и все дела. Думаешь, не догадываюсь или не понимаю? — сбивалась от волнения продавщица. — Задурил бабе голову. А с меня хватит,— уже с угрозой в голосе продолжала кричать Кульбачка. — Не выдержу я больше, Петро!.. Смотри! Беда будет и тебе и ей!..

Длинный, как жердь, поднялся Петр Лагута, и тень его сразу выросла, стала тоньше и наползала на потолок.

— Не дури, Ганя,— сказал сердито. — Я этого не люблю. А непослушание не прощаю...

— Может, убьешь? — удивилась женщина. — Чтоб на вашем пути не стояла? Это ты можешь. Не успеешь убить, я расскажу людям. Расскажу все!..

— Не позволю,— с силой произнес Лагута, и тень его зловеще покачнулась на стене и потолке.

— Сейчас убьешь, ирод? Убивай! — Женщина упала на колени, запрокинула назад голову. — Загуби мою душу! Давай!

Никем не замеченная, подобралась Мария к хате, притаилась: сквозь окно уставилась широко раскрытыми глазами в лицо Лагуты, едва освещенное керосиновой лампой. Никогда не видела она его таким разъяренным.

— Встань! — приказал он продавщице. — И страдай. Как господь повелел — терпи. А Мария — это овца заблудшая. Господь не внемлет ее молитвам. И мне она, хромая, не нужна. Я тебя люблю, Ганя. Только тебя. За очи твои ясные, за руки ласковые, за тело горячее, за веру и силу твою неистребимую.

Голос Лагуты стал нежным. Он подошел к женщине и, обняв ее, поднял с коленей.

— Что нам Мария?.. Не об ней разговор... Иван мне нужен был... А она, неразумная, этого не понимала, только про дите и думала да богу молилась... Прошлую ночь на блуд пошла с братом Михайлом,— гневно произнес Лагута и затопал ногами,— с этим каторжником, негодяем!.. Испоганила себя, осрамила всех нас. Не будет у нее дитя, ничего не будет, порушила семью, загубила любовь, посеяла раздоры, и теперь ад духовный и черный огонь в душе у нее. Не подвела она своего Ивана под мое благословение, не захотел он признавать Иисуса Христа и меня, раздавлю обоих и развею пепел их в пустыне.

— Страшный ты человек, Петро... Только у меня никого, кроме тебя, не осталось.

— Отмщение и аз воздам! Ненавижу их и радуюсь их страданиям. Всю жизнь прячусь, ничто не мило из-за них: и хлеб горчит, и солнце не так греет. Всех бы раздавил, будь на то воля моя... — Лагута смолк. — А теперь иди! — властно и спокойно повелел он. И тут же прибавил: — Иди так, чтоб никто тебя не увидел... И грех свой не забывай... Если почесать языком вдруг захочется...

Ганна Кульбачка, как тень, выскользнула из хаты, и ночь сразу поглотила ее.

Мария тяжело дышала. Зловещий сумрак, что еще вчера заполнил ее душу, сдавил горло, перехватил дыхание. Вся ее гордость, с детства приниженная хромотой, поруганная прошлой ночью, восставала сейчас в ней, отзывалась болью.

Не помня себя, она прохрипела в открытое окно:

— Выйди!

— Кто там? — спросил Лагута, выглядывая в темный двор.

Мария стояла растерянная и оскорбленная.

— А-а, Марийка,— узнал он ее. — Что тебе?

Она молчала. Было тихо. Мягко плескалась Рось у берегов неподалеку от хаты, гулял ночной ветер по саду, шевелил листья, ожившие после жаркого дня.

Лагута вышел на крыльцо и направился к Марии.

— Ну, что тебе? Чего надо? Зачем пришла? — спросил он строго.

Затянувшееся молчание стало угрожающим. Взошла луна, и через весь двор на траву упали две тонкие и длинные тени.

Лагута не встречался с Марией со вчерашней ночи и сейчас не хотел ее видеть. Но придется поговорить, раз уж пришла.

— Что с тобой, сестра моя? — И он шагнул к ней навстречу...

Она невольно отступила.

— Да что с тобой? — уже ласково повторил Лагута и, вглядевшись в лицо Марии, неожиданно почувствовал, как страх сковал его движения и лишил голоса...

Гулкий выстрел разорвал ночь и, громыхая, покатился в далекий мир...

Высокий, плотный Петр Лагута закачался и, хватаясь руками за воздух, стал медленно оседать на землю.

Из рук Марии выпал тяжелый парабеллум, и она, словно оглушенная, замерла посреди двора.

Истекая кровью, Лагута, как змея, ползал по земле.

Напрягая последние силы, поднял валявшийся на земле пистолет.

От ужаса Мария остолбенела.

Над Росью раздался еще один выстрел. И ночь снова отозвалась стонущим эхом, заохала над берегами, заголосила...

Из своего дома выбежал Иван Чепиков и бросился во двор Лагуты...

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

СОХРАНИМ ПОТОМКАМ

«Сколько нового, сколько приятных минут мы получили, окунувшись в мир прекрасного прошлого и настоящего...» «Выставка оригинальна, спасибо организаторам за то, что собирают и сохраняют для потомков плоды самобытного искусства малых народностей Приамурья...» Это записи в книге отзывов посетителей Хабаровского художественного музея. На открывшейся здесь выставке широко представлено прикладное искусство народов Дальнего Востока — нанайцев, эвенов, удэгейцев, ульчей: вышивки, плетения, изделия из дерева и кости, халаты из рыбьих шкур, ковры, посуда.

Разглядывая эти стенды, еще раз радуешься тому, какой гигантский социальный скачок свершили за шесть десятилетий народы Дальнего Востока, в прошлом не имевшие даже своей письменности. Сегодня мы читаем стихи нанайской поэтессы Анны Ходжер, слушаем музыку ульчского композитора Лидии Дечули, любуемся картинами нивхского художника Сергея Гурка...

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька».

Хабаровск

Фото автора

На снимке: в зале художественного музея.

информация

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ДЕПУТАТ

ЗНАКОМСТВО ДАВНЕЕ. В Чульман, аэропорт города Нерюнгри, мы прилетели с Алексеем Борисовичем Новолодским в один и тот же день, только он часом ранее из Братска, мы — часом позднее на «перекладных» через Якутск из Москвы. Совпадение не случайное, а по договоренности. Знакомство у меня с Новолодским давнее, по знаменитой, уже отошедшей в историю камазовской стройке, где его бригада монтажников славилась своими свершениями не менее, чем сама стройка. Потому и председательствовал Новолодский в совете бригадиров, объединявшем сотни коллективов, бессменно, до самого своего возвращения в Азию; он ведь и по рождению и по своей биографии коренной сибиряк. Участвовал в сооружении Иркутской и Вилюйской ГЭС.

Знала его как человека высокой общественной активности («Я сполошный»,— любил повторять про себя) и обостренного чувства гражданского долга. И не удивилась, когда четыре года назад, в прошлый наш приезд, строители и геологи Южной Якутии выдвинули его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В Москве, в дни работы сессий, исподволь готовясь к этой встрече, расспрашивала Алексея Борисовича о депутатских делах. И по тому, как коротки, чаще всего по телефону, были наши разговоры — «В 8.30 иду к Непорожнему», «Вечером буду в постпредстве», «В перерыве между заседаниями надо бы успеть в МПС»,— догадывалась, какие у него теперь большие хлопоты, какая ответственность легла на его плечи... По-видимому, и сейчас нечто очень важное принуждало его быть в Братске. Да и вид был озабоченный.

Округ и избиратели. Познакомиться с его избирательным округом, округом № 699, впервые образованным в 1979 году и названным по имени главного города Южно-Якутского территориально-производственного комплекса — ТПК Нерюнгринским, это все равно, что объять необъятное. Представьте себе площадь величиной в 259,7 тысячи квадратных километров. Чтоб пересечь ее в широтном направлении, ЯКу-40 понадобилось бы около двух часов. Это же территория! По площади намного больше, чем Великобритания. Прибавьте к тому бесконечные горные цепи Станового хребта, тайгу, мороз, несмотря на весеннее солнечное сияние да еще со жгучим ветерком, и отсутствие дорог в общепринятом значении этого слова. Тут действует круглогодично только одна Амуро-Якутская автомагистраль, пересекающая Нерюнгрию в самом узком, меридиональном направлении, и часть Малого БАМа. А в округе, кроме Нерюнгринского горсовета с пятью поселками, большой Олекминский район, около ста сельсоветов и населенных пунктов.

Тем не менее в первые дни мы «осваивали» округ сухопутно, с помощью четырех колес. Прежде всего осмотрели Нерюнгринскую ГРЭС, благо она расположена в Серебряном, не только по названию, Бору—живописном поселке энергетиков.

ГРЭС — один из важнейших пусковых объектов ТПК, его энергетическое сердце. Первый энергоблок мощностью в 210 мегаватт должен дать ток в этом году. Почти на сто метров поднялась ее труба. Перламутром отливает облицованный металлическими панелями главный корпус. В его сооружении участвовала бригада Новолодского А. Б. До того строила теплотрассу, бетонный завод, пуско-отопительную котельную, ее направляли туда, где был самый горячий фронт всего ТПК. Она способна выполнить любое задание. Таким фронтом стало и строительство жилья.

Слева от шоссе не отдельные пятиэтажные здания — целые кварталы нового города. Четыре года назад их не было. Мы уже знаем, что ряд общежитий с желтыми балкончиками окрестили здесь улицей Новолодского, его бригада их строила.

Прием. Горисполком. Сегодня вечером депутат Верховного Совета СССР ведет прием населения.

Перед ним на стуле невысокая женщина в цветастом просторном платьице. Якутка. Привело ее сюда самое житейское: квартира, потому что скоро будет второй ребенок.

— Маляр, отделочница, значит, вы...— раздумчиво произносит Новолодский. Он-то знает, как нужна эта профессия в городе.— Разряд какой? Четвертый? Отлично. Братья есть? Зовите их сюда, пусть приезжают. Нам очень нужны местные, национальные кадры. Что же касается квартиры, решим.

Пришли жители общежития, намеченного под снос, и балков, затопляемых талыми водами. Балками в Сибири называют временные жилища. Новолодским это пережито и памятно. Сам с женой обитал в таком, когда приехал с КамАЗа, оставив там великолепную трехкомнатную квартиру. Первое время устроились в обычной бытовке на полозьях, теплой только тогда, когда раскалена была печурка. Из валенок не вылезали. А если б еще заливало?..

Алексей Борисович знает, что медленно и в недостаточном количестве строятся жилье и учреждения соцкультбыта, особенно отстают угольщики — не выполняют планы. А Министерство энергетики и электрификации СССР выделяет мало ассигнований. В результате — текучесть кадров. Об этом говорил депутат Нерюнгрии в ноябре 1981 года в своей речи на шестой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва. Видимо, речь была актуальной, острой, потому что в перерыве к первому секретарю обкома партии, тогда еще был жив Г. И. Чиряев, подошел Чингиз Айтматов: «Хорошо рабочий из Якутии выступал...»

После той сессии прошло немало времени, но изменения невелики. В 1982 году энергетики, как и раньше, перевыполнили свое задание, а дирекция Южно-Якутского угольного комплекса снова не дотянула план по строительству жилья. Большая потребность в детских садах и яслях.

Что же сказать людям, пришедшим сейчас? Тут нужна оперативная помощь.

В самом конце приема прибежал Никитин, молодой совсем человек. Работает не близко, строителем. Вот уже шесть лет он тут. Живет в вагончике. Двое детей, жена-учительница. Подошла очередь на получение жилья. А предложили им квартиру в старом деревянном доме, в то время как более дальним по списку очередникам — в новых домах. Ребенка сняли с очереди в садик.

— Как так? Это же несправедливо! — замечает Алексей Борисович.— Может быть, чем провинился? Плохо работаете, прогуливаете?

— Да нет, благодарности получал. Пока заявление не написал.

— Какое заявление? — насторожился Новолодский.

Оказывается, неправильно были начислены сверхурочные. И на том заявлении появилась резолюция: «Не приносит пользы производству».

— Что-что? Я таких формулировок за всю свою жизнь не встречал ни на одной стройке.— Новолодский подошел к столику с телефонами, набрал номер начальника «Северовостокхиммонтажа», может быть, еще не ушел?

— Вам известна такая фамилия — Никитин? Как решаете его вопрос с жильем? Что? Повторите, пожалуйста, плохо слышу. Пересмат-ри-ва-ете? Так писать вам официально или так поймете?

Не любит Алексей Борисович заводить лишние бумаги, но ему, как депутату, от них никак не уйти. Приходят письма избирателей, ответы разных ведомств — вороха бумаг накопились за четыре года. Мне несколько вечеров понадобилось, чтоб разобраться в папках. И как порой ни сухо изложены некоторые вопросы, все равно в них проступает душа человека, его заботы и тревоги, сама жизнь, интересы народа.

Настойчивость. «Золотинка»—так называется крупный оленеводческий и звероводческий совхоз на Малом Баме. В 1979 году мы были здесь гостями Семена Михайловича Лиханова, одного из организаторов этого совхоза. В беседе за трапезой он не спеша поведал нам, как изменялась жизнь эвенков с приходом в эти края железной дороги. По ней исправно пошли комбикорма, овес, раньше их возили машинами с Невера по АЯМу. Своя дизельная станция появилась. По телевизору смотрят Москву. Артисты приезжают с концертами. Да и сам его дом, крепкий, добротный, преобразился: холодильник, стиральная машина, под окном «Запорожец»... Но тут же Лиханов оговорился, что далеко не все оленеводы так живут. А неподалеку строители-мостовики в уютных, утепленных домиках. Вот бы эти домики эвенкам, когда бамовцы закончат работы и уедут! Он, Лиханов, той зимой с челобитной собрался в Москву. Надел расшитую национальную дошку и камусы... Только все это было напрасно. В Минтрансстрое просьбу не уважили. «Вот, может быть, теперь наш кандидат в депутаты похлопочет за нас!» — закончил свой грустный рассказ Лиханов, имея в виду Новолодского.

Так и было. Едва вручили мандат, как Новолодский стал действовать. Слово «Золотинка» не сходило с его уст. В папках депутата большая переписка по этому вопросу. Вот только два документа, не нуждающиеся в комментариях. Распоряжение заместителя министра путей сообщения СССР о передаче «для улучшения быта малых национальностей Крайнего Севера» около тридцати зданий и сооружений, принадлежащих мостоотряду № 55, и ответ заместителя другого министра, транспортного строительства, извещающий депутата, что «передать временные здания, находящие-

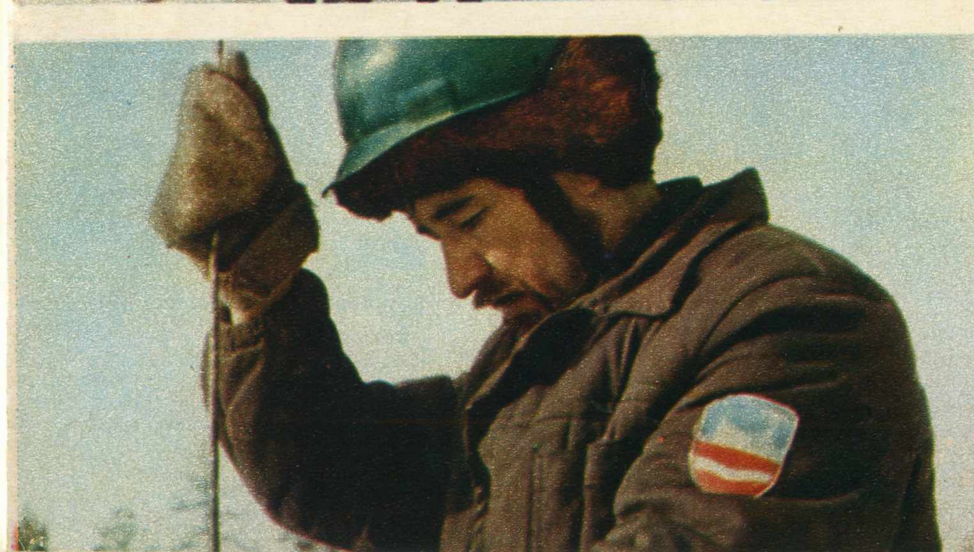
●

А. Б. Новолодский ведет прием * Строится Нерюнгринская ГРЭС * Юнус Шакиров строил КамАЗ, теперь—дома в Якутии * Людмила Озичук — диспетчер Нерюнгринского угольного разреза * В работе богатырь «Уралмаша».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: БелАЗ и УАЗ * Растут кварталы города Нерюнгри * Андрей Колесов — оленевод «Золотинки».

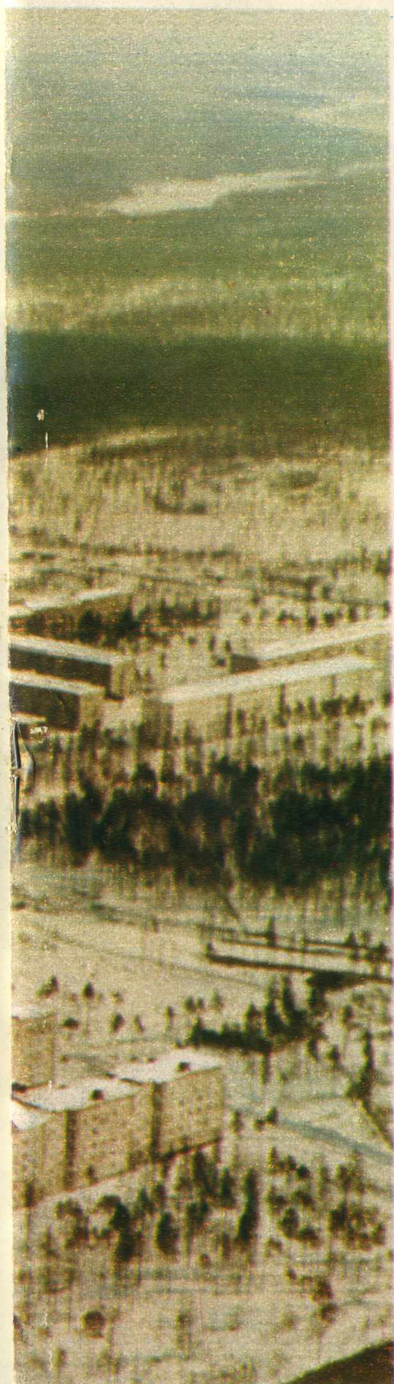

21

ся на балансе мостоотряда № 55, не представляется возможным». Но Новолодский не отступал. В Минтрансстрое предложили даже такое: «Пусть Минсельхоз оплатит». Не соглашался, убеждал оставить: «Будете разбирать — при перевозке процентов семьдесят переломаете и побросаете». Впоследствии так и получилось. Сколько валялось батарей, труб, щитов, арматуры... Однако в итоге при поддержке обкома партии победа пусть не на все сто процентов, но была одержана. В этом мы убедились воочию, когда поехали недавно в «Золотинку» на праздник «Дня оленевода».

В четырнадцати двухквартирных домиках и двух общежитиях, переданных мостоотрядом безвозмездно, живут оленеводы, специалисты, рабочие совхоза. В отдельных домах участковая больница, поликлиника, столовая.

Подвиг. «Вероятно, проблема «Золотинки» была самой сложной из всех, какими вам приходилось заниматься?» — спросила я Алексея Борисовича.

Он наморщил лоб, сосредоточился:

— Были и другие, очень важные наказы избирателей, когда обращался в Госплан Союза, в Совет Министров Федерации, в министерства финансов. Но последние полтора года больше всего хлопот по школам. Тут как бы двойной наказ избирателей получается. Непонятно? Вы ведь были в школе № 6.

Мы уже знаем, что по многим признакам она особенная. Во-первых, на 1176 человек — единственная такая в Южной Якутии. Во-вторых, имеет, к восторгу старшеклассников, свой тир, строители его сделали в дополнение к проекту в подвале, туда же перенесли и гардероб, освободив от него первый этаж. У ребят стало много места для разминки на переменах. Вокруг здания прекрасные игровые и спортивные площадки, оборудованные по всем правилам, тоже спасибо им, строителям. Школа была построена по сквозному подряду в рекордно короткий срок: за семь месяцев вместо двух лет, в течение которых строились школы раньше. «Это же подвиг! Чудо! Мы не верили, что откроем в ней учебный год, пока наш депутат и бригадир Новолодский не перерезал 1 сентября алую ленточку,— восторженно рассказывала нам директор школы Н. Н. Вдовина.— Положение создавалось катастрофическое: чуть ли не три с половиной тысячи учеников на одну школу! Едва вселились в новое здание, как оно оказалось переполненным: у нас тысяча девятьсот учащихся, занимаемся в две смены».

— Так вы не все еще знаете,— продолжал рассказ Новолодский.— Посмотрите, что получается у нас в Серебряном Бору. Всего две маленькие школы на 384 ученика каждая. Занятия в две с половиной смены. Осенью прибавится не меньше чем полтысячи учеников, мы должны принять две с половиной тысячи строителей и монтажников. Объем работ на ГРЭС нарастает с каждым днем. Дирекция и руководство стройки заблаговременно поставили об этом в известность Минэнерго с просьбой увеличить ассигнования на жилье и строительство еще одной большой школы. Именно такой наказ дали мне избиратели. А второй наказ нашей бригаде: построить эту школу так же быстро, как шестую. Заместитель министра Суров, бывший в Нерюнгри в декабре прошлого года, согласился с тем, что нам надо помочь.

Школа. Новолодский встал, руки в карманах. Походил.

— Что сделал я, со своей стороны? Вручил в декабре, на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 60-летию образования нашего государства, письмо лично министру товарищу Непорожнему. Рассчитывал на скорый ответ. В статье 117 Конституции записано, что должностное лицо, к которому обращен вопрос депутата высшего органа власти, обязано дать не более чем в трехдневный срок устный или письменный ответ на данной сессии Верховного Совета СССР. Ответа не было.

Новолодский послал министру телеграмму с напоминанием. Снова молчание, ни да, ни нет.

Не прямой, а косвенный ответ пришел... из Братска. В телеграмме, адресованной заместителю министра Сурову, Закопырин, начальник «Братскгэсстроя» — ему подчиняется управление «Нерюнгригрэсстрой» — сообщал, что в титульном списке на 83-й год на школу предусматривается сумма всего в сто тысяч рублей (а нужно два миллиона) и что запросы по поставкам железобетонных конструкций превышают возможности комбината... То есть все оставалось по-прежнему.

Депутат меж тем продолжал самозабвенно биться за школу. В середине февраля вместе с директором ГРЭС Д. В. Букиным он летит в Братск. Надеялся на то, что удастся, как и в прошлом году, поднять по принципу «Рабочей эстафеты» и закону содружества бригад заводов строительной индустрии на изготовление нужных конструкций. Ведь братчане очень выручили город Нерюнгри, когда досрочно поставили панели и все детали для школы № 6. Однако предусмотрительный Закопырин категорически воспротивился встречам гостей с рабочими заводов. Вернулись, так сказать, несолоно хлебавши. Вот почему в день нашего прилета в Чульман Алексей Борисович был озабочен и удручен. А тут еще Иван Иванович Пьянков, первый секретарь горкома партии, стал укорять: «Что ж, не вышли вы, мол, на заводчан?..»

Ох, нелегко быть депутатом!..

Нам стало беспокойно: как же дальше развернутся события?

...В самые трудные моменты своей жизни коммунист Новолодский советуется с партийными работниками. Так бывало на Вилюе и на Каме. Так и тут, в Южной Якутии. Депутат пошел в горком партии. Было подготовлено еще одно письмо. Председателю Совета Министров СССР товарищу Н. А. Тихонову. В нем есть такие строки: «Мы готовы жить и в палатках, но учить детей в ночную смену никто еще не научился... Убедительно просим обязать наше министерство в срочном порядке, хотя бы в течение марта — апреля, профинансировать школу на 1176 мест и укомплектовать ее конструкциями, а мы, комсомольско-молодежная бригада, обязуемся сверх плана смонтировать и сдать ее к 1 сентября 1983 года».

— Наше дело правое! — убежденно говорил Новолодский.

Письмо было отправлено при нас, 25 февраля. Вернувшись в Москву, я навела справки. Николай Александрович Тихонов счел возможным лично ознакомиться с этим письмом, и буквально через две недели, 15 марта (не прошло и месяца!), оно было направлено в два адреса: Совмину РСФСР и министру энергетики и электрификации.

На днях я позвонила в Серебряный Бор. Далекий голос Новолодского звучал приглушенно: «Строим! Уже сделали фундамент, бетон-то наш, нерюнгринский! Поставили подколонники. Где взял? У хозяйственного бригадира всегда найдутся в загашнике! Как с панелями? Пока плохо. Пришла телеграмма от Сурова. «Братскгэсстрою» даны указания о принятии мер по изготовлению конструкций для школы сверх плана. Но с поставкой в октябре — ноябре. Придется снова лететь в Братск».

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

НУЖНА ЛИ СУВЕНИРНАЯ КАСТРЮЛЯ

В статье К. Барыкина «Нужна ли сувенирная кастрюля?» («Огонек» № 7 за 1982 г.) говорилось о том, что все чаще обиходные, повседневного спроса товары получают статус сувенира и их создатели могут не заботиться о том, чтобы были они товаром утилитарного назначения. Выпускать такие изделия удобно, они дороже обычных ножей, вилок, отверток, а спрос за их качество не так строг: сувениры освобождены от целого ряда проверок и утверждений, обязательных для обычного товара. Кто поставит заслон такой практике? Четкого ответа на этот вопрос до сих пор нет, а прошло уже более года после выступления «Огонька». Правда, из Министерства торговли СССР пришло формальное, не на тему разговора письмо («Огонек» № 19 за 1982 г.).

Несколько более конкретное, но все же недостаточно деловое письмо получено было из Министерства промышленности средств связи от главного инженера главного управления В. А. Логинова: «В опубликованной статье «Нужна ли сувенирная кастрюля?», по нашему мнению, вопрос о такого рода сувенирах поставлен правильно. Выпуск изделия «Набор слесарных инструментов» осуществлен в связи с большим спросом (но наборы псевдоинструмента продолжают лежать в московском магазине «Орбита».— Ред.) на мелкий слесарный инструмент и заявками торгующих организаций. За образец было взято изделие, рекомендованное Западно-Сибирским филиалом палаты лучших образцов товаров народного потребления. Вопрос, связанный с принадлежностью изделия к требованиям сувенирного исполнения, решался не Министерством промышленности средств связи, а специально созданной комиссией с участием организаций торговли и других компетентных организаций.

При первоначально установленной оптовой цене в размере 2,27 рубля выпуск изделия оказался нерентабельным. Изделие было доработано, после чего база «Росгалантерея» по аналогии с имеющимися образцами установила оптовую цену в размере 6,36 рубля. В статье К. Барыкина речь идет о наборе, который по согласованию с базой «Роскультторга» был выпущен в старом исполнении разовой партией в количестве 500 штук».

Просим извинить за столь обстоятельное цитирование — оно необходимо, чтобы показать, как в словесной вязи пропадает суть вопроса. Несмотря на то, что к выпуску «слесарного» набора приложили старания (или безразличие?) многие организации, работать им нельзя, как и говорилось в статье. Ну, а какой же сувенир отвертка или шило, посудите сами?

К сожалению, вся эта операция проведена при содействии торговли, которая до сих пор так и не высказала своего отношения к этому и другим конкретным вопросам. Не отозвались на публикацию и представители Госкомитета СССР по ценам. Так что разговор не завершен. А результаты его людей интересуют, что явствует из письма одного читателя, который пишет, что в Крыму перестали быть дефицитными эмалированные чайники, кружки, кастрюли. Хорошо? Конечно. Но не спешите с окончательными выводами. «Четыре года назад я купил простой эмалированный чайник емкостью три литра, кружку эмалированную. Сейчас ни такого чайника, ни такой кружки вы не купите. Зато в продаже «сувенирные» наборы: чайник двухлитровый и к нему три (!) кружки. И цена соответственно семь рублей. На изделиях довольно аляповатые цветочки». Об этом же письмо А. И. Новиковой из Мичуринска: «На прилавках магазинов нашего города появились кастрюли в цветочках с двух сторон, и стоимость ее 6 рублей 75 копеек. Это емкостью в три литра. А если взять побольше, то уже будет стоить более 8 рублей. Подумайте, пожалуйста, зачем это нужно? В недалеком прошлом такая кастрюля стоила немного больше двух рублей, она была без цветочков, хозяйки от этого нисколько не страдали, а, наоборот, были очень довольны хорошим качеством обливки, малым весом кастрюли и ее стоимостью.

Видимо, заводу выгодно выполнять план таким образом».

Мы не спешили с этой публикацией, полагая, что перестанут выпускать под прикрытием сувениров разнообразный брак. Но не прошел сувенирный ажиотаж. И придется разговор продолжить.

Первый урожай совхоза «Нерюнгри» * Школа № 6, построенная в 1982 году сверх плана бригадой А. Б. Новолодского * Самый маленький участник праздника «Дня оленевода» * Победители гонок Т. П. Семенов и Б. С. Дмитриев * Кто будет первым!

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

МОСТ У О

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

1

...И снова, снова видится Острава;
Иду на лыжах, думаю о ней.
Точней — о нем,
чья анонимна слава.
Так он решил.
Ну, что ж, ему видней.
Я странную испытываю радость,
В природе находя его черты:
Невозмутимых сосен рыжеватость,
Размах ветвей с избытком прямоты.
На ветке луч качнулся, словно в зыбке,
И, вырастая, чащу озарил,
Напомнил, что на свете есть улыбки
Из арсенала вечно добрых сил.
И этот исторический характер,
Российский Байрон и Кола Брюньон,
Пришел в Остраву
в сорок пятом, в марте,
Чтоб выдержать сраженье за нее.
Мы познакомились гораздо позже,
Свели заботы будничные нас.
...Иду на лыжах, тишину тревожа.
И память рассекаю, словно наст.

2

Войной уже проверенные жители
Москвы,
в тот светлый от салютов март,
Мы Бранденбургские ворота видели
Воображеньем
на квадратах карт.
У нас в конце войны
воображение
Играло многозначащую роль!
Манило призрачными ворожеями,
Утрат великих усмиряя боль.
Воображение
в борьбе с утратами
Мерцало, будто светлячок в грозу.
...Год сорок первый. Лето.
Я из Кратова
Больную дочку в поезде везу.
Я на руках держу ее.
Свободного
Местечка нет,
толкучка, кутерьма.
Малышка дочка говорит заботливо:
«Мам, я большая, постою сама!»
...Июль с атакой «мессершмиттов»
массовой.
Прожекторов кресты над головой.
Отряд наш бомбы-«зажигалки» сбрасывал
С высоких крыш столицы фронтовой.
И в те часы для нас главнее главного
Был «зажигалкам» счет.
Взглянув назад,
В конце войны
увидела я заново
Воображеньем
наш лихой азарт...
Но не служило мне воображение,
Когда по сводкам Совинформбюро
Увидеть я пыталась то сражение,
В котором был мой нынешний герой.
Нет, не служило,
как бы ни хотела я
Себе представить вновь снарядный вой.
Мешала ветка, от цветенья белая,
На свежем снимке, в почте полевой —
С немецкой присланная территории,
Где раньше был фашистский властелин.
Мешало то, что комсомольцы спорили
В Москве:
«Когда же мы возьмем Берлин?»
Твердила мать, «сестрица милосердная»,
Твердил юрист военный, мой отец,
Свое желанье самое заветное:
«Ну, слава господу, войне конец!»
(А в утро то,
когда на Брест негаданно
Обрушилась лавина черных сил:
«За Родину на схватки баррикадные
Пойдем!» — отец соседям заявил.)
Да, было трудно
в мартовском брожении,
В том постепенном становленье гнезд
Увидеть
из Москвы
вдали
сражение
За стратегический остравский мост!
...Снежи́т.
Сугробы притворились лешими.
(Того гляди появится медведь!)
Иду на лыжах,
и сегодня легче мне
Мост у Остравы разглядеть.

3

В каждом сердце ведется
счет жизненным датам,
Будоражащим памяти давнюю гладь.
Так сложилось, что я
только в семьдесят пятом
Об Остраве решила побольше узнать.
...Он рассказывал скупо.
Я плотно молчала.
Он в сегодняшний мир
то сраженье вернул:
— Было так, будто мы начинаем сначала,
Будто заново мы начинаем войну.
Надеваем шинели, кидаем пожитки
В эшелоны, идущие к первым боям.
Предстоит исправлять нам чужие ошибки,
Предстоят испытания первые нам.

Было так, будто нам абсолютно неведом
Близкий срок возвращения с фронта солдат.
Но зато было ясно, что в сводках победных
Не хватает пока завершающих дат.

Было надобно переломить настроение:
В сердце каждое вместо весеннего дня
Вновь вложить и напор боевой и терпение,
Что хранит от навала тоски, как броня.

И спросить было, что называется, не с кого:
Если время упустишь, пеняй на себя!
Под Остравой притом переправ было
несколько,
Нам из них лишь одну поручила Судьба.

Выходил не на центр городской,
а на пригород
Нам порученный мост
возле каменных глыб.
Где-то рядом другой громоздился,
мост Сыкоры,
Назван именем чеха, который погиб.

Слыл мечтателем парень, наивным
мыслителем,
Был студентом, не верил в мистический рок.
Он взрыватель извлек из опор перекрытия,
Героически воинам русским помог.

...Я на лыжах иду,
тот рассказ вспоминая.
То ли снег, то ли дымный налет на кустах?
В чаще леса мне чудятся
черные сваи
Обгорелого, взятого с бою моста.
То ли стон в медсанбате?
Иль замерла фраза?
Или гулкого пульса прерывиста нить?
Я не знала тогда продолженья рассказа:
О себе мой герой
не хотел говорить.

4

Осень
восемьдесят второго.
Одолев на «Иле» расстояние,
В Праге я была,
под сенью крова
Нашего корпункта постоянного.

Шел обмен приветливыми фразами
За российским длительным обедом.
А потом пражанка нам рассказывала
Быль, не уступавшую легендам:
Генералу нашему направили
К юбилею битв за переправы
Приглашенье,
чтоб вручить регалии
Гражданина города Остравы.

Прибыл генерал туда заранее,
У хозяев попросил машину,
Не на праздник
за почетным званьем,
А на мост знакомый
поспешил он.
Чтобы вспомнить,
где схватил ранение,
На какой пылающей планете?!
Но сказал он:
«Недоразумение!
Мост не этот, берега не эти!»
И — на мост другой.
К тому приглядывался
Долго генерал
в закатном свете.
Но сказал:
«Приехал не по адресу.
Мост не этот, берега не эти!»
«Газик» долго колесил над Одрою.
«Есть еще
мосты у нас, глядите!» —
С интонациями гида бодрого
Генералу предлагал водитель.
Тот сидел, недоуменно сгорбленный:
Вот уже Моравии граница,
А не смог найти он
мост особенный,
Что в глубокой памяти хранится!

В город генерал вернулся к полночи,
Выпил кружку будничного чаю,
Отказался от регалий:
«Полноте,
Славу за других не получаю!»
— Мне,—
сказала чешка,—
очень верится,
Что искать бы в пригородах надо!
А герой ваш —
настоящий ленинец!
За таким пойдешь на баррикады!

5

...Видна за снежной хвоей чернота
Как бы в просветах живописных лоджий.

И где-то здесь — незримая черта,
Бой отделившая, с другим не схожий,
Происходящий в странной тишине —
Не так, как в давности, на стенку стенка,—
В тебе происходящий и во мне,

СТРАВЫ

Самих себя проверка и оценка:
Всегда ли я решалась поддержать
Того, кто прав,
а ложь отвергнуть громко?
Взглянула ли на шар земной, как мать
На своего несчастного ребенка?
Всегда ли четко видела мишень?
Хранила ли отцовские награды?

...И, раз возможен этот бой в душе,
Нам есть за что идти на баррикады!

6

У Судьбы есть давние клиенты,
К ней зашла на несколько минут
Я. Точней, к нему:
— О вас легенды
По Чехословакии идут!

Он ответил:
— Я в легендах слабо
Разбираюсь.
Но вопрос решен:
Взял я карту мелкого масштаба,
И на ней я этот мост нашел.

— Чехи,— я вскричала,— будут рады!
Ведь они хотели всей душой
Вам вручить остравские награды!
— Полноте,
важней, что мост нашел.—
Помолчал он и добавил:
— Кстати,
Мне запомнился гигантский рост
Свай в багряном дыме,
а на карте
Это самый заурядный мост.
Исторически — частица фронта...
И сейчас, как в годы тех боев,
Наш удел — конкретная работа,
Множество слагаемых ее.

Например, борьба за дисциплину!
(Был во фразе ощутимый вызов.)
Да,— он повторил,— за дисциплину,
Начиная сверху, а не снизу!
И не только потому, что стронций,
«Ястребы», крылатые ракеты,
Вследствие которых как на фронте
Мирные строители планеты;
Нет, пожалуй, главное — дать людям
Всей земли
пример такой державы,
Чтоб кощунством был огонь орудий
Против нашей светозарной славы!
Лампочка зажглась.
Пока из Витебска
Кто-то излагал свои дела,
Я смотрела на портрет любительский
Справа от рабочего стола.
(Как рабфаковец во время óно,
Без официальных декораций:
Тот, кто на портрете, против «звона»,
Против заготовленных оваций.)

Первых пятилеток поколенье,
Череда блистательных имен!
И в моем герое — вдохновенье
Наших зорь, хотя моложе он...
Я сказала:
— Помню наши годы,
Днепростроя гордые огни.
Никакой вам заграничной моды —
Куртки под солдатские ремни!
А когда ударил гром зловещий...
Перебил он:
— Я от вас не скрою,
Что война при всей отваге женщин
Все же дело, так сказать, мужское.
Подвиг женщин в дни войны бессмертен,
В женщинах душа страны жива.

Но, как подтверждает ход столетий,
Вы способны наломать дрова,
У больного века в изголовье
Загасить нечаянно свечу,—
Просто не хватает хладнокровья,
Эмоциональны чересчур.

Заключил он:
— Я от вас не скрою,
Воля если бы моя была,
Я бы ради вашего покоя
Запрещал вам
острые дела!

7

Я на лыжах бегу
и в пути молодею!
Предо мною —
в снегу
возникают виденья:
Неотступно вокруг
возникают картины:
Сила творческих рук,
ломка дряхлой рутины,
Как в страде боевой,
полновесны успехи,
Жаркий день трудовой —
в министерстве и в цехе.
И в лесу — благодать,
нет разнузданных «леших»,
Потому что — как знать!— может, пить стали
меньше?
Чистый воздух такой,
что на сердце отрада...
(На какой «на покой»?!
Мне покоя не надо!)
Меж заснеженных трасс
под метелью ажурной
Я нашла лишь сейчас,
что при встрече скажу я.
Я скажу:
«Буду впредь возражать я смелее
Против догмы услужливой,
фразы елейной;
Выступать против тех,
кто приятелей старых
Избавляет от явно заслуженной кары,
Но, себя охраняя, забудет с испугу,
Позвонить клеветой оглушенному другу;
Против тех, кто играет продуманно в прятки:
На работе никто никогда их не видит,
Проживают, однако, они в сверхдостатке,
И родня «золотая» на них не в обиде!
Против силы того из удачливой дряни,
Кто твердит, будто он и сражался и ранен,
Брал Варшаву, Берлин, Будапешт,
а на деле
За него в дни войны папа с мамой радели.
Вижу я сквозь года
боя грозное зарево.
Я скажу:
«Ведь тогда
вы же начали заново!»
Если скажет он:
«Полноте,
ломка — повод к брожению»,—
Я скажу ему:
«Вспомните
под Остравой сражение!
У бойцов
над кипением водного кратера
Добивались вы заново
лóмки характера!»
...Я на лыжах лечу,
с ним запальчиво споря.
Я одна из пичуг,
зажигающих море!
А над лыжной строкой
распевает синица:
«Погоди на покой,
он с тобой согласится!»

бережливость: разные аспекты

ЗАЧЕМ РЫБКЕ ЗОНТИК?

Выражение «как рыба в воде» предполагает прекрасное самочувствие, оптимальные условия для жизнедеятельности любого организма. Но только в переносном смысле! Потому что самой рыбе небезразлично, в какой воде она живет и набирает вес, например, в холодной или теплой... Особенно щепетильны рыбы прудовых пород при заводском способе их размножения и выращивания. В областях средней полосы, на севере лед до апреля не освобождает «голубые гектары». Что же делать мастерам прудовых хозяйств?

Овощеводы давным-давно нашли выход: стекло, а теперь и пленка, они как надежное небо для ранних рассад! Поток солнечных лучей, пройдя сквозь пленку, создает под ней так называемый парниковый эффект, столь благоприятный для юных всходов. Только ли для них, для растений лука, салата, петрушки, огурцов? Примерно такой вопрос возник перед работниками кафедры рыбоводства Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Ответ пришел как бы сам собой: нет, конечно, не только! Парниковый эффект возможен и на воде под той же пленкой. Так или примерно так пришла мысль о пленочных теплицах для выращивания личинок, например, карпа. В мальковых и выростных прудах под пленкой также стали получать значительно больше продукции.

Новинку иной раз легче «открыть», чем внедрить в производство. Почти десять лет минуло с тех пор, как идея пленочных теплиц в рыбоводстве была проверена, научно обоснована и обрела конкретность довольно простой инструкции. Медалями ВДНХ разных достоинств награждены авторы — доктор сельскохозяйственных наук Юрий Алексеевич Привезенцев и старшие научные сотрудники кандидат сельскохозяйственных наук Елена Федоровна Иванова и Владимир Иванович Федотенков. Более того, новый способ раннего выращивания рыбных личинок, мальков и молоди под пленкой несколько лет применяют в хозяйствах «Мосрыбпрома», в частности в рыбхозе «Гжелка», в немногих хозяйствах Торжокского района Калининской области (а всего в восьми рыбхозах Нечерноземья). Подсчитано, что если теплицы заведет лишь каждое десятое прудовое хозяйство в РСФСР, Белоруссии, Северном Казахстане, в республиках Прибалтики, то и тогда прибыль от новинки составит не менее полутора миллионов рублей. Тепловой эффект обернется экономическим!

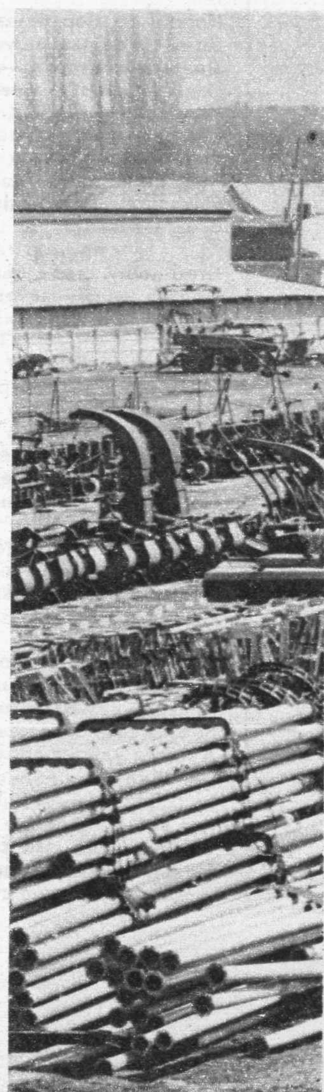
Если заранее возвести над прудом легкий каркас (либо из водопроводных труб небольшого диаметра — до 50 миллиметров, либо из жердей и кругляка), натянуть полиэтиленовую пленку, то можно выиграть целый месяц!

— В нынешнем году новые пруды под пленкой сооружены в Тамбовской и Белгородской областях. И все-таки медленно распространяется весть о теплицах на воде,— заключила свой рассказ о новинке Е. Ф. Иванова, один из авторов интересного исследования, проведенного в лаборатории прудового хозяйства Тимирязевки.

Кирилл БЫКОВ

КЛА

Новорожденные.

Традиция: любят коней в Ленинском.

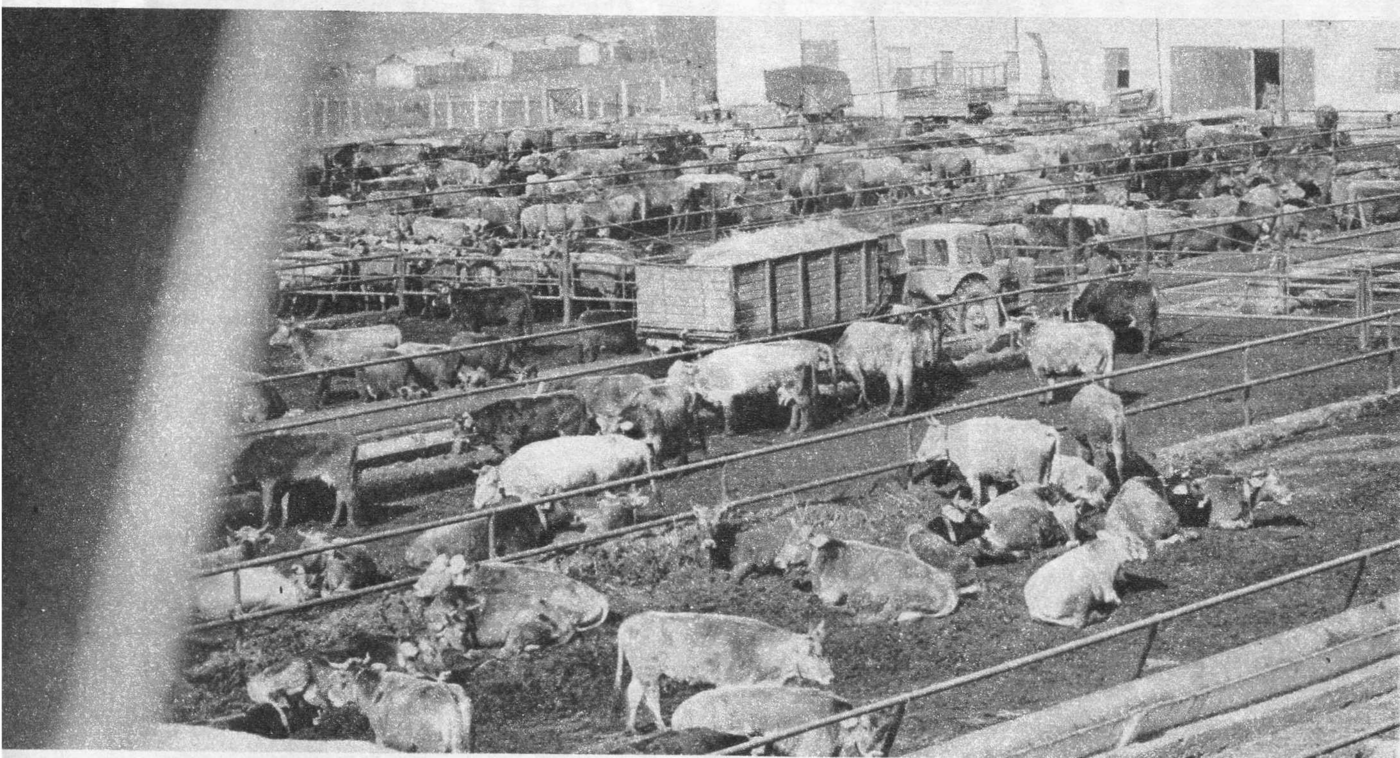
Д ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Л. ШЕРСТЕННИКОВ
Фото автора

Затишье перед новыми битвами.

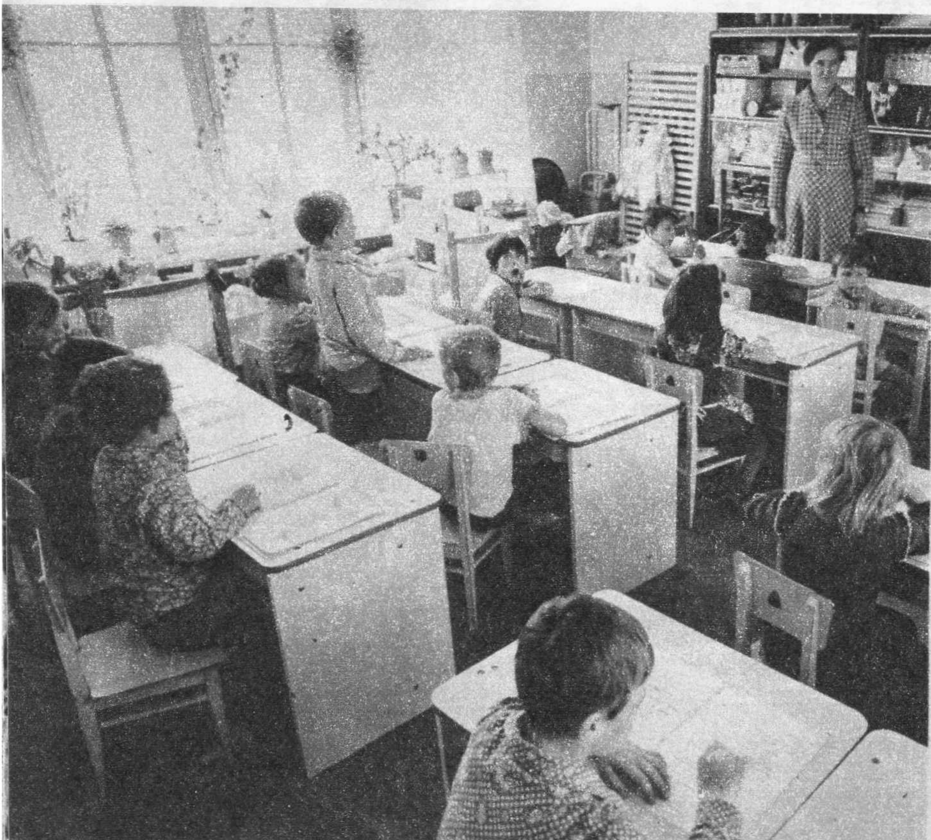

К Виктору Алексеевичу Опалеву (справа) приехал председатель колхоза имени Ленина, Ошской области, Шермамад Абдуллаев.

Новый молочный комплекс.

Они пока дошкольники.

Бекбо Эмильбаев — недавний горожанин, а теперь колхозник.

Хозяйство, о котором пойдет речь, расположено в Киргизии, в благодатной Чуйской долине. Как о благодати мечтали об этой долине переселенцы, двинувшие сюда когда-то свои повозки из далекой Бессарабии, с Украины, из неурожайных уездов России. На край земли, к солнышку поближе!.. Приехали, поставили дома, дворы и стали землю пахать — такое в Киргизии было в новинку. Киргизы горы любят, а степь — вольную, нетронутую. Водить отары по зеленым склонам хорошо! А тут приглядываться стали: хлеб растет, виноград растет. Перед пашней, казалось, горы отступали. Самим попробовать землю пахать захотелось... Так стало постепенно складываться небывалое село — многонациональное. В Ленинском зажили русские, украинцы и киргизы, зажили одним колхозом — имени Ленина.

Теплы долины Киргизии, но погода нынче мало считается с географией. Зима цепко держалась и поздними заморозками и гнилыми туманами, изморосью, а то и припоздавшим снегопадом показывала, что уходить не хочет. И в первый же погожий день выехал я в колхоз. Но день председателя начинается еще раньше, да не с кабинета, а с дальних полей, с участков и ферм, на которых непременно нужно бывать самому, дабы видеть воочию картину происходящего. Разыскать человека по колхозной рации (вот изобретение — не спрячешься!) — минутное дело. Вскоре я нагнал председателя Виктора Алексеевича Опалева, о котором идет слава рачительного хозяина.

— Слышал, вы в поездку собирались?

— Верно это... В Казахстан! Вон он, на том берегу Чу. У наших соседей соломы в избытке, мы ее у них берем в обмен на готовые корма.

Невдалеке, под холмом, на котором расположились корпуса молочной фермы, пыхтит заводик.

— Это и есть наш кормоцех, — пояснил Опалев.

Бегучие воды Чу, пожалуй, на коне можно перейти.

— Летом воды будет еще меньше — разберут.

И мне понятно, почему Виктор Алексеевич завернул к работающим машинам и экскаватору. Здесь копают пруд. Ну, а коли пруд, там и рыба будет. Малька станут выращивать, запускать, откармливать, а там и в продажу пускать...

Семена люцерны и свеклы — одна из главных статей дохода. Показатели по животноводству — на уровне лучших в республике. Понятно, есть и хлеб и кукуруза на корм, без них хозяйство не может существовать. Что же здесь главное? Пожалуй, все главное. А если говорить о делах председателя, то для него главное — умение на любую мелочь в работе смотреть как на существенное звено в экономике колхоза. Поэтому неудивительно, что за последние шесть лет производственные фонды колхоза увеличились более чем на шесть миллионов рублей, появилось много новых жилых домов, школы, детские сады, магазины... В колхоз имени Ленина просятся люди, вкусившие городской жизни, а к председателю едут друзья-соперники, кто за опытом, кто за помощью...

Литературные заметки

Д. ИВАНОВ

ПО СУЩЕСТВУ И ПО ПОВОДУ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЗЕ МОЛОДЫХ

I

Предо мною две книги — «Начало» и «Поколение», одновременно появившиеся на прилавках в начале этого года. В «Поколении», выпущенном издательством «Художественная литература» (составление С. Бозова и В. Ефремова), собраны повести и рассказы молодых русских писателей. «Начало», вышедшее в «Советском писателе», составлено из рассказов и повестей совсем только-только начинающих — студентов Литературного института имени А. М. Горького (составитель С. Цебаковский). Обе книги являются первыми подобными опытами в практике ведущих наших издательств и, безусловно, свидетельствуют о том растущем внимании, какое обращается сегодня на литературную «младую поросль».

Г. Баженов, Л. Бежин, А. Драбкина, М. Еськов, В. Хайрюзов — эти и еще две-три фамилии уже на слуху, отдельные их произведения доводилось читать и раньше. И все-таки лишь теперь произошло нешапочное знакомство и с ними и с другими молодыми. Оказалось возможным сопоставить уровень их писательской умелости, узнать, какие темы и жизненные коллизии их волнуют в первую голову, увидеть, в чем они близки, а в чем — на особинку.

Конечно, по одному произведению, будь то рассказ или же повесть, обычно трудно с определенностью судить о возможностях писателя. Но у некоторых авторов «Поколения» вышло уже и не по одной книге, и потому свои заметки мне хочется начать разговором о двух совершенно разных, далеко не равноценных, но остро нацеленных на современность прозаиках — о Петре Краснове и Святославе Рыбасе.

Первую книгу рассказов Краснова, «Сашкино поле», вышедшую пять лет назад, когда ему было 28 лет, заметили многие. В прошлом году выпущена новая — «По причине души», и все убежденно заключили, что не ошиблись в своих первоначальных оценках. А ведь шагает Краснов хорошо укатанным путем деревенской прозы, и его героям на первый взгляд трудно быть кому-нибудь в новинку.

В «Поколение» включен его рассказ «Наше пастушье дело». Что бы, казалось, тут особо интересного: известные — кому-то до оскомины — сельские мотивы, опять же первое, как и у других, знакомство с жизнью, опять же более или менее одинаковые для всех детские годы... Однако очень примечательно это стоящее в названии рассказа «наше» — не мое, не личное, а общее, "всехнее". У Краснова на первом плане не осознание подростком самого себя — нет, прежде всего здесь к нему приходит ощущение родного, родимой стороны, неразрывной связи с другими людьми.

И это могучее, благодатное и благодарное ощущение не покидает, ведет героев писателя, руководит ими... Но ошибется тот, кто подумает, что таким образом молодой прозаик пробует избегать смотреть в глаза реальности, не замечать того, что смущает многих других молодых.

«...Какой-то примешивающийся ко всему стойкий холодок тревоги» чувствуется И. Дедкову в книгах Краснова. Что ж, этот холодок не раз пробегает по страницам обоих сборников. Только Краснов «чуть-чуть» глубже проникает, точнее видит, вернее судит, ярче рисует... Он не забывает, что и дело, которому присягает, оно ведь может быть не обязательно добрым,— взять «Шатохи», лучший рассказ первой красновской книжки:

«...По мере того как умолкали бубнящие что-то голоса, возбужденные переклики, кое-где смех — по мере этого в начинавшейся, ожидающей, подчеркнутой редкой неосторожной возней тишине стало наконец проявляться, копиться в самом воздухе то неопределенное, томительно-возбужденное напряжение, исходящее от молчания двух десятков спрятавшихся людей — и еще совсем малоопытных, чей азарт будто бы пока не выходил за пределы условностей игры, и людей поживших, видавших виды, чья цель была теперь в том, чтобы сделать поскорее это не совсем приятное и хлопотливое, но нужное, по общему признанию, всем дело — сделать и пойти домой отдыхать. Все они, наверное, и думали по-разному, и делали разное; но недавно происшедшее с мальчуганом Перевязовых и облетевшая вслед за тем все село весть, что собаки, мол, обнаглели вконец и уже проходу никому не дают, и что здесь надо обязательно сделать что-то, иначе потом поздно будет,— все это заставило их сначала собраться вместе, посудачить, покурить, посмотреть, как это все делаться будет; а затем, волей или неволей, от стыда ли, что их считают здесь не у дел, или от вдруг возникшей охоты попробовать, взять, как семь лет назад, в руки вилы, палки потолще, штыковые лопаты, железные, кованные в кузне крючки для дерганья сена и прочее дреколье, встать за разинутыми в нервной зевоте воротами и ждать; а потом бить их, попавшихся, лупить в суетливом азарте, садить, тыкать со сбившимся дыханьем, с сопеньем, с ошалевшей злобой и боязнью, что вдруг эта собака с разбитым черепом, с заплывшей жирно-красным месивом слепой мордой вдруг дернется, а то и встанет, шатаясь, мертво,— и сделает один, два шага к отшатнувшемуся человеку...»

Тревогу, и очень значительную, несет и первая повесть Краснова — «По причине души».

Лето выпало жаркое, угарное, посевы не удались, ухаживать за ними не стало нужды, и сделался Тимофей Иванов «вроде как безработный». «Праздное, томительно бесцельное» вошло в его привычную к нелегкому, но животворящему труду жизнь, ни к чему «н е л е ж а л а д у ш а (разрядка моя.— **Д. И.**)» И вот по этой причине — «по причине души» пошел он с утра на не больно-то и любимую рыбалку, приметил там браконьерский перетяг, загорелся, вытащил, ухватил рыбину — и попался под рыбконтроль. И все: пошло-поехало, не смогли защитить человека, получил срок, семья разбилась — и вся жизнь пошла насмарку, и еле-еле удержался Тимофей на самом краю...

Что же это — предупреждение? Да.

Кому — Ивановым, что ли? Да, им.

Потому что на них опора и надежда у писателя. И эта надежда верная. Стоит вспомнить, как Тимофей судил о доле, которую выбрал себе его народ: «Поворачивать, говорю, надо было на другую колею, а это работенка самая что ни на есть трудная — поворотить-то... Поверни, когда у него морда в другу сторону смотрит. Тебя вот со мной — поверни!.. Ну, а делали все живые люди, не без греха, не от большого ума... все мы виноваты, что так получалось. Все, от мала до велика».

Так вот,— иные складывают ответственность с одного и размывают ее на многих, а герой Краснова возлагает ее на всех, то есть на каждого особенно.

И коли Ивановы это знают, понимают, надо звать, чтобы они не расслаблялись. Пусть не лежит к чему-то душа, все равно надо себя перемочь, заставить,— не то размагниченная жизнь и тебе подставит подножку, и окажешься, как Тимофей, без вины виноватым, и ничего не сделаешь уже.

И поскольку случилось это «по причине души», нельзя допустить, чтобы кто-то решил вытравить ее у себя. Наоборот, нужно ее укрепить добротой — и держаться, держаться заодно с другими людьми.

И как хочется, чтобы в новой книге Петра Краснова лето оказалось бы погожим, посевы вовремя набрали силу, и началась бы обыденная работа, будничная трудовая жизнь, и перед его героем встали те повседневные непростые проблемы, которые стоят сегодня перед каждым совестливым и заинтересованным в общем деле человеком. И чтобы и тут он укрепился и держался, держался заодно с товарищами,— ведь столько еще всего вокруг, в любой — светлый или ненастный — день требуется преодолевать... И другой жизни не бывает и не будет.

II

Как раз к такой, самой обычной трудовой жизни обращается Святослав Рыбас.

Его повесть «Над нами Донбасс», включенная в сборник «Поколение», пришла к читателю в 1976 году, за ней с дистанцией в три года последовали романы «Варианты Морозова» и «Стеклянная стена».

Первые два произведения рисуют шахтерскую среду: от бригад до инженеров, до шахтного и более высокого руководства,— но не только их труд и службу, а и личные, семейные и многие другие отношения. В последнем романе действие происходит среди социологов, но тоже в круговерти будничной работы, хотя главный герой успевает пройти немалую служебную лестницу,— и все это опять же на фоне разнообразных житейских забот.

И вот тут надо сказать откровенно, как бы ни ответственно было выносить такой приговор.

Определяющее, неизбывное, на первых же страницах появляющееся и далее все усиливающееся впечатление — почти все у Рыбаса неживое. Все какое-то недоделанное, ремесленное: тут взяты первые попавшиеся слова, там произвольно выбрана деталь, здесь — явное упрощение, примитив вместо сложности, а тут снова — тривиальное, избитое заняло место характерного, правдивого. И это тем более обидно, что большинство характеров, поступков, ситуаций — не искусственные, не надуманные автором, а подсмотрены, срисованы человеком, внимательным к жизни. Человеком, которому как раз претит схема,— а это большая редкость в подобных случаях,— который ей не пользуется и не сводит к ней жизнь. И тем не менее срисованное, взятое из жизни не оживает. Ему не хватает необходимого минимума мастерства — этого первейшего фермента жизни в искусстве. А нет искусства — нет и Правды, художественной правды.

Это не означает, как можно подумать, что у писателя не встречаешь ни единой верной детали, точной фразы, дельной мысли, серьезного и сердечного наблюдения. Но ведь они только кирпичики, которым, с одной стороны, трудно не затеряться среди множества других, непрофессионально исполненных. А с другой, и главной,— пусть даже некрасивого, но цельного, законченного здания у Рыбаса все равно не находишь. Вместо него имеется элементарная, очевидная, арифметически составленная сумма напряженно застывших, служащих прежде всего подпорками друг для друга фактов, наблюдений и отдельных черточек. Нет насущнейшего — идеи, которая бы их объединяла, цементировала, устремляла ввысь.

А вместе с тем налицо упорное, настойчивое и весьма похвальное стремление воплотить очень существенную, но для других малопривлекательную сторону реальности — обыденное, будничное, исполнительское в работе и жизни. Герои Рыбаса — именно исполнители, не творцы,— те, у кого тоже нет своей идеи, кто просто «тянет лямку», кого не одухотворяет работа и кто не способен одухотворить работу сам. Его герои редко, слишком редко ощущают радость сплоченного, коллективного дела, обычно они изо дня в день выполняют сменные задания, исполняют приказы, а если даже руководят людьми, то делают это механически, заведенным порядком, вольно или невольно являясь лишь погонялами.

Инженер Морозов из первого романа именно такого человека и олицетворяет. Он не находит для себя иного «варианта» и без энтузиазма отдается «карьере» маленького начальника. Стерин из повести «Над нами Донбасс» и Устинов из «Стеклянной стены» пробуют что-то изменить в сути выполняемой ими работы, но жизнь пока не идет им навстречу. Стерин уверен, что это временное положение, а Устинов бежит от большей должности, чтобы служба не подмяла в нем человеческое.

Что ж, все это вполне реально, равно как и обрисованные писателем повседневные обязанности и времяпрепровождение подчиненных, товарищей и соратников по работе этих главных его героев. И можно долго и не без интереса обсуждать различные соображения, высказанные писателем по ходу развития событий в его произведениях. Но все это будет разговором по поводу, ибо сами-то герои и другие персонажи Рыбаса остались невоплощенными, безликими, неживыми. Почему?— это даже невозможно конкретизировать,— но это с горечью ощущаешь, когда возьмешь на себя изнурительный труд вчитываться в долгий ряд тусклых страниц. И если повесть «Над нами Донбасс» как-то могла привлекать первичностью впечатлений, пусть непретворенных, то повторение того же уровня постоянно не может не вызывать ничего, кроме решительной неудовлетворенности.

III

Перед читателем прошли примеры полярного свойства. А каково же общее впечатление после знакомства со сборниками молодых?

Пока надежды, с которыми приступаешь ко всякой книге с неизвестным именем на обложке, отдалились... Основных причин тому, как и обычно в подобных случаях, две.

С одной стороны, поверхностность, отсутствие страстной, высокой идеи: писатель рисует то же, что видит в жизни всякий читатель, то есть фиксирует следствия, а к причинам, к истокам, к толще действительности почти не прикасается; сегодня увидел, сегодня записал, сегодня почти и книга готова. Писатель не говорит неправды, но и Правда не встает с его страниц.

С другой — просто недостаток дарования. Правда, у таланта есть неудобная особенность — раскрываться у всех по-разному, так что предрекать заранее писательскую судьбу — занятие неблагодарное. К тому же — и это еще существеннее — сами критерии таланта в искусстве почти неуловимы. Как доказать, что он есть или его нет, когда степень мастерства измеряется знаменитым, но неопределимым «чуть-чуть»?..

По одному произведению, как уже говорилось, трудно делать далеко идущие выводы о том или ином писателе, тем более что и критик, наверное, в чем-то не беспристрастен, но какие-то общие настроения в прозе молодых улавливаются достаточно определенно.

Повесть «Осенью в школу» Г. Баженова, открывающая сборник «Поколение», затрагивает тему, к которой молодые обращаются, пожалуй, чаще всего: семья, отношения супругов и отношения родителей, дети, оставшиеся без заботы, любви и ласки... Упадок семьи и упадок любви, сегодняшние чувства, настроенные на стремительную близость, но которым так не хватает самопожертвования и достоинства,— и еще десятки иных, но схожих переживаний и ситуаций проходят чередой по страницам обоих сборников. И если в повести Г. Баженова увиденная глазами шестилетнего мальчонки родительская размолвка получила весьма слащавый, если не совсем приторный, привкус, то в других произведениях близкие положения выписаны пером сострадательным, но не сентиментальным. Писатели без преувеличения рисуют то, что наблюдают в действительности, настойчиво сигнализируя о явном и опасном неблагополучии, о распространении эгоизма, разобщенности, бездушия.

Взять, например, Валентина Ардашева, главного героя повести А. Викорука «Зона холода» из сборника «Начало». К тридцати с чем-то годам жизнь ставила Ардашева, как и всякого человека, несколько раз перед значительным выбором, и нынче снова пришло время задуматься ему.

Десять лет назад он по любви выбрал в жены Аллу, а теперь расходится с ней. Чего не выдержала их любовь? Конечно, должно винить Аллу в том, что ей оказалась чужда погруженность Валентина в научные исследования. Но ведь и Ардашев, не поддаваясь на приманку благополучной службы, которую прочат ему родители жены, поступает все-таки тоже достаточно эгоистично: в нем, пусть бессознательно, действует сделавшееся с каких-то пор для многих непререкаемым убеждение, что любимое дело важнее и существеннее любимого человека. И автор тоже, не задумываясь, берет сторону Валентина, а все аргументы в пользу сохранения семейного союза с Аллой заранее признаны им безнравственными, хотя, не смущаясь сравнением, можно вспомнить героев великого Толстого: кто более виноват — Каренин или Анна,— спорили и будут спорить вечно... А в результате сложность жизни в повести только заявлена, намечена.

Это относится и к другому выбору, который встал перед Ардашевым ныне: покривить душою и разделить успех исследования с напрашивающимся в соавторы начальством,— или проявить принципиальность, но тогда последствия будут прямо противоположными, и прежде всего, возможно, для дела. Валентин оказывается тут один на один с недостойным человеком, поскольку, как он теперь сознает, «и сами мы не очень о других беспокоимся». В конце концов он решает бросить вызов, не уступать, но повесть на этом кончается, оставляя читателю строить догадки о дальнейшем, а для этого ее характеры психологически куда как недостаточно разработаны.

Согласное, извиняющее отношение молодых авторов к своим героям вообще наводит на размышления.

Е. Трубилова в рассказе «Трава симтарин» (сборник «Начало») знакомит читателя с Андреем, который «будто не сам жил, а другой кто-то. Будто я просто подсматривал за этим другим, а сам не жил... И не жалко было быстротекущей жизни, все казалось, не моя, чужая, и было безразлично, на что ее тратить... Вчера вдруг ощутил — это ведь моя жизнь проходит!»

Пять лет назад, по окончании университета, он сумел избежать распределения в дальние края и устроился... начальником противопожарной охраны, чтобы иметь возможность заниматься... «самосовершенствованием». Оставленная ему папой-профессором жилплощадь, а также, видимо, его постоянные субсидии и позволили Андрею «усовершенствоваться» до вышеозначенной мысли, но ни до чего более. Его новая подруга сочувствует ему и, кажется, даже полюбила Андрея. На этом рассказ кончается, и что самое странное, автор ведь тоже сочувствует этому, по сути, заурядному эгоисту. За что?.. Да, в жизни произрастают такие «травы», такой «мыслящий тростник». Но сам-то Андрей должен нести ответственность за то, что пустил свое существование на необременительный самотек?

Безусловно, если жизнь «мирится» с такими «героями», таковой и надо ее изображать. Но изображенным останется лишь внешний, самый поверхностный слой жизни, если писатель не решается воплощать конфликты, к которым неизбежно ведет подобное примиренние, и цену, которой кому-нибудь все равно придется за это примиренчество расплачиваться. И тут теряешься в догадках.

То ли некоторые из нынешних молодых притерпелись да приспособились, закалились сердцем и душою, смирились с процентом «естественной убыли» человеческого единения и прибылью себялюбия. То ли для них обнажение жизненного драматизма представляется чересчур азбучным приемом, а более тонкой манерой кажется оставлять его скрытым, не обострять ситуации (а немало примеров действительно дает тому и сама жизнь), не вести читателя как на помочах, а наталкивать его на самостоятельное упорное вглядывание в воссозданную ими действительность... Однако, сколько я ни всматриваюсь, какого-либо серьезного постижения не обнаруживаю. Скорее надо говорить о проявлениях достаточно модной ныне среди молодых «амбивалентности», «многомерности» авторской позиции, стремления понять и тут же простить всех и вся.

Отпечаток похожих настроений несет и заметный своей оригинальностью рассказ Л. Бежина «Мастер дизайна».

Один из двух его центральных персонажей, Юра Васильев, постоянно пребывает «в ощущении, будто ты проболел каникулы: полмесяца полнейшей свободы, а ты взял и бездарно провалялся в постели с гриппом». Свое состояние этот двадцатилетний юноша именует «болезнью жизни», и рассказ оставляет равнообъясняющими оба толкования: и сам Юра болеет от жизни, и в самой жизни тоже есть болезнь. Но вот однажды Юре встречается доцент, дающий «уроки воспитания чувств», который пообещал сделать его «счастливым в жизни». Рецепт оказался испытанным, примитивным и скорым на эффект: из эгоиста неосознанного должно превратиться в эгоиста сознательного.

«Постепенно он все явственнее ощущал в себе твердевший комок разумного эгоизма: «Если мне хорошо, то и другим хорошо со мной». Раньше он совершал явную ошибку, рассуждая: «Черт с ним, пусть мне будет плохо, зато другому помогу!» Ничего не выходило из такой помощи. Пытаясь сострадать и сопереживать другим, он лишь вместе с ними увязал в их же страданиях. Теперь же эти страдания отскакивали от него, как тугой резиновый мяч. Странное дело, один его вид довольного собой человека повышал тонус у окружающих».

Такая, пусть ироническая, вариация на тему искушения Фауста Мефистофелем не находит, однако, душевного отклика, особенно трансформация характера искусителя. Мефистофель, как известно, «вечно хочет зла и вечно совершает благо», и именно это решающим образом характеризует гетевского сатану. У Бежина мефистофельствующему Кириллу Евгеньевичу дана противоположная задача: желая добра, творить зло,— но писатель все равно, по традиции что ли, отдает ему свои симпатии. Правда, в собственной семье Кирилла Евгеньевича счастья нет и в помине; правда, в конце рассказа Юра устраивает бунт против своего наставника,— но все это не наносит необходимого урона авторитету мастера душевного дизайна, и с последней страницы он уходит по-прежнему в туманном, но и незаслуженном ореоле учителя жизни.

Такое, надо думать, противоречие возникает оттого, что образ Кирилла Евгеньевича писателю удался, а вот большинство других фигур в рассказе выглядят служебными, призванными лишь иллюстрировать логику повествования, а по собственной своей человеческой сути неинтересны автору. Отсюда крайняя сухость, почти бесплотность их изображения, отсюда и весьма частая у молодых этакая «сценарность» письма,— точно писателю важно лишь собрать каркас поступков и душевных движений своих героев, а оживить их перед читателем — уже чья-то еще обязанность. В этом же основная причина недоверия, с которым встречаешь финальный бунт Юры против Кирилла Евгеньевича,— он психологически почти не подготовлен.

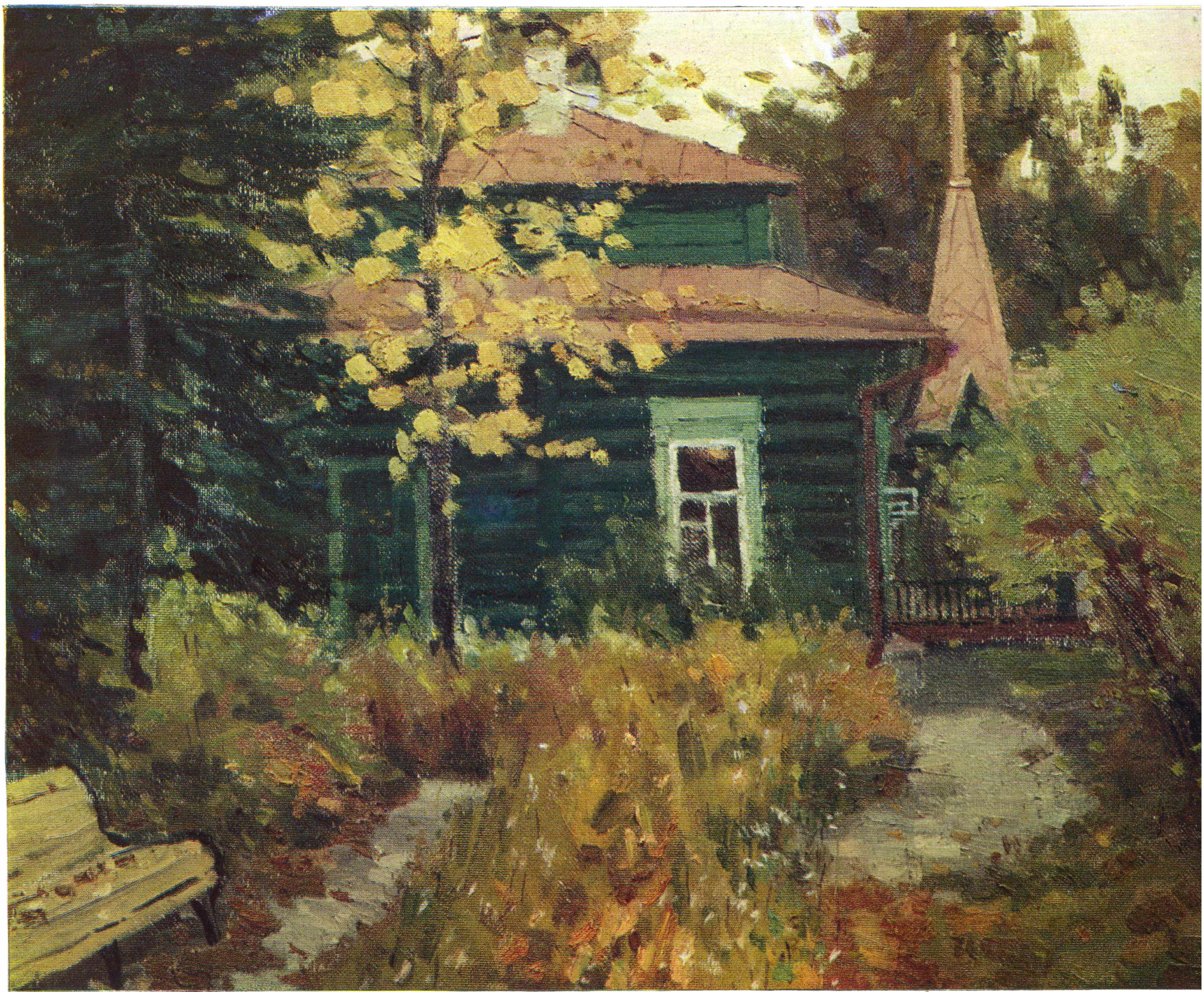
...Такими представляются некоторые тенденции творчества молодых там, где они непосредственно касаются живой современности и потому вызывают наиболее пристальный интерес. Естественно, в сборниках немало произведений, посвященных и другим темам, и здесь в первую очередь нужно выделить те, в которых предстают судьбы человека. Среди них хочется отметить серьезные рассказы А. Драбкиной, С. Бардина, С. Лыкошина, а из «Начала» — «Двое» В. Малярова и «Вор» С. Сергеева.

* * *

Две книги, тридцать восемь авторов, тысяча с лишним страниц — и неудовлетворенность...

И все-таки ждешь, постоянно ждешь, что вот-вот, не нынче, так завтра, прозвучит новое, свежее слово о «прекрасном и яростном мире», в котором мы живем сегодня.

Понятно, больше всего желаешь, чтобы явилась книга — подлинный учитель жизни, в которой острота и проблемность, злоба дня и зримые приметы времени сплелись бы с вопросами вечными, непреходящими,— сплелись в характерах крупных, одушевленных новыми высокими идеями, в словах глубоких и мудрых, правдивых и прекрасных. Но всегда есть и еще одна заветная надежда: перевернув очередную страницу с незнакомой фамилией, вдруг испытать радость открытия художника, ясное и яркое ощущение: никем раньше так и об этом не было сказано.

А. Мухин. Род. 1919. ДОМ-МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА В КОСТИНО. 1974.

А. Мухин. ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ. 1978.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

А. БАСМАНОВ

Не сразу Александр Мухин явился пейзажистом. Деревенский паренек родом из небольшого сельца Старая Михайловка, студент Пензенского художественного техникума, ученик художника-педагога Горюшкина-Сорокопудова был с пятого курса в 1939 году мобилизован в армию; год 1941-й отметился в его судьбе жестокими боями и тяжелейшим ранением. Но Мухин выжил и снова взял в руки карандаш.

После счастливых студенческих лет, после графических штудий античных гипсов и живописных этюдов на пленэре пришла другая тема — «Герои фронта и тыла», работать над которой он начал в 1943 году в Саранске и которая, по сути, могла бы стать книгой памяти о славных сыновьях и дочерях Мордовии, защитниках Отечества; эти портреты украшают теперь республиканский краеведческий музей.

Потом, после войны, он продолжал уделять серьезное внимание рисунку, жанровым зарисовкам с натуры, но поездки на родину к другому своему учителю, старейшему мастеру живописи Федоту Сычкову, в село Кочелаево, естественно, были для художника источником богатых впечатлений. С тех пор — и, видимо, навсегда — пейзаж становится для Мухина главной темой, основным жанром творчества.

Его работы отличает нежность, его взгляд не только воспроизводит природу, он ее ласкает. Вот розовый мостик через лесную маленькую речку, розовая тропинка по изумрудной мураве, темная зеркальная зелень почти стоячей густой воды, а на другом берегу кудреватый сырой лесок, пахнущий грибами. Вот дорожка через солнечную опушку, через раннюю теплую осень, когда деревья золотые, а небо ослепляет своей голубизной. А вот белая зимняя березовая роща.

В разные, переменчивые времена года он многократно возвращается к излюбленным мотивам, из которых, как мозаику, слагает единую тему своего творчества. Он пишет этюды, по своей живописной и композиционной основательности напоминающие станковые картины, и станковые картины, которые экспрессивны и непосредственны в передаче чувств, как этюды. Он воспроизводит на полотне раннюю весну, талую воду, разлив рек, цветение летних лугов, пожар осеннего леса, пастбища и поля, первый снег, он умеет уловить дыхание земли, непостоянство воздушной среды и света. Казалось бы, узкий сюжетный диапазон, но он вмещает в себя целый мир природы, бесконечно богатой настроениями.

Палитра Мухина разнообразна. Возьмем, например, картину «Село Ключарево», в которой десятки различных цветовых тонов и оттенков — от черных и белых до фиолетовых и ультрамариновых. Возьмем его этюд «К вечеру», выдержанный в строгой гамме приглушенных голубого и зеленого, почти стереоскопично передающих ускользающие летние сумерки, умиротворенную тишину вечерней деревенской околицы. Каждый пейзаж этого художника — хотя написаны они, казалось бы, в несколько однообразной стилистике — это всегда открытие в окружающем нас мире новых черт, неведомого прежде, неожиданного, прекрасного.

Названия картин непритязательны, будто простая фиксация времен года и географических пунктов — «Мокша. Льды», «Ледоход на реке Инсар», «Весна. Залитая пойма реки Мокши»,— но в каждом полотне благодаря искусству мастера мы ощущаем нечто большее: и голубоватый холодок еще не разогревшегося воздуха, и иссиня-черную глубину цвета стволов старых деревьев, и легкий белый пар дышащей земли, и сухую жесткую желтизну прошлогодней травы, и синие тени на полой воде.

Иногда, однако, Мухин уходит от пейзажа. Ведь за окном современность, а в памяти война. Вот почему в Мордовии по его архитектурным проектам воздвигнуты обелиски в честь павших героев. Вот почему он создает картины «Высоковольтная линия», «Экскаватор в карьере», «Карьер Алексеевского цементного завода»; но и тут, в этих «индустриальных» произведениях, не изменяет основному свойству своего художнического характера — лиричности.

Саранск — родина живописца. Здесь его дом и мастерская, в окрестностях этого города он черпает вдохновение и воплощает свои замыслы. Уроженец Мордовии воспел ее на своих холстах. Но Мухин отнюдь не домосед. Он писал Крым, берега Черного моря, уникальные памятники хорезмского средневековья, Красную площадь в Москве. И, пожалуй, самой интересной и самой значимой из этих «немордовских» тем стала для Мухина ленинская тема, начатая им в 1967 году.

Первая же картина, темпераментная, выразительная — «Дом, где родился В. И. Ленин»,— подкупала зрителей теплом и человечностью, трепетным чувством. А вот «Дом-музей В. И. Ленина в Костино» — угол простого бревенчатого сруба, крашенного простой зеленой краской, теплый облачный октябрьский денек, садовая скамейка с опадающими на нее ломкими янтарными листьями, тропинка, протоптанная к крыльцу, почти все огненно-рыжее: и садовый кустарник, и клумбы, и деревья. То, что видим мы на этой небольшой картине, неприхотливо, так сказать, немузейно, но живо, понятно всякому человеку.

Уже больше десяти лет работает Мухин в Горках Ленинских. Теперь это целый цикл, сюита полотен, которые остаются прежде всего образом Родины. Ленинская тема, как и другие, не завершена в творчестве художника. Он продолжает писать Горки в разные времена года, возвращается к местам, связанным с детством вождя, изображает нескончаемый поток людей к Мавзолею в столице.

Александр Андреевич Мухин — очень работящий и очень требовательный к себе живописец. К одному и тому же мотиву он зачастую возвращается по нескольку раз, стремясь выразить его полнее и лаконичней. В снеговую стужу, в июльский зной, в раннюю весеннюю слякоть, в распутицу его главным рабочим местом остается пленэр, где пишутся бесконечные этюды. Трудолюбие, как и положено, приносит плоды. Это сотни картин, и персональная выставка в Москве — высокая честь для художника, большое культурное событие для республики, которую он представляет. Выставка выдержала испытание, стала предметом изучения специалистов — художников и искусствоведов, ее посетили тысячи людей, напоминание об их чувствах — переполненная книга отзывов. «Настоящий патриотизм не криклив, не терпит шума и трескотни,— пишет один из москвичей.— Об этом думаешь, когда знакомишься с творчеством А. А. Мухина. Все созданное им пронизано любовью к земле, на которой мы живем и которую называем великим словом Родина».

ПОЧЕМУ?

ПОЧЕМУ Винницкий подшипниковый завод не выполняет свои договорные обязательства, срывает поставку подшипников Минскому тракторному заводу!

ПОЧЕМУ нужно тратить время, деньги на командировку гонцов, чтобы «выбить» детали, которые должны бесперебойно поступать по договорным обязательствам!— спрашивает Р. Прусова, техник Минского тракторного завода.

«ПОДШИПНИКИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Другой такой командировки в жизни не помню. Попросили меня съездить в Винницу, на подшипниковый завод. Объяснили, что положение критическое, может предприятие остановиться из-за того, что Винницкий завод опять срывает поставку подшипников. «У тебя золотая звезда Героя Социалистического Труда, к тебе там иначе отнесутся, чем к остальным гонцам». Поехала, хотя по служебному положению меня дела снабженческие не касаются: я техник в цехе. Но коллектив-то выручать надо.

Чего я в Виннице не насмотрелась за две с лишним недели! Толкачей видимо-невидимо. Некоторые на вокзале живут, потому что «гостиница не резиновая». Раздраженные, издерганные, потому что на заводе с ними никто разговаривать не хочет: «Мы вас, мол, не вызывали и знать не хотим!» Я все-таки к директору завода пробилась, «выколотила» подшипники. А как погрузить, на чем отправить? Ведь часто самолетами приходится пользоваться. (Знаю, несколько дней уходит, пока в Москве удастся из Внукова в Шереметьево злополучные ящики переправить.) В общем, я «свою порцию» привезла. Но ведь одной командировкой завод не обеспечишь. Винница подводит нас систематически. За 1982 год Винницкий завод недодал нам 50 тысяч подшипников № 210, 25 тысяч — № 208, 16 тысяч — № 115, 16 500 — № 110 и т. д. Мы, в свою очередь, ставим в трудное положение тех, кто ждет наши тракторы, запасные части к ним. А потом говорим о выполнении Продовольственной программы, о трудовой дисциплине, ловим в проходной опоздавшего и тут же целую смену отпускаем домой: нет деталей, стоит производство. А сколько народу по командировкам мотается бестолково, сколько денег зря уходит на вынужденные поездки туда-сюда, как развращает людей необходимость «гарантировать» левый заработок шоферам, кладовщикам, грузчикам!

Почему все это происходит!

Хотелось бы, чтоб коллектив Винницкого подшипникового завода ответил минским тракторозаводцам, хотелось бы, чтоб письмо обратило на себя внимание в Госснабе СССР и Минавтопроме СССР, которому подчиняются подшипниковые заводы. Тем более, что страдающих от такой «системы» очень много.

Р. ПРУСОВА,
техник 4-го механического цеха Минского тракторного завода, Герой Социалистического Труда

ОТ РЕДАКЦИИ:

Тревожное это письмо готовилось к печати, когда в газетах было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросу соблюдения договорных обязательств по поставкам продукции и повышения в этом деле ответственности министерств, ведомств и предприятий. Публикуемое письмо — иллюстрация того, как в Минавтопроме, на ряде его предприятий недооценивается значение договорной дисциплины, слабо контролируют ее соблюдение. А страдают от этого смежники, в частности, Минский тракторный завод, и те, кому поступают белорусские тракторы.

Редакция ждет от Минавтопрома и Винницкого подшипникового завода ответа на письмо Р. Прусовой из Минска.

ГОЛОС СТАДИОНА

Лев ФИЛАТОВ

В последнее время в интервью, которые по обыкновению дают тренеры команд всех лиг, все чаще звучит: «Намерены играть так, чтобы нравиться зрителям». Раньше такие же слова произносили то Бесков («Спартак»), то Ахалкаци (тбилисское «Динамо»), но футбольное сообщество относилось к их заявлениям прохладно, пропускало мимо ушей. А в прошлом году эту фразу принялся настойчиво повторять молодой тренер минского «Динамо» Малофеев, и, поскольку его команда преподнесла сюрприз, сделавшись чемпионом, видимо, стало просто невозможно пренебрегать столь убедительным примером. Можно было бы принять эти словесные реверансы за модное поветрие и не придавать им особого значения, во всяком случае, до той поры, когда они будут подтверждены делом. Но мне кажется, что они выражают наметившуюся смену представлений у нашего тренерского корпуса и уже поэтому знаменательны и заслуживают разбора.

Сперва хотя бы в общих чертах попытаемся разобраться, что означает «нравиться зрителям». Думаю, что в первую очередь следует сказать об атмосфере борьбы за победу, об игре изо всех сил, по выражению классика нашей тренерской мысли Б. Аркадьева, о полной насыщенности полутора часов, отведенных на матч. Если все это соблюдено, то уже можно рассчитывать на сочувственный отклик аудитории.

Требование — слово немудреное. И странно было бы на нем настаивать, если бы мы в предыдущие сезоны не становились слишком часто свидетелями отступления от него. Не счесть матчей, разочаровавших нас безразличием лиц, действовавших на поле, то явно готовых пойти на мировую, а то и уступить противнику, которому очки нужнее. Футбол ведь как игра более всего славен непредсказуемостью результата практически каждого матча. Когда же загадочность подменяется сделкой, пусть даже и выгодной кому-то с точки зрения турнирного продвижения, из футбола вынимают его суть, его сердцевину, и смотреть с трибун становится просто-напросто нечего.

Теперь мне предстоит сослаться на некоторые примеры. Обязан оговориться, что пишу эти строки после первых туров чемпионата, и не исключено, что следующие туры преподнесут нечто более существенное для иллюстрации. Я же имею возможность как свежее, обнадеживающее веяние оценить азартнейшее, прямо-таки страстное противоборство, которое встретили лидеры прошлого сезона — минское и киевское «Динамо». Минчан со всей строгостью «проверили» «Зенит» и «Пахтакор», уделив им одно очко из четырех возможных. Киевлян сначала выбил из Кубка тот же «Зенит», потом они были обыграны «Араратом» и «Металлистом». Прибавим к этому два поражения «Спартака» (кубковое и в чемпионате) от «Шахтера». Если «Спартак», странно готовившийся к сезону под крышей, в лоджии (выражение Н. Ахалкаци), выглядел в тех матчах откровенно слабоватым, то минское и киевское «Динамо», тренированные вполне достаточно и представленные боевыми составами, были вынуждены уступить, столкнувшись с соперниками воодушевленными, верными той самой заповеди — «играть изо всех сил». Создавалось даже ощущение, что и минчане и киевляне были обескуражены накалом предложенной им борьбы. Лишне говорить, что посетители стадионов в Ленинграде, Ташкенте, Ереване, Харькове, Донецке получили от футбола то удовольствие, на которое вправе рассчитывать постоянно.

Поэтому, если опять обратиться к тому, что было предложено нашему вниманию в самом начале сезона, вспомним, что дружное одобрение вызвала игра «Зенита», в хорошем стиле переигравшего, а не пересилившего киевское и минское «Динамо», игра «Арарата», фрагменты (пока только так) игры киевского «Динамо» во встрече с «Гамбургом» на его поле и сборной страны в первых таймах товарищеских матчей с отличной командой Франции и сильной командой Швейцарии. Пусть не так уж много было игровых командных проявлений, которыми можно похвалиться. Но они были, что лишний раз показывает возможности наших мастеров, по моему глубокому убеждению, раскрытые не до конца.

Почему же возникла необходимость хлопотать о сбережении игрового начала, словно оно занесено в Красную книгу? Неужто недостаточен исторический опыт футбола, убедительно свидетельствующий, что большие успехи приходили к тем командам, которые, опираясь на физическую готовность и волю, строили, развивали и культивировали свою характерную, разумную, искусную игру, благодаря чему и оставались надолго в памяти благодарных очевидцев?!

Может быть, мы ломимся в открытую дверь? Нет, не все так просто, как кажется. Много лет, а если пользоваться футбольными измерениями, то с времен «дубльве» веду я наблюдения за эволюцией игры. С удовольствием, даже с гордостью вспоминаю об оригинальных взносах в копилку идей тренеров Б. Аркадьева, М. Якушина, В. Маслова, имевших дар улавливать веления времени, умевших вместе со своими командами ему соответствовать, а в чем-то и обгонять. И все же, как это ни печально, приходится сказать, что в большинстве случаев для нашей тренерской мысли в области тактики характерно заметное отставание от новейших образцов, преподносимых обычно чемпионатами мира.

Принято считать, что футбол в наши дни идет под названием «тотальный», и длится эта «эра» приблизительно лет десять. Все основные требования и приметы такого футбола, казалось бы, изучены досконально. Успели уйти в тень родоначальники тотального метода голландцы, совсем еще недавно блиставшие и в оранжевой форме сборной и в своих клубах «Аяксе» и «Фейеноорде», сошли со сцены или сходят те, кто так ярко провозгласил этот метод,— Круифф, Неескенс, Крол, Хаан, Ренсенбринк и другие. Иные команды, иное поколение игроков совершенствуют, развивают на свой лад тотальный футбол. Естественно, принят он и у нас. Но сразу же наметились два его истолкования. Одно, я бы сказал, буквальное, перенявшее внешние черты, и другое, подразумевающее сохранение игрового своеобразия. Первое истолкование оказалось в большинстве и разместилось, если иметь в виду теоретические разработки, на командных высотах, его олицетворяли тренеры достаточно молодые, энергичные, эрудированные — В. Лобановский, О. Базилевич, Ю. Морозов, В. Иванов. Одновременно с ними, не отказываясь от обязательных, прогрессивных признаков тотальности, но не давая погаснуть огоньку игрового начала, руководили своими клубами К. Бесков и Н. Ахалкаци. Хотя их команды — «Спартак» и тбилисское «Динамо» — в последние сезоны выглядели совсем неплохо и имели достижения, это тренерское направление рассматривалось не как столбовая дорога, а как сомнительный, объездной путь. Генеральной же линией объявлялось следование атлетизму, скоростным данным футболистов, простейшим, разученным и совершенно обязательным маневрам. Основным аргументом в пользу такого тотального футбола считались постоянно высокие результаты киевского «Динамо» в чемпионатах страны.

Прошлый сезон оказался в высшей степени важным для всей этой чрезмерно затянувшейся дискуссии. Чемпионат мира, представший перед огромной телевизионной аудиторией во всем блеске, показал нам футбол, конечно же, тотальный, ибо он был скоростным, атлетичным, игроки проявляли себя универсалами, могли уверенно исполнить любую роль, благодаря чему возникало множество разных вариантов атаки и защиты. Но футбол в то же время продолжал быть игрой, где наравне с соблюдением тактических аксиом торжествовали экспромты, тонкости, неожиданности, выдумка, хитрость. И потому-то этот чемпионат в целом и имел такой успех у зрителей.

А вскоре после чемпионата мира мы стали свидетелями прямо-таки поразительного взлета издавна скромной команды минского «Динамо», со всей возможной в футболе отвагой пробившейся на верхнюю строку таблицы. И увидели, что отвага эта была обеспечена четким, сознательным курсом на чисто игровую интерпретацию тотального футбола. Так тренер Э. Малофеев, стаж которого невелик, не докладом или ученой статьей, а делом «выступил в прениях» более чем убедительно. Минское «Динамо» приблизилось к искомой в футболе формуле: «Завоевывать одновременно призы и симпатии».

Мне кажется, что эти два события прошлого года и повлияли на умонастроения тренеров, заговоривших о намерении играть так, чтобы нравиться зрителям.

Перемены в нашем футболе происходят существенные. Остановлюсь на одной: иначе стали выглядеть голы. Быстрота перемещений больших групп игроков на защиту своих ворот, куда иногда стягиваются все наличные силы, причем это в порядке вещей и не является признаком сугубо оборонительного варианта, ограниченность свободных участков поля для маневров наступающих и постоянный цейтнот, в котором находятся атакующие,— все это, вместе взятое, заставляет забивать голы нестандартные, редкие, мгновенные.

Другими словами, тотальный футбол открыл нам немало новых изощренностей, он оказался необычайно требовательным к проявлениям мастерства, поднял его на более высокий уровень, приучил игроков к мгновенным умственным реакциям.

И характерно, что вовсе не силачи и бегуны, которых пытались культивировать и выращивать сторонники внешнего, узкого взгляда на тотальный футбол, задают тон. По-прежнему в центре событий и внимания аудитории затейники, искусники, технари, хитрецы: Прокопенко, Курненин, Заваров, Блохин, Оганесян, Казаченок, Бессонов, Газзаев, Грачев, Черенков, Месхи. По-прежнему в большой цене (и их остро не хватает) геометры, проводники, те, кому ведомы тайные росчерки передач, кому дано объединять и задумывать: Чивадзе, Буряк, Гаврилов, Пудышев, Суслопаров. Всех их смело можно именовать хранителями игры.

Розыгрыш Кубка страны, дошедший до финала, и начальные туры чемпионата успели разделить клубы, но не по набранным очкам, а по их состоянию, по нашему первому впечатлению. Одобрение получили «Шахтер», «Пахтакор», минское «Динамо», «Металлист», «Зенит». Круто взяло курс на перевоплощение тбилисское «Динамо», нам еще предстоит привыкать к фамилиям его молодых игроков, из числа которых, будем надеяться, появятся столь же известные, как Кипиани и Дараселия. И «Спартаку» после шестилетнего благополучного существования пришла пора обновить свои ряды, испытать новых кандидатов.

Особое внимание привлек наш признанный лидер киевское «Динамо». К дню, когда пишутся эти строки, команда провела шесть календарных встреч в Кубке страны, в Кубке европейских чемпионов и в первенстве и четыре из них проиграла. Случай редкий в ее практике. Но любопытно, что прессой и внимательными наблюдателями это происшествие было встречено с пониманием. В стиле игры динамовцев видны изменения, и хотя эксперимент только начат и оценить его невозможно, но чувствуется, что команда не прочь активизировать свою экономную, рассудочную манеру, которая прежде очень многими воспринималась по меньшей мере как спорная.

Время для точных отзывов еще впереди. Но в одном убежден: голос стадиона, голос зрителей должен быть услышан и принят во внимание мастерами и тренерами. Он верный, этот голос, он дает ясное представление о том, что хорошо, честно и душевно в футболе. Он желает игре добра.

Юрий ЛУШИН

Завещание

О ЛЮДЯХ БЕЗ ДУШИ И СОВЕСТИ

Если бы можно было лишать звания называться человеком, если бы существовал такой закон, они давно перестали бы считаться людьми. Их и с животными-то сравнить нельзя, потому что животные бывают жестоки неосознанно, без умысла. Эти, как бы их назвать, недочеловеки что ли, жестоки осознанно... Трое детей судятся с мертвой матерью. Для них деньги стали дороже материнской любви, они растоптали даже память о ней... Деньги затмили все. Деньги — вместо души. Деньги — вместо доброты. Деньги — вместо любви. Деньги — вместо совести. Удобный эквивалент, деловито рассуждают недочеловеки... В рабстве у денег — история, конечно, не новая. Наши недочеловеки топают в это рабство изо всех сил, и, рассказывая о них, я не надеюсь открыть им глаза. Я надеюсь, что те, кто лишь готовится шагнуть к такому рабству, задумаются и остановятся. И поймут, что ни за какие деньги не купить утраченное право называться человеком.

Высокий, стройный, красивый, в дорогом костюме, сшитом по последней моде, весь такой архисовременный, с благородной сединой на висках, истец приехал на суд со своим адвокатом. Ответчица в суд не явилась и не явится, потому что с того света являются только в сказках. Это внушало ему спокойствие и снисходительную уверенность, с которой отвечал он на вопросы судьи и народных заседателей. «О чем тут долго рассуждать,— казалось, говорил весь его облик,— она явно не права, а мы правы. Да она же просто не в своем уме была...» Он-то, конечно, был в своем уме, и это, пожалуй, самое печальное в нашей истории. Ответчицу, старушку Евдокию Давыдовну, после трудной и долгой болезни несколько дней тому назад погребли на сельском кладбище, и она себя защитить не могла. Да и не себя уже, а свое доброе имя. Он на похороны не приехал (человек занятой, какой-то большой начальник где-то на Севере,— некогда было). Последние годы он вообще ее не видел (сам не приезжал и к себе не приглашал), не писал даже, а когда ее похоронили, мигом прилетел, отодвинув самые неотложные дела, чтобы... подать в суд на умершую родную мать. И, младший сын ее, Владимир, красавец мужчина, судился теперь с прахом родной своей матери. Кто тут, спрашивается, помешался и на чем?

Элегантный Владимир, машинально покручивая на пальце массивное золотое кольцо, долго и терпеливо объяснял суду, как несправедливо поступила его мать, оставив по завещанию 12 тысяч рублей совершенно чужим людям. Теперь он требовал признать материнское завещание недействительным, объясняя последний шаг ее невменяемостью. Старший брат его Антон и сестра Ирина поддерживали иск против собственной матери, ушедшей в мир иной.

Было в этом что-то не просто бесчеловечное, но такое мерзкое, чему и названия нет.

— Бедная Евдоха,— шептались в зале суда ее односельчане,— хорошо, хоть не видит этого позора... Ироды, а не дети. Да ты на их глаза посмотри, у них же вместо глаз полтинники, они и на мир глядят сквозь эти полтинники...

А они, все трое, упрямо твердили: «Мы свое требуем, наша правда...» Правдой они считали все, что шло им на пользу, им лично, но не соседу или даже родной матери... Суд, однако, не волен поддаваться эмоциям. Он обязан сухо и беспристрастно взвесить доводы противных сторон, найти истину и вынести свое решение согласно закону. Поэтому подвергались судебно-психиатрической экспертизе многочисленные письма Евдокии Давыдовны к ее детям (чего требовали эти самые дети с целью доказать ее невменяемость). Поэтому опрашивались десятки людей (чего требовал закон), как-то знавших их мать: врачи больницы, куда она часто обращалась за помощью; сельчане, среди которых жила последние годы; персонал дома для престарелых, где собиралась провести остаток своих дней Евдокия Давыдовна, оставшись одна на белом свете при живых детях. Опрашивали, разумеется, и истцов — ее детей.

— Вы помните день рождения матери?— спрашивал суд Владимира.

— Нет,— выдавил тот, пожав плечами и растерянно переглянувшись с сестрой и братом.

— Когда вы виделись с матерью в последний раз?

— Примерно лет восемь назад...

— Вы переписывались с ней, помогали материально?

— Я знал, что в моей помощи она не нуждалась, у нее были деньги за проданный дом. Что касается писем, то у меня просто не хватало на них времени...

— Вы интересовались, в каких условиях она жила последние годы?

— Я был спокоен за мать, она жила со старшим братом Антоном.

Он был спокоен. Он беспокоился только тогда, когда, окончив школу, поступил в институт. Тогда частенько наведывался в село: то продуктов взять, то материнских денег. Мать не возражала, делилась, чем могла. Закончив учебу, ездить стал редко — к чему беспокоить старушку? Последний раз видел ее проездом. Она обрадовалась, узнав, что сын назначен на высокую должность, сунула ему в карман конверт с 25 рублями — и начальнику не помешает. Он сделал вид, что не заметил, обещал написать, да, видно, забыл. Слишком спокойным стал... Ах, да, он же объяснил, что у него времени на письма не хватало. А у матери не хватило времени их дождаться, и она умерла.

Спокойна была и ее дочь Ирина. Беспокоилась лишь, когда замуж собиралась. О приданом. Жених оказался строителем, увез Ирину строить далекую ГЭС. Через год поехала мать нянчить внучку — слабенькую (семимесячной родилась). Пришлось выхаживать. Еще потом ездила, нянчила. Когда же внучка чуть окрепла, подросла, Ирина больше мать не приглашала. Успокоилась...

Спокойнее всех оказался старший ее сын, Антон. Силой бог его не обидел и статностью, но в селе с матерью он жить не захотел. Отслужил в армии, женился и в город покатил. «Я там ого-го сколько заработаю»,— хвастался при прощании. Стал шофером грузовика. Зарабатывал прилично, но хотел еще больше. Жил хорошо, но хотел еще лучше. Приобрел дачу, мечтал о собственной машине и кооперативной квартире. И все бы ничего, да беспокоила мать: «Живет там одна, далеко, но в отличном доме. Сколько же тысяч можно взять сейчас за такой дом? Продала бы его, да переехала ко мне в город, места хватит, и внуки рядом». Антон уговаривал мать спокойно и деловито. Уговорил. Не екнуло сердце в тревоге, оно, простодушное, поверило чистым помыслам сына, ее первенца. В испытании на чистоту Антон держался долго — полгода. Вероятно, для него это был предельный срок. Через полгода мать в семье стала лишней (после отказа предоставить все деньги за проданный дом), и ей давали это понять самыми разными способами. Сын снова забеспокоился: «Тебе, мать, городской воздух не показан. Ты же к вольному духу привыкла, к деревенскому. Да и тесновато у нас... Тут под городом сельцо есть, в нем я избушку присмотрел, правда, поменьше твоей прежней, но жить можно. Ты побудь там, пока не оформится квартира кооперативная, где и тебе комнатка достанется. А чтоб не скучала, поросят прикупим, курочек...»

И свежий воздух, значит, и польза. Железная хватка у Антона оказалась. Теперь с утра дотемна крутилась Евдокия Давыдовна на сыновней ферме. Шутка ли, какое хозяйство: свиньи, телята, птица, огород. Так миновал год, и второй, и пятый. Давно уже семья Антона жила в кооперативной квартире (о комнатке как-то само собой забылось), давно он ездил в собственной машине (к матери регулярно — забрать птицу, мясо, зелень, чтобы продать подороже на городском рынке), а она все так же бесперебойно то корм скоту задавала, то грядки пропалывала. Антон, забирая продукты, радовался: «Все на продажу» — и думал, наверное, что мать у него железная. Но однажды, поднимая чугунок с варевом для поросят, она потеряла сознание и очнулась лишь в больнице, куда отвезла ее соседка Наталья С., все эти годы бескорыстно помогавшая старушке. Услышала диагноз врачей: «Инсульт с правосторонним развивающимся параличом»,— и поняла, что плохи ее дела. Но и тогда беспокоилась не о себе, попросила вызвать сына, чтобы сообщить: некому теперь заниматься его хозяйством.

Антон объявился под вечер. Деловито и спокойно спросил мать, не будет ли она возражать, если похоронят ее здесь, в селе, здесь же закажут оградку и соберут поминки, поскольку в городе все это обойдется дороже. Он все предусмотрел. Оглушенная сыновней заботой, она молчала, а по бледным ее щекам, по дорожкам морщин катились слабые старческие слезы. Ему и в голову не

пришло, что он делает что-то не так. Он заговорил о деньгах за проданный дом, попросил при врачах-свидетелях подписать доверенность, чтобы он получил деньги в сберкассе. Она лишь молча отвернулась к стене, и этот тихий бунт рассердил его: «Не приеду больше». Молоденькая сестричка, на две головы ниже Антона, с глазами, полными ужаса, молотила его по широкой груди маленькими кулачками, повторяя сквозь слезы: «Как вы можете, как вы смеете так?» С равным успехом она билась бы о бетонную стену, у стены тоже отсутствует сердце... Антон все же наведался в больницу еще раз или два, но, поняв, что доверенности на получение материнских денег ему не видать, перестал ее посещать. Не откликнулись на телеграммы матери и Владимир с Ириной. Все они просто забыли о ее существовании.

А она еще жила. Она жила еще два года, пересилив с помощью внимательных врачей и добрых людей тяжелейший недуг. Жила одна, тихо, незаметно, и дни тянулись для нее долго и никчемно. Сидя часами на завалинке, она, привыкшая всю жизнь трудиться и быть среди людей, страдала от одиночества. Сидела и думала, как встретится на том свете с мужем Степаном, умершим после возвращения с войны от тяжелых ран, и что скажет ему о детях. Дети же вспоминались ей теперь почему-то маленькими, когда были ласковыми, добрыми и смешными почемучками. Вспоминалось, как однажды Антон пролежал четыре месяца в больнице, как дежурила ночами у его кровати. Как вскоре после этого стала слепнуть Ирина, и пришлось срочно везти ее в город к известному врачу. И как светло и счастливо малыши улыбались, выздоравливая и радуя ее материнское сердце... А вот взрослыми дети почему-то не вспоминались. Ее пугало иногда, что она совсем забудет их лица, и тогда ковыляла в свою избушку взглянуть на их фотографии. Смотрела и плакала...

За несколько дней до своей кончины Евдокия Давыдовна пригласила секретаря сельсовета, чтобы составить завещание, по которому передавала восемь тысяч рублей дому для престарелых и четыре тысячи многодетной матери-одиночке Наталье С., ухаживавшей за ней все это время, как за родной матерью...

Мать лежала уже в гробу, когда появился в избушке Антон и стал рыться в ее старенькой одежке, под матрацем, в погребе, в печные горшки даже заглянуть не поленился — все искал ее сберегательную книжку, деньги искал. Соседи подсказали, что книжка и завещание в сельсоветовском сейфе. Узнав, что содержится в завещании, чертыхнулся: «Зря ездил, бензин только тратил. Но ничего, мы свое возьмем». И вызвал телеграммой брата Владимира и сестру Ирину, чтобы всем вместе выступить в суде против матери. Когда суд признал материнское завещание законным, они сокрушались: «Зря ездили...»

* * *

...Я не называю фамилий моих «героев» (имена подлинные) не потому, что мне их жалко, а потому, что у них есть дети. И, несмотря ни на что, я хочу верить — дети станут все-таки настоящими людьми.

ПЕРВОЕ РОЖДЕНИЕ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА

Зденек ГОРЖЕНИ, чехословацкий публицист

Сохранился документ, в котором Ярослав Гашек безоговорочно причисляет себя к журналистам. Это анкета, которую он в декабре 1918 года заполнял в Бугульме (ныне — Татарская АССР) и где по-русски написал:

*Имя, отчество, фамилия — Ярослав Романович * Гашек*
Какую должность занимает в настоящее время? — Помощник коменданта города Бугульмы
Род занятий до Октябрьской революции — журналист
К какой партии принадлежит или какой сочувствует — большевиков-коммунистов
*Сочувствует ли Советской власти? — коммунист ***

Позднее, в анкете «чехословацкого коммуниста, члена РКП(б)», заполненной в Москве в ноябре 1920 года, на вопрос о профессии Гашек отвечает: «писатель и журналист». И это, без сомнения, самый точный ответ. Литература и журналистика были вернейшими спутниками его жизни.

Ступени, по которым он во всей своей скромности поднимался на Олимп мировой литературы, были добросовестно вытесаны молотом журналистики. Его исключительная память, как единодушно подчеркивают многочисленные свидетельства, самопроизвольно сплетала в единый узел журналистскую боеготовность и деловитость с художественным воображением.

От семнадцати юношеских лет и почти до своего сорокалетия, которого он не дождался, Гашек написал свыше 1200 рассказов, юморесок, очерков, фельетонов и других газетных материалов (между ними передовицы, реплики, комментарии, заметки, статьи), четырехтомный эпический роман о Швейке, к сожалению, незаконченный, два других романа, рукописи которых не сохранились, «Историю партии умеренного прогресса в рамках закона», был автором нескольких пьес и многих стихов. Великолепный результат двух десятилетий творческой жизни, и такая вершина — роман о Швейке, сделавший имя Гашека бессмертным.

«Похождения бравого солдата Швейка», это многоразмерное антивоенное полотно, возникло и выросло как спонтанный и общенародный протест против бессмысленной империалистической войны. «Это тип международный, тип солдата из всех империалистических армий,— доказывает Юлиус Фучик,—...ибо тип Швейка обладает искусством добиться поражения для тех, кто посылает его в бой».

Ярослав Гашек шагал к Швейку, к своему бессмертию, сложным, полным зигзагов и противоречий путем, который, несмотря ни на что — путь добросовестного, пытливого исследователя. От анархистского антивоенного индивидуального бунта через высшую школу антимилитаризма времен первой мировой войны до прямой борьбы на стороне Красной Армии, на стороне революции. В переломные мгновения своей судьбы, на перекрестке мировой истории он сначала чувством, а потом и разумом пошел за Октябрем. Из его биографии хотели вычеркнуть Красную Армию, членство в РКП(б), всю честную и осознанную службу Советской России, социалистической революции. Мещанин хотел выдать Гашека за шута, беспринципного гуляку из богемного мира, который готов потешаться над всем и для всех, забавляться ради забавы.

Неоспоримым фактом гашековской судьбы остается то, что участие в революции, хоть оно и «отвлекло» гениального прозаика от литературы, принадлежит к самым звездным дням его жизни и творчества. Это пора, когда боец Красной Армии и революционный журналист предельно заостряет свое классовое видение мира, классовый подход к империалистической войне. Влияние именно этих лет на «дозревание» бравого солдата Швейка сегодня вне дискуссий. Ибо только после своих практических красноармейских университетов мог Ярослав Гашек вложить в образ бравого солдата такое проникновенное, общечеловеческое осуждение империалистической войны.

* * *

...Ярослав Матей Франтишек Гашек — так звучит в метрике его полное имя — вступил в чешскую журналистику уже как студент Пражского коммерческого училища. В одной своей юмореске зрелых лет, «Душенька Ярослава Гашека рассказывает: «как я умерла», он как бы мимоходом от имени своей «душеньки» уточняет: «В тридцать пять лет я имела за собой восемнадцать лет прилежной, плодотворной работы».

После роспуска австрийского парламента в апреле 1911 года группа насмешников, собиравшихся в кабачке «Кравин» — «Коровник» решила спародировать предвыборный бой и «основала» своеобразную верноподданническую «партию», которая ставила перед собой целью «умеренный прогресс в рамках закона».

Под «манифестом» новой «партии», якобы изданным в апреле 1911 года к предстоящим выборам, Гашек поставил несколько подписей: Эдуард Дробилек, Йозеф Скружный, инж. Кун, Йозеф Лада, д-р Новак, Ярослав Гашек, д-р Бог. Шмераль, Эмануэл Шкатула, а также... д-р прав Слабый, полицейский комиссар.

«Партия умеренного прогресса в рамках закона» была веселой, раскованной, убийственно верной карикатурой. Представители пражской богемы, сплотившиеся вокруг Гашека, выдавали его за

Из книги «Ярослав Гашек — журналист», которая готовится в издательстве «Радуга».

* Отца Гашека звали Иозеф, поэтому его сын должен был носить отчество Иозефович, или Осипович. Гашеку, однако, понравилось отчество Романович — очевидно, по имени его двоюродного брата и товарища по литературной молодости Романа Гашека.

** Подчеркнуто Гашеком.

своего глашатая и кандидата «партии» на выборах.

Компания из «Коровника» обзавелась не только кандидатом, но и собственным «гимном», который распевался под мелодию анархистской песни «Мильоны рук во тьме вздымались». Зато слова были свои — их написал поэт Йозеф Мах:

Уже мильон их, кандидатов,
Дурачат наш честной народ.
И избиратель простоватый
Легко им голос отдает.

Бореньем не добьетесь рая.
Насильем не взрастите сад.
Прогресс мы мирный выбираем.
Пан Гашек—вот наш кандидат...

Осенью того же года Гашек начал вести «летопись» своей «избирательной кампании», куда включал без особой внутренней связи юмористические зарисовки о тогдашней политической жизни, ее героях, а также о людях пражской богемы. Под маской внешней серьезности и лояльности он едко высмеивал мелочность и праздность пражских обывателей, обскурантизм Австро-Венгерской империи, низкопоклонничество перед Веной, равно как и преувеличенный патриотизм, псевдореволюционность. Его язык становится все более свежим, сочным, это язык улицы, пражских ресторанчиков и пивных.

Несколько глав гашековской «Истории партии умеренного прогресса в рамках закона» опубликовал в 1924—1925 годах его друг Алоис Гатина в газете «Смер», а позднее они появились в «Руде право» (1937). Вацлав Менгер передал тогда часть рукописи Юлиусу Фучику, который на протяжении нескольких месяцев знакомил с нею читателей газеты. В небольшом вступлении «Руде право» представила произведение Гашека как «действительно великолепную сатирическую историю чешской жизни последних предвоенных лет».

В полном объеме (84 главы) «История...» вышла впервые спустя полвека после ее создания — в 1963 году — как девятый том полного собрания сочинений Ярослава Гашека в пражском издательстве «Чехословацкий писатель».

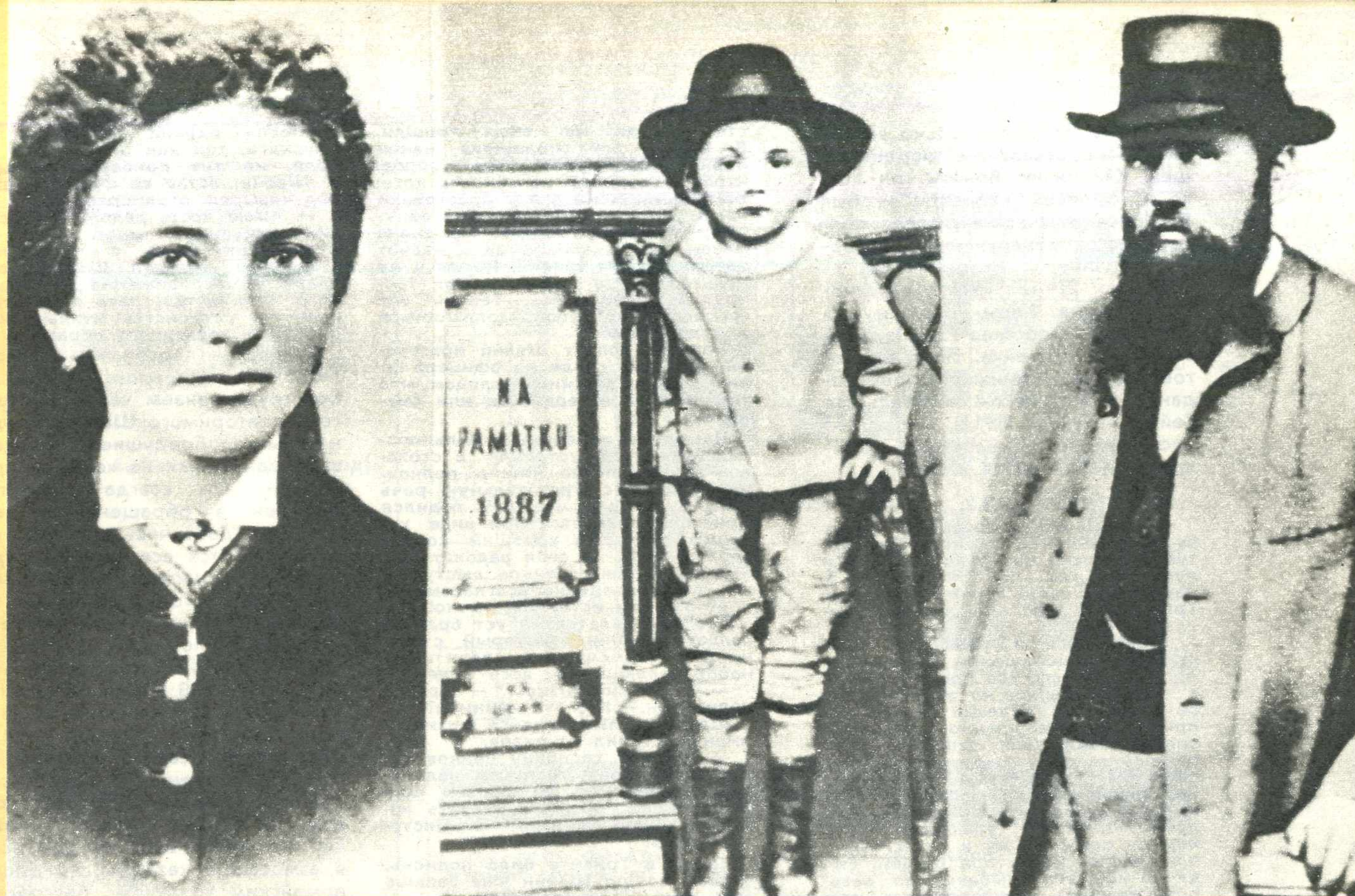
Атмосфера «лояльной» «Партии» умеренного прогресса в рамках закона», в какой Гашек жил весной 1911 года, скорее всего и была тем чревом, где мог зародиться такой «верноподданнический» характер, как Швейк.

Рождение великого Швейка произошло, всего вероятнее, в один из майских дней 1911 года. В тот день Ярослав Гашек пришел домой изрядно утомленным, что для почетного члена пражской богемы было нормальным состоянием. И в эти мгновения на обрывке бумажного листа он нацарапал несколько слов, которые вошли в историю:

«Идиот на действительной».

Он сам потребовал, чтобы его осмотрели и убедились, какой из него будет исправный солдат...» (далее текст неразборчив).

Позднее Ярмила Гашекова вспоминала, что той ночью Гашек присел к кухонному столу и попросил ее принести лист бумаги. «У меня такая идея, такая идея!» Однако он набросал всего несколько слов, скорее каракулей, и уснул с ручкой в руке. Утром, едва проснувшись, он стал искать этот клочок, где, по его словам, была запечатлена гениальная творческая идея. «Не знаю, что

Родители Я. Гашека. Мать Катержина, отец Йозеф, в центре — четырехлетний Ярослав.

Я. Гашек, вернувшийся из России на родину (1921 г.).

Я. Гашек (в первом ряду третий справа) среди работников политотдела 5-й армии Восточного фронта. Иркутск. 1920 год.

В МОСКВЕ, НА ПЕРВОМАЙСКОЙ

Мало ли что, а вдруг кому-нибудь да и захочется написать бравому солдату 91-го пехотного полка! В конце концов пишут же Ромео и Джульетте в Верону и Шерлоку Холмсу в Лондон... Швейк «прописался» в Москве по адресу: ул. Первомайская, 3, корпус 1, квартира 54. Собственно, квартира эта принадлежит инженеру Петру Миновичу Матко, но Швейк и его создатель Ярослав Гашек незримо присутствуют здесь вот уже долгие годы.

Свыше двадцати тысяч экспонатов насчитывается в собрании П. М. Матко — «филошвейкиста», как называют его друзья. В музее на дому — книги и фотографии, сувениры и редкие театральные афиши. Короче, все, что так или иначе связано с именем Ярослава Гашека и Швейка. Собранным за полвека архивом П. М. Матко воспользовалось издательство «Планета», выпустив комплект фотооткрыток. А не так давно музей выезжал в Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева, где с ним познакомились москвичи и гости столицы.

В. КОВАЛЕВ

Фото из архива П. М. МАТКО

Я. Гашек (второй справа) с друзьями. Прага. 1912 год.

Я. Гашек с девятилетним сыном Рихардом на прогулке. 1921 год.

это было. Если бы только вспомнить!» — с отчаянием твердил Гашек. Как пишет Ярмила, он долго искал свой набросок и был бесконечно счастлив, когда смятый листок обнаружили в мусорной корзине.

Вскоре, 22 мая 1911 года, журнал Йозефа Лады «Карикатуры» опубликовал рассказ Гашека «Бравый солдат Швейк». Позднее, готовя его для книжного переиздания в пражском издательстве Гейды и Тучека (1912), Гашек дал рассказу новое название — «Поход Швейка против Италии».

ВОТ ЭТОТ РАССКАЗ:

«Швейк шел на военную службу в веселом настроении. Ему хотелось просто поразвлечься, а получилось так, что он привел в изумление весь гарнизон города Триента с его начальником во главе.

Швейк всегда улыбался, был любезен в обращении, и, очевидно, поэтому его все время сажали в тюрьму. Выйдя из заключения, он с улыбкой отвечал на все вопросы и совершенно спокойно опять давал себя запереть, уверенный в том, что его боятся все офицеры триентского гарнизона. Не грубостью, а, наоборот, учтивыми манерами и приветливыми, дружелюбными улыбками — вот чем он повергал их в ужас. При появлении инспектора Швейк, сидя на койке и улыбаясь во весь рот, вежливо приветствовал его словами:

— Слава Христу Спасителю, осмелюсь доложить.

Эта искренняя добродушная улыбка заставляла офицера Валька скрежетать зубами. Он охотно поправил бы на голове Швейка фуражку, чтобы та сидела согласно уставу, но теплый, задушевный взор Швейка мешал ему что-либо предпринять.

Как-то раз в казарму вошел майор Теллер. Окинув суровым взглядом вытянувшихся возле своих коек солдат, Вальк скомандовал:

— Швейк, подай сюда винтовку!

Швейк добросовестно выполнил команду, только вместо винтовки принес ранец. С ненавистью глядя на славную наивную физиономию Швейка, майор Теллер спросил:

— Ви не знайт, что такое винтовк?

— Так точно, не могу знать,— был ответ.

Швейка повели в канцелярию. Принесли винтовку, сунули ему под нос.

— Что это такое? Как называется?

— Не могу знать.

— Это винтовка.

— Не могу знать.

Его отправили в тюрьму, и вдобавок тюремщик по своему почину обозвал его ослом. Но солдаты ушли на тяжелые учения в горы, а Швейк преспокойно сидел за решеткой с улыбкой на устах. Не зная, как с ним быть, назначили его подавальщиком в столовую для вольноопределяющихся — прислуживать за обедом и за ужином. Он накрывал на стол, разносил кушанья, пиво, вино, потом скромно садился у двери и курил, время от времени объявляя:

— Осмелюсь доложить, господа: господин Вальк — хороший человек, очень хороший!

При этом он улыбался, выпуская в воздух клубы дыма.

В столовую зашла инспекционная комиссия, и какой-то новый офицер имел неосторожность спросить скромно стоящего у двери Швейка, какой он роты.

— Не могу знать.

— Как называется город, в котором расположен здешний гарнизон?

— Не могу знать.

— Ты что, с неба свалился?

— Никак нет.— ответил Швейк с милой улыбкой, глядя на офицера наивным, доверчивым взглядом.— Я родился, потом ходил в школу. Потом выучился столярному ремеслу. Потом привели меня в одну корчму и заставили раздеться догола. Через несколько месяцев пришла за мной полиция, и меня отвели в казармы. Там меня осмотрели и говорят: «Вы, дескать, не явились вовремя на призыв, три недели просрочили. Мы вас арестуем». «За что? — спрашиваю.— Я ведь и не собирался идти в армию и даже не знаю, что такое солдат...». Всетаки арестовали меня, на поезд посадили и привезли в одно место, откуда мы сюда пришли. Я никого не спрашивал, какой полк, какая рота, какой город, чтобы ненароком не обидеть кого. На учении меня сразу арестовали из-за того, что я в строю закурил,— что тут такого, не знаю. Потом арестовали, когда я насчет потери штыка заявил. Потом я на полигоне чуть не застрелил господина полковника... Теперь вот господам вольноопределяющимся прислуживаю.

Бравый солдат Швейк проговорил все это, глядя на офицера таким ясным, детским взглядом, что тот не знал — сердиться или смеяться.

Наступил сочельник. Вольноопределяющиеся устроили в столовой елку, а после ужина полковник произнес трогательную речь на тему о том, что вот родился Христос и радуется при виде хороших солдат, а хороший солдат должен сам на себя радоваться...

Вдруг торжественное выступление было прервано возгласом:

— Это как есть! Так точно!

Возглас вылетел из уст бравого солдата Швейка, который стоял, никем не замеченный, среди вольноопределяющихся, весь сияя.

— Sie, Einjähriger! * — взревел полковник.— Кто это крикнул?

Швейк с улыбающейся физиономией выступил из рядов.

— Так что, господин полковник, я прислуживаю господам вольноопределяющимся, и больно мне понравилось, что вы сказать изволили. Сразу видать — от чистого сердца!

Когда в Триенте било полночь, бравый солдат Швейк уже больше часу сидел в холодной.

На этот раз он просидел довольно долго, но потом ему опять повесили штык на пояс и направили в пулеметную часть.

Проводились большие маневры на итальянской границе, и бравый солдат Швейк выступил вместе с армией.

Перед походом он слушал объяснения кадета:

— Представьте себе, что Италия объявила нам войну, и мы выступаем против итальянцев.

— Что ж, повоюем! — крикнул Швейк, за что получил неделю ареста.

Отбыв наказание, он был отправлен вместе с тремя товарищами по заключению, под надзором капрала, в свою пулеметную часть. Сперва двигались долиной, потом углубились в горы; и там, как можно было ожидать, Швейк потерялся в густом лесу на итальянской границе.

Пробираясь сквозь кустарник, он напрасно искал глазами своих, пока не очутился благополучно, в полном вооружении, по ту сторону итальянской границы.

Там бравый солдат Швейк отличился. В это время возле самой границы с Австрией, на итальянской территории, проводила маневры миланская пулеметная часть; восемь солдат и мул с пулеметом вышли на равнину, которую внимательно осматривал бравый солдат Швейк.

Итальянские солдаты, ничего не подозревая, легли в тень и заснули, а мул с пулеметом принялся важно щипать траву, все более от них удаляясь, пока не подошел к тому месту, откуда Швейк с улыбкой наблюдал за неприятелем.

Бравый солдат Швейк взял мула под уздцы и вернулся в Австрию с итальянским пулеметом на итальянском муле.

Спустившись обратно по тому же косогору, он пробродил со своим мулом полдня в каком-то лесу и только к вечеру увидел австрийский лагерь.

Сперва охрана не хотела его впускать, так как он не знал пароля, но тут прибежал офицер, и Швейк, встав во фронт и взяв под козырек, отрапортовал:

— Имею честь доложить, господин лейтенант: мной захвачен итальянский мул с пулеметом!

Бравого солдата Швейка отослали в распоряжение гарнизонного начальства, зато нам стало известно устройство итальянского пулемета последнего образца».

* Вольноопределяющиеся! (нем.)

В новом персонаже пестрого легиона гашековских героев мы без труда узнаем черты будущего неповторимого Швейка, с одинаковым добродушием идущего в холодную или на «собачий промысел». Он всегда улыбается, любезен в обращении, у него наивный, доверчивый взгляд, которого боятся все офицеры триентского гарнизона. С какой силой будет потом развит этот характер в гашековской эпопее...

Военные порядки и военную среду Гашек в ту пору хорошо еще не знал. В армии он никогда не служил. О гарнизоне на австро-итальянской границе слышал из рассказов своего приятеля по «партии умеренного прогресса», поэта Йозефа Маха, который проходил в Триенте срочную службу. То, что автор еще не жил сам в атмосфере казармы, не дышал армейским воздухом, бесспорно, оставило свои следы на этой первой и немножко суховатой гашековской истории о Швейке.

И сам Гашек не был удовлетворен этим рассказом, вспоминает его жена. «Не то, все же это не то»,— говорил он ей. И это было впервые в его жизни — отзываться о собственном детище столь критически.

Однако образ «идиота на действительной» крепко захватил, надолго поработил писателя. Увидев за забавной фигуркой характер, за характером — тип, Гашек перешел от легких насмешек к непримиримой, убийственной критике австро-венгерской военной машины. Гениальная идея («я сам попросил испытать меня, способен ли я быть исправным солдатом») постепенно выкристаллизовывалась в новых юморесках.

Не прошло и месяца, как в «Карикатурах» вышел второй рассказ — «Швейк закупает церковное вино» (19 июня 1911 года). Читатель впервые сталкивается в ней с прототипом фельдкурата Каца, достойным священнослужителем Кляйншродтом, которого так очаровала добродушная физиономия Швейка, что гарнизонный пастырь не заглянул даже в послужной список нашего героя, где содержались все его проступки и прегрешения. Удивительные путевые злоключения Швейка в поисках церковного вина привели, наконец, бравого солдата в тюрьму, после чего разъяренный фельдкурат дал искренний совет: «Лучше всего подавай на комиссию, дурак ты этакий!»

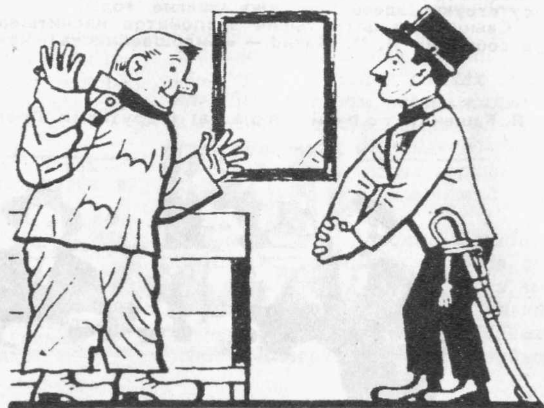

Рисунок Йозефа Лады к «Похождениям бравого солдата Швейка».

И тогда бравый солдат Швейк впервые произнес славную фразу, которая навсегда определила его жизненную философию: «Осмелюсь доложить, желаю служить государю-императору до последнего вздоха!» Это было решающее открытие, сделанное Гашеком в процессе создания его героя.

«Решение медицинской комиссии о бравом солдате Швейке» (так была названа третья юмореска, опубликованная в «Карикатурах» 17 июля 1911 года) действительно состоялось. Однако раньше, чем комиссия выписала ему белый билет, герой дезертировал. Императорско-королевская армия вздохнула спокойно. Но, ко всеобщему изумлению, через две недели бравый солдат Швейк появился ночью у ворот казармы и с обычной своей честной улыбкой на довольной круглой физиономии торжественно заявил: «Честь имею доложить, явился для отбытия наказания, как дезертировавший, с целью служить государю-императору до последнего вздоха».

Два следующих рассказа предвоенного цикла о Швейке автор неожиданно передал из «Карикатур» конкурирующему журналу «Добра копа». Йозеф Лада обиделся на эту гашековскую выходку и решил отомстить, правда, в чисто гашековском стиле. По его заказу была написана четвертая новелла о ставшем популярным герое под названием «Слава и смерть бравого солдата Швейка». Редакция, чтобы довершить месть, даже придумала прозрачный псевдоним — Ярослав Ашек. Но случилось чудо, каких еще немало будет в судьбе Швейка: от преждевременной «смерти» его спас австрийский цензор, который не оставил от рассказа камня на камне.

Таким образом, несмотря на препятствия, чинимые Ладой, Швейк благополучно перебрался на службу в другой «гарнизон» и продолжил свое триумфальное шествие в новой юмореске — «Бравый солдат Швейк учится обращаться с пироксилином». Однако обращался он с ним столь легкомысленно, что в один прекрасный день поднял на воздух себя вместе с целым арсеналом. Иначе и быть не могло, но Швейк пережил катастрофу и к тому же был произведен за храбрость в капралы, награжден большой военной медалью.

Между тем военное министерство учредило в армии воздушные части, и Швейк добровольно вызвался служить в них, не боясь новых приключений: «Осмелюсь доложить: как я уже побывал в воздухе, и это дело мне знакомо, желаю послужить государю императору в воздушных частях».

И вот мы в пятой юмореске, «Бравый солдат Швейк в воздушном флоте» («Добра копа», 28 июля 1911 года), знакомимся с дальнейшими похождениями нашего героя, на сей раз на крыльях самолета, которые чудесным образом перенесли его с берегов Дуная в пальмовые сады африканского города Триполи.

Эти пять рассказов стали вершиной гашековской антимилитаристской сатиры, восхождение к которой автор начал задолго до всемирной военной катастрофы...

Перевод с чешского
Г. УСТИНОВА

Рис. А. Панасенко (Белгород)

Рис. В. Дубова

Рисунки О. Теслера

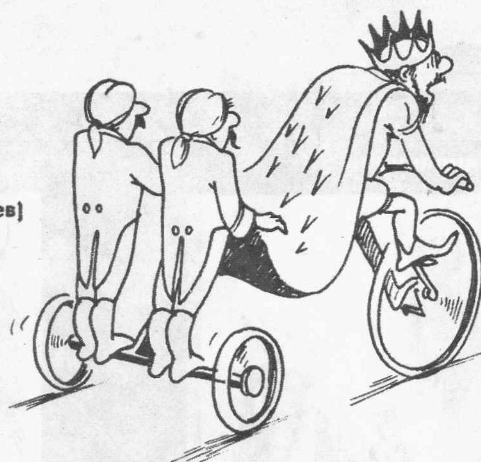
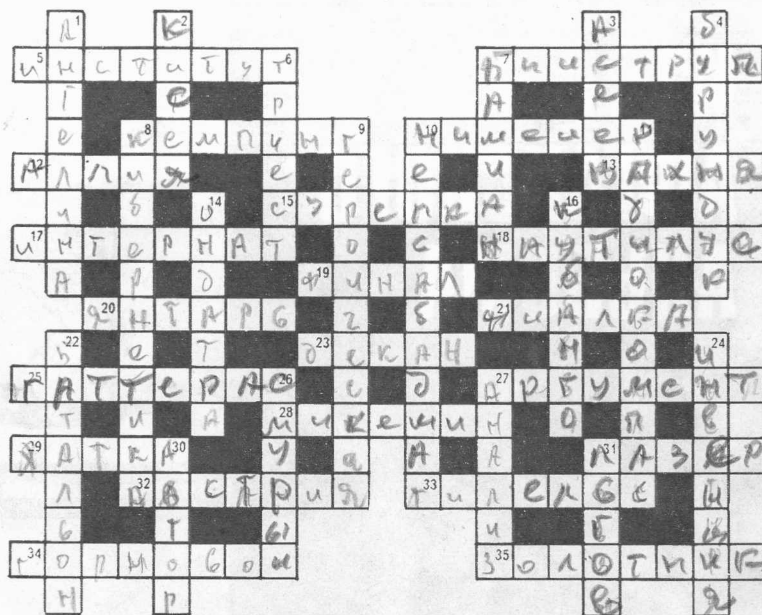

Рис. Т. Юнака (Киев)

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Научно-исследовательское учреждение. 7. Датский художник, лауреат международной Ленинской премии. 8. Летний лагерь для автотуристов. 10. Бразильский архитектор, лауреат международной Ленинской премии. 12. Приток реки Тибр в Италии. 13. Промысловая рыба семейства тресковых. 15. Травянистое растение семейства крестоцветных. 17. Общежитие при учебном заведении. 18. Моллюск, обитающий в тропических водах океанов. 19. Заключительная встреча в спортивных соревнованиях. 20. Ископаемая смола хвойных деревьев. 21. Декоративное растение, цветок. 23. Руководитель факультета. 25. Литературный герой произведения Жюля Верна. 27. Основание доказательства. 28. Скульптор, автор проекта памятника «Тысячелетие России». 29. Машина для скашивания сельскохозяйственных культур. 31. Оптический квантовый генератор. 32. Государство в Центральной Европе. 33. Пианист, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 34. Рабочий-металлург. 35. Подвижный элемент системы управления потоком рабочей жидкости, газа в турбинах, пневматических инструментах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Организатор первой женской тракторной бригады, дважды Герой Социалистического Труда. 2. Прозрачная хлопчатобумажная ткань с рисунком. 3. Автор слов песни «Конная Буденного». 4. Пушной зверек, обитающий в Сибири. 6. Порт в Северной Италии. 7. Административный центр провинции Афганистана. 8. Наука об управлении, связи и переработке информации. 9. Симфония Бетховена. 10. Ежедневная венгерская газета. 11. Устройство на самолете для автоматического определения направления. 14. Пушной зверек, акклиматизированный в СССР. 16. Река в Южной Африке. 22. Подразделение полка. 24. Небольшая музыкальная пьеса. 26. Действующее лицо повести М. Горького «В людях». 27. Метод научного исследования. 30. Создатель проекта, литературного произведения. 31. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Менделеев. 5. Барток. 6. Ловать. 10. Модификация. 12. Какао. 13. Брест. 15. Балласт. 17. Наливайко. 18. Причастие. 19. Томский. 22. Чанги. 23. Новак. 24. Копулировка. 27. Неврев. 28. Балхаш. 29. Стипендия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Антонида. 2. Резонанс. 3. Марсо. 4. «Враги». 7. «Псковитянка». 8. Циолковский. 9. Предисловие. 10. Монтажник. 11. Яблочкина. 12. Карагач. 14. Туринск. 15. Букет. 16. Торий. 20. Осушение. 21. Икосаэдр. 25. Отвес. 26. «Кюхля».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Пришла весна. В колхозе «40 лет Октября» Динского района Краснодарского края сеют свеклу. На снимке: агроном Владимир Стеценко и механизатор Виктор Беркоз. Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Прогулка. Фото В. Купрова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 04.04.83. Подписано к печати 19.04.83. А 00658. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1129. Заказ № 371.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИЗ АФГАНСКОГО АЛЬБОМА

Не теряя времени даром.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

Я был в Афганистане прошлой осенью.

...Кабул просыпается рано. Только отзвучали голоса муэдзинов на минаретах, призывающие правоверных к совершению намаза, а город уже на ногах. Раздаются первые автомобильные гудки, тянутся вереницы осликов и пешеходов к базару.

Говорят, если хочешь узнать, чем живет город, иди на базар. Особенно это характерно для восточного города. Базар здесь одновременно и торговый центр, и клуб деловых встреч, и выставочный павильон под открытым небом.

Пестрые ткани, яркие афганские ковры, расстеленные прямо на земле, полосатые халаты продавцов, горы фруктов...

Но все это чисто внешние приметы мирной жизни.

Необъявленная война, которая развязана контрреволюцией, отразилась на жизни городов и аулов Афганистана. Среди мирной суеты вдруг раздается мощный рев бронетранспортеров, проносятся грузовики с солдатами. У общественных зданий армейские посты — афганский нарэд начеку!

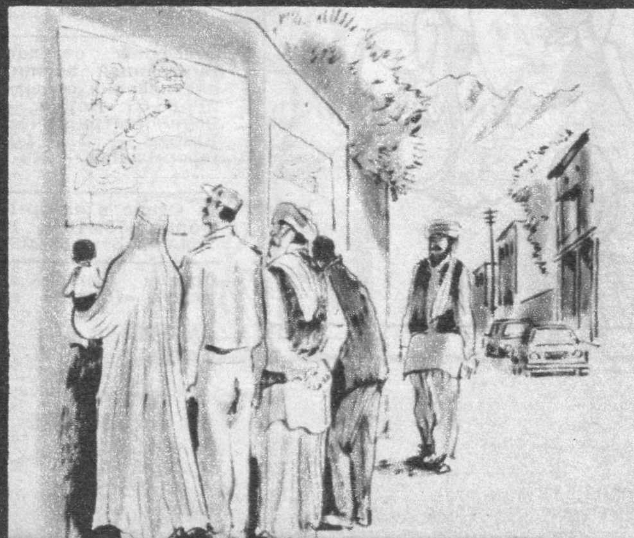
Все бо́льшую помощь оказывают афганской революции братские социалистические страны. И, несмотря на яростные атаки врагов, в стране происходят глубокие социальные преобразования.

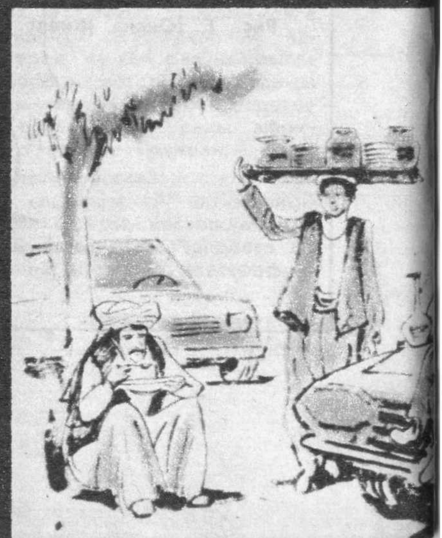
Как говорят афганцы, собака лает, а караван идет своим путем!

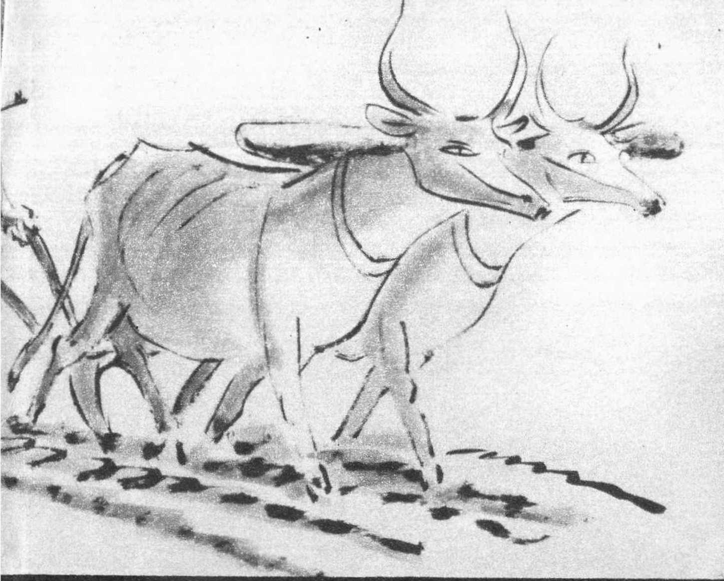

Час пик в центре Кабула.

У новых плакатов всегда оживленно.

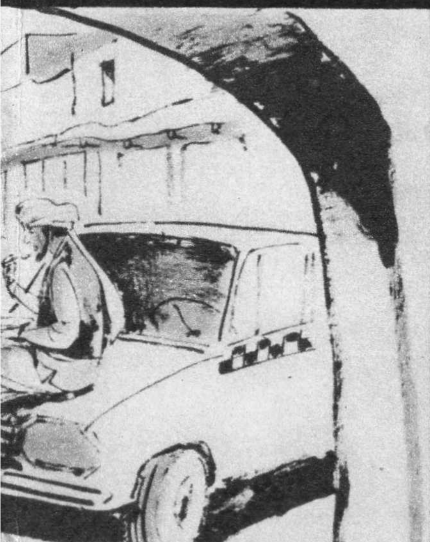

С плугом и автоматом.

Черты нового на лике старины.

Полдень в Кабуле — время обеда.

Газета становится привычной.

Автозаправка.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663